

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАНИФЕСТАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ, КУЛЬТУРЕ, ОБЩЕСТВЕ

Монография

*Под научной редакцией доктора филологических наук,
доцента А. В. Проскуриной*

НОВОСИБИРСК
2026

ББК 81.002+87.228.4
М234

Рецензенты:

А. И. Дьяков, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Новосибирского государственного медицинского университета
М. В. Влавацкая, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета
Новосибирского государственного технического университета

Коллектив авторов:

С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина (глава 1), В. И. Карасик (глава 2),
А. Ю. Ледовских (глава 3), Г. В. Торопчин (глава 4),
С. Г. Проскурин, Д. С. Лебедева (глава 5), Д. С. Лебедева (глава 6),
М. А. Щеголев (глава 7).

М234 **Манифестация семиотического ослабления в языке, культуре, обществе** : монография / С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина, В. И. Карасик [и др.]; под научной редакцией д-ра филол. наук, доцента А. В. Проскуриной. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2026. – 160 с.

ISBN 978-5-7782-5548-7

Коллективная монография посвящена актуальной проблеме, являющейся ключевым элементом семиотической теории – закону семиотического ослабления или «выветриванию» знака. Выявление этапов ослабления знака от сильного к ослабленному, а затем – к совсем слабому, претендующему на условность с потерей первичной иконичности в различных отраслях науки и культуры, свидетельствует о направлении эволюции. Гуманизация человеческой деятельности проявляется на серии социальных институтов, таких как суд, жертвоприношения, экономические отношения («порча денег»), письменность и многие другие.

Монография может быть полезна магистрантам и аспирантам филологических специальностей, научным работникам и исследователям эволюционных программ человеческого измерения.

В оформлении обложки использован фрагмент картины *The Bridge of the Tug boat*, 1920, Fernand Leger.

ББК 81.002+87.228.4

ISBN 978-5-7782-5548-7

© Коллектив авторов, 2026
© Новосибирский государственный
технический университет, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начальной главе настоящей монографии (авторы – доктор филологических наук, профессор С. Г. Проскурин, доктор филологических наук, доцент А. В. Проскурина) представлены теоретические и практические положения фактора семиотического ослабления в мировой культуре. Эволюционный принцип прослеживается на целой серии лингвистических, культурологических, юридических примеров. Знаки развиваются в истории от сильных к ослабленным, и затем к слабым. Это эволюционная закономерность, которая иногда рассматривается как семиотический закон, который вызывает латентные процессы в семантике слова. Проявление ослабления связано с семантическими заменами или субститутами, компенсирующие полновесные выражения. Ослабление свидетельствует о гуманизации социальных институтов, которые претерпевают трансформации в аспекте смягчения жестких практик.

Во второй главе (автор – доктор филологических наук, профессор В. И. Карасик) рассматривается десемантизация языковых знаков, понимаемая как ослабление его понятийного содержания. Языковой знак является динамическим образованием, содержание которого может быть подвержено ослаблению или усилению в разных типах общения. На основании признака точности знака можно установить уровни этой точности в семантическом, прагматическом и формальном планах. Низкий уровень такой содержательной точности представляет собой десемантизацию знака.

Развитие концепции симулякров, по Ж. Бодрийяру, даёт возможность уточнить типы десемантизации знаков. Эти типы сводятся к патологической квазикоммуникации, красноречивому умалчиванию, эмблематической коммуникации, в ходе которой происходит

только обмен знаками самопрезентации, метасемиотической коммуникации, суть которой сводится к выяснению содержания знаков вместо передачи информации о реальности, формальной коммуникации, состоящей в видимости информационного взаимодействия. Десемантизация знака обычно дополняется его оценочной экспансией.

Третья глава (автор – кандидат филологических наук А. Ю. Ледовских) представляет исследование трёх этапов семиотического ослабления ритуальных практик в индоевропейской культуре, в результате чего формируется перформатив как языковая категория действия словом. Первый этап – сильный семиотический признак – охарактеризован центральным положением ритуала, который представляет моделирующий космогонический акт творения. Впоследствии этот признак начинает ослабевать, происходит постепенный синтез ритуального действия и речевой формулы: голос приобретает конституирующую силу, и иногда может замещать физические действия, что ярко проявляется в магических заклинаниях и акте именнаяречения. На последнем этапе сохраняется слабый признак действия с отделением перформативной речевой формулы, которая становится основой юридического дискурса (клятвы, обеты) и сохраняет за собой ритуальную силу изменения реальности; также происходит концептуализация голоса как самостоятельного созидающего начала.

В четвёртой главе (автор – кандидат исторических наук Г. В. Горопчин) раскрываются семиотические особенности, связанные с преломлением ядерных технологий в общественном сознании. Анализ российской и зарубежной литературы позволяет продемонстрировать фрагментированный характер семиотических исследований изучаемого явления, и глава представляет собой попытку преодоления такого разрыва. Автор показывает мультимодальную природу знаков, репрезентирующих ядерное оружие, от вербальных до визуальных. Однако авторский вклад состоит в первую очередь в прослеживании закона семиотического ослабления на рассматриваемом примере. На первом этапе ядерное оружие использовалось на поле боя, что выразилось в американских бомбардировках японских городов в 1945 г. Однако осознав катастрофические последствия таких действий, на следующей ступени человечество прибегало лишь

к ядерным испытаниям в различных средах. Впрочем, и эта возможность была вскоре значительно ограничена международно-правовыми документами, и на третьей стадии испытания были переведены в плоскость математического моделирования. Последние события в российско-американских отношениях убедительно показывают актуальность применения семиотического подхода к пониманию современных тенденций мировой политики и глобальной безопасности. Сложно оспорить тезис о важности и даже неотложности междисциплинарного диалога специалистов из различных отраслей, который, хочется надеяться, поможет предотвратить пересечение опасной черты в виде отката к реальному использованию столь разрушительного типа вооружений.

В пятой (авторы – доктор филологических наук, профессор С. Г. Проскурин, аспирант Д. С. Лебедева) и шестой главах (автор – аспирант Д. С. Лебедева) рассмотрен феномен семиотического ослабления на примере китайской иероглифической письменности. Важно отметить, что ослабление иероглифических знаков имеет некоторые отличия от эволюции индоевропейских концептов. Это вызвано тем фактом, что иероглифическая письменность имеет тесную связь с изображением и в первую очередь фиксирует смысловую составляющую информации, а не звуковую. Следовательно, визуальный компонент – это то, что отличает иероглифику от алфавитных систем, преобладающих в индоевропейском лингвокультурном анклаве. Анализ осуществлялся на основе семиотической модели Степанова – Проскурина, которая включает два параметра – уровень знаковости и тип означивания.

В заключительной главе (автор – аспирант М. А. Щеголев) представлен феномен семиотического ослабления в русском жестовом языке (РЖЯ) – закономерный процесс, в ходе которого жесты постепенно утрачивают свою первоначальную, очевидную иконичность, превращаясь в более условные и абстрактные знаки. Возможно проследить эволюцию жестов от их истоков, основанных на природной пантомиме и спонтанной визуально-кинетической импровизации, до их конвенционализации и последующего структурного упрощения под действием универсального лингвистического принципа экономии. На конкретных примерах (жесты ВОДА, ДОМ, ТЕЛЕФОН,

РОССИЯ, СТАРЫЙ) демонстрируется, как диахронические изменения формы жеста (редукция амплитуды, траектории, локализации) приводят к снижению его изобразительной мотивированности. Утверждается, что семиотическое ослабление обусловлено комплексом факторов: конвенционализацией, принципом экономии усилий и адаптацией к социокультурным изменениям. Феномен выводится за рамки лингвистики и интерпретируется как фундаментальный принцип семиозиса, находящий параллели в философии (Ф. де Соссюр, Ж. Деррида), психоанализе (Ж. Лакан) и культурологии (Р. Барт). Делается вывод о том, что семиотическое ослабление не является деградацией, а, напротив, служит необходимым условием динамичного развития и адаптации языка, позволяя ему балансировать между традицией и новацией.

Авторы монографии выражают надежду, что представленные в рукописи материалы могут быть полезны магистрантам и аспирантам лингвистических направлений подготовки, преподавателям иностранных языков, исследователям в области семиотики.

ГЛАВА 1

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Закономерность семиотического ослабления прослеживается на целой серии явлений культуры, права, языка. Если ранее в семасиологии интересовались эволюцией значения в аспекте его сужения или расширения в диахронии, то в настоящее время в лингвистике и семиотике отмечаются более латентные закономерности, но которые претендуют на то, чтобы служить источником нового научного движения – переориентации научной парадигмы исследования знаковых процессов на этапы становления знаковых отношений.

В новой парадигме исследования знаковых процессов объясняется, как постулируются этапы в осознании семиозиса. «Целью является не объяснять, из чего состоит жизнь, а вместо этого объяснять, как жизнь активно формирует себя – как показано феноменом эволюции» [Favareau 2008: 13]. В результате исследования эволюционных программ развития образов-концептов фиксируются этапы семиотического ослабления. Семиозис знака связан тремя его этапами – «Акт-Жест вместо Акта-Условность». Некоторые исследователи называют это явление «выветриванием знака»: «<...> например, первоначально получить титул рыцаря можно было только в бою, затем бой сменился имитацией вооружённого противоборства и, наконец, – символическим ритуалом, в ходе которого посвящающий ударял коленопреклоненного посвящаемого плашмя лезвием меча и произносил определённую сакральную формулу» [Карасик 2013: 10].

Большинство знаковых символов прослеживает трансформации от сильного символа к ослабленному субституту, и затем – совсем

слабому знаку. Это своего рода семиотическая закономерность. Об этой культурно-семиотической тенденции пишет в словаре «Константы. Словарь русской культуры» Ю. С. Степанов. Так, часто в культуре «материальное, физическое воздействие на агенса социального акта сменяется воздействием замещением» (см.: [Степанов 1997]). Например, жертвоприношение проходит этапы кровного жертвоприношения, далее – его замещения субститутумом, а затем – условной формулой словесного типа, например, молитвой.

В Египте имели место жертвоприношения, человеческие и животные. «Первоначально обряд, по-видимому, проходил следующим образом. Одному или нескольким людям перерезали горло, чтобы их жизнями откупить покойного у смерти. На ранних этапах и даже в начале династического периода практиковалось принесение в жертву человека, который представлял врага Осириса Сета. В более поздние эпохи чаще всего во время обряда убивали чужеземцев, пленных нубийцев или азиатов. В гробнице Монтухерихепшефа имеется изображение двух связанных верёвкой за шеи нубийцев, которых вот-вот должны задушить (рис. 1).

Смягчением варварского обряда стала замена людей животными. Использовались быки, газели, гуси, свиньи, которые также ассоциировались с Сетом. Эти жертвенные животные становились обязательной данью и своей жизнью выкупали жизнь покойного. Тем не менее умерщвление животных сопровождалось имитацией и человеческих жертвоприношений: человек или манекен должен был пройти обряд со шкурой принесённого в жертву быка или газели. В гробнице Монтухерихепшнфа изображён некий персонаж, названный Тикену, которого волокут на салазках к шкуре животного. Сцена, где Тикену облачён в шкуру, не сохранилась, но дальше видно, как в яме, вырытой в земле, жгут шкуру, бедро и сердце жертвенного быка вместе с волосами Тикену – это заменяло человеческое жертвоприношение по принципу замещения целого его частью» [Морэ 2009: 30–31]. На последнем, третьем, этапе место Тикену занимает жрец, завёрнутый в покров, заменивший шкуру, и сам ритуал приобретает условный «более символический характер» произнесения ритуальных формул.

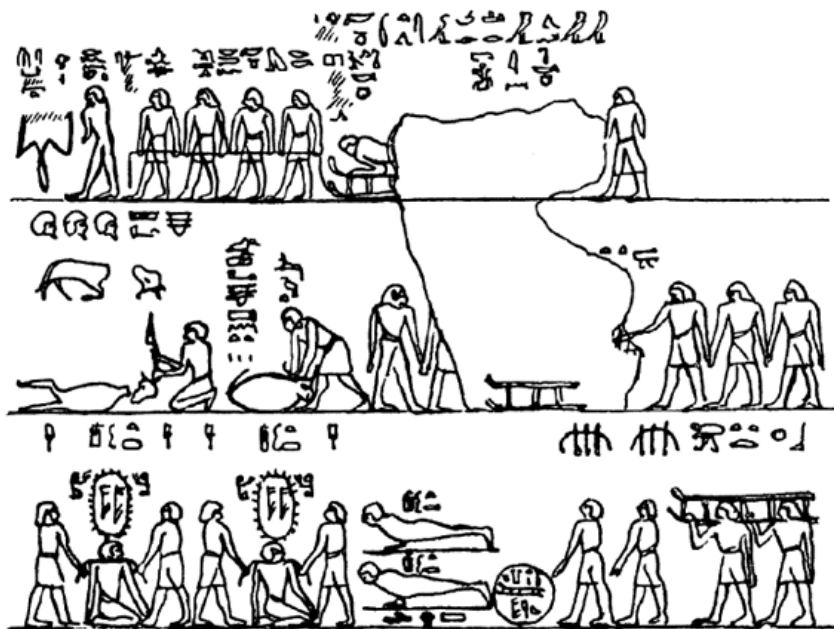

Рис. 1. Первый регистр – Тикену везут в шкуре; второй – принесение в жертву животных; третий – жертвоприношение нубийцев (Монтухерихепшеф) [Морэ 2009: 30]

Семиотическое ослабление на рис. 1 демонстрируется движением от третьего регистра через второй к первому. Создание субститута-маникена Тикену означает смягчение обрядности. Здесь нужно отметить, что отмеченная закономерность встречается в различных секторах.

Так, в экономике известен закон «порчи денег», связываемый нами с тем же семиотическим ослаблением. Денежная система как знаковый (культурный) феномен эволюционировала в сторону «ослабления денег» от их реальной стоимости. Это отвечает общей семиотической закономерности в индоевропейских языках и культуре – стремлению к семиотическому ослаблению в денежной системе, когда сильное семиотическое явление (полновесные деньги) замещается субститутом с «порчей» или уменьшением драгоценного металла в монете, а затем и стоимостной нерелевантностью денег в виде банкнот, не обеспеченных золотом.

На материале права семиотическое ослабление прослеживается в эволюции концептов суда. В древнейшем юридическом памятнике Древнего Рима – «Законах XII таблиц» присутствует формула *ius ducere*, которую обычно переводят ‘вести на судоговорение’. Как пишет Э. Бенвенист, от значения «вести» глагол *ducere* эволюционировал в сторону более абстрактного, более общего понятия «судить» [Бенвенист 1995: 114].

Идея перехода значения «вести» в «судить» – запутанная идея. Так, русское слово *тяжба* также связано изначально с синонимичным глаголом *тянуть*. Ср. рус. *тяжущийся*. С латинской формой связан готский глагол *tiuhan* (нем. *ziehen*) ‘тянуть’. Готский глагол широко употребителен, причём с многочисленными приставками, которые дифференцируют способы действия: «тянуть», «увлекать за собой», «приводить». «Уже на основе сопоставления готской и латинской форм мы можем определить исходное значение глагола *duco* как ‘тянуть’» [Бенвенист 1995: 114–115]. Далее, к этому же корню относится древнеанглийское *þing*, имеющее значения ‘судебное дело’, ‘спор’. С чем же связано такое сцепление смыслов? Как объяснить переход термина, обозначающего силовое действие, к юридическому термину «суд»? В основе эволюции правовых институтов лежит тенденция замещения сильного семиотического действия (побой, саморасправа) ослабленным семиотическим действием (наказание), а также слабым знаком (закон) (табл. 1) [Проскурин 2008: 11–18].

Аналогичные процессы фиксируются в историко-генетической традиции юридической терминологии других правовых систем. Так, уже об ослаблении семантики древнегерманского глагола *тянуть* свидетельствует эпизод из эпоса англосаксов «Беовульф», в котором нападение чудовища Гренделя на дворец Хеорот квалифицируется как *þing* – ‘(судебное) дело’. Наряду с тем сравните строку 409 эпоса: *me wearð Grendles þing*. Напомним, что разбирательство с Гренделем героя Беовульфа является ярким примером саморасправы и не претендует на осмысление как явление цивилизованно правовое. Герой побеждает чудовище, устанавливая нарушенное равновесие и совершает кровную месть. «Для истории культуры, – пишет Ю. С. Степанов, – особенно интересно понятие “месть” и его эволюция.

Таблица 1

Семиотическое ослабление

Уровень знаковости	Тождество. Акт	Подобие. Жест вместо акта	Условность
1. Биологически полная релевантность (этнология, биосемиотика)	Лат. <i>ducere</i> – ‘тянуть’, ‘тащить силой’; гот. <i>tiuhan</i> – ‘тянуть’; рус. <i>тянуть</i>		
2. Биологически частичная релевантность (этнология, этносемиотика)		<i>Ius ducere</i> ‘вести на судоговорение’, ‘привлечь к суду’	
3. Биологическая нерелевантность (лингвосемиотика)			Лат. <i>ducere</i> – ‘судить’; др.-англ. <i>þing</i> – ‘судебное дело’, ‘спор’; рус. – <i>тяжба</i> и термин <i>тяжущийся</i>

Мечь – первичная форма наказания, осуществляемая потерпевшим и его близкими. Сначала она крайне неравномерна, так как определяется степенью разгневанного чувства и силами пострадавших. В историческое время она подлежит различным ограничениям, благодаря которым приобретает публичный характер, потому что подлежит контролю общественной власти. Постепенно мечь сменяется системой выкупов» [Степанов 1997: 432]. С точки зрения семиотики, мы имеем дело с общим семиотическим процессом: материальное, физическое воздействие на агенса социального акта (в данном случае на объект мести) сменяется воздействием ослабленным, замещением (выкупом).

С таким же процессом мы сталкиваемся в культуре во многих других случаях, например, в ритуалах и жертвоприношениях. В науке

первыми об эволюции правовых институтов от силового к ослабленному действию говорили и Э. Дюркгейм, и Самнер Мен, и, конечно, уже в XX в. молодой Питирим Сорокин в своём классическом исследовании по социологии «Преступления и кара, подвиг и награда» [Сорокин 2004]. Общее определение правового пространства древних веков определяется формулой «тем больше репрессивных норм, чем регулировавшееся ими поведение и организация общества примитивнее». П. Сорокин ясно и неопровержимо доказывает историческую «тенденцию падения кар». Цитируя Э. Дюркгейма, П. Сорокин пишет о росте реститутивного права за счёт права репрессивного. «Реститутивное право выделялось из репрессивного, поглощавшего его первоначально; оно имеет теперь свои собственные черты, своё собственное устройство, свою индивидуальность. Оно существует как отдельный юридический вид, снабжённый специальными органами, специальной процедурой. В Риме законы XII таблиц допускали еще убийство за *fortum manifestum*, но в позднейшей системе классического права убийство заменяется всецело штрафом – *poena quadruple* – плюс возвращение украденной вещи» [Сорокин 2004: 403]. То же проявляется и в истории русского права. Вначале была частная месть. Затем наряду со штрафами фигурируют отдача на «поток и разграбление» и смертная казнь (Русская Правда и Псковская судная грамота), по Судебникам первая кража влечёт наказание кнутом, вторая – смерть, по Уложению – первая кража влечёт за собою кнут, тюремное заключение на два года и отрезание левого уха, третья – смерть (при разбое за второй разбой – смерть), по воинскому уставу – смерть наступала только в случае четвёртой кражи не свыше 20 рублей и т. д. «Не приводя дальнейших доказательств, – пишет Питирим Сорокин, – мы думаем, что вышеизложенное даёт нам право утверждать, что и в истории наказаний за воровство можно проследить ту же тенденцию падения кар» [Сорокин 2004: 403; 410].

Теоретические взгляды П. Сорокина на эволюцию правовых институтов во многом опираются на прослеживаемую нами тенденцию семиотической интенсивности действия в праве. Так, тот факт, что промежуточную ступень между насильственным действием (актом) и судом занимал выкуп, подтверждает древнегерманский концепт

wergeld со значением ‘цена человеческой жизни’ (от *wer* – ‘человек’) (жест вместо акта). В «Германии» Тацит пишет: «Они обязаны разделять вражду как отца, так и своих родственников, а также их дружбу, но вражда не продолжается бесконечно. Даже убийство человека может быть возмещено поголовьем скота, являющимся выгодным для хозяйства» [Тацит 1999: гл. 21]. Сам факт агрессивного акта не снимается, а постепенно замещается жестом.

Например, «Правда Этельберта», введённая в 600 г. и представлявшая собой первую англосаксонскую компиляцию законов, примечательна удивительно подробной тарификацией возмещения ущерба: конкретные суммы устанавливались за потерю ноги; за потерю глаза; если пострадавший – раб; если пострадавший – человек свободный; если пострадавший – священного сана и т. п.; передние зубы оценивались в шесть шиллингов, следующие за ними зубы – в четыре, остальные стоили по одному шиллингу за каждый; большие пальцы, ногти больших пальцев, указательные, средние, безымянные, мизинцы и ногти на них определялись каждый по-своему, и для каждого устанавливалась своя цена *bot*. Подобным же образом различались уши, утратившие слух, уши отрезанные, уши проколотые, уши рваные; кости оголённые, кости сломанные, кости раздробленные; проломанный череп, вывихнутые плечи, сломанные челюсти, свёрнутые шеи, сломанные руки, бёдра и рёбра. Точно такой же прецедент существовал для синяков, прикрытых одеждой, и синяков не потемневших.

Определённым ограничителем мести на первых порах выступал закон талиона, устанавливавший равенство между преступлением и наказанием. На более ранних этапах развития убийство, например, следовало в качестве отмщения не только за убийство, «но и за любое нарушение должного шаблона» [Сорокин 2004: 379]. Библейский Исава хотел убить Иакова за то, что последний обманом получил право первородства; по «Русской правде», можно было мстить убийством не только за убийство, но и за кражу и нанесение ран. Теперь же, с установлением талиона, предписывается строгое равенство кар с преступлением. «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Такой, кто сделает вред ближнему своему,

тем должно отплатить ему», – говорит Второзаконие [Втор 19:21]. «И история самого талиона показывает наглядно то же дальнейшее ограничение кар. Вначале талион есть долг, неисполнение которого влечёт за собой кару того, кто не исполнил долг мести. Он сам становится предметом позора и порицания окружающих. Иначе говоря, вначале талион есть долг, и осуществление его приказывается. Но потом постепенно необходимость мстить уменьшается, и «талион – долг» превращается в «талион факультативный», т. е. не предписываемый, а только допускаемый. А эта с виду очень незначительная перемена есть в действительности новый удар, существенно ограничивший силу и интенсивность кар; но раз талион становится не обязательным, а только дозволяемым, то тем самым даётся возможность путём принесения просьбы о прощении и пощаде избежать самой мести. И действительно, одновременно с падением обязательности мести появляется обычай просьбы о пощаде, сопровождаемый действительно обычаем прощения и отказа от мести» [Сорокин 2004: 379].

Наконец, заключительным звеном всей этой догосударственной стадии развития, по сценарию П. Сорокина, является система композиций, т. е. денежного выкупа. Потерпевший получал что-либо ценное вместо бесполезной мести. И так, средневековая система выкупов подтверждает историческую тенденцию падения кар (в терминах П. Сорокина). П. Сорокин прослеживает следующее семиотическое ослабление: «От неограниченной мести – к талиону, от обязательного талиона – к факультативному, от обязательной мести – к допускаемой, от разрешаемой мести – к системе композиций и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и их постепенного падения» [Сорокин, 2004: 380–381]. Знаковая природа этой тенденции свидетельствует о появлении феномена суда, где-то на этапе перехода от обязательного талиона к факультативному. Необходимость перехода к условности знака в праве, т. е. к концепту суда, на первых порах застает человечество на этапе совмещения силового действия и жеста вместо акта (как возможность альтернативы). «Система композиций, – пишет П. Сорокин, – выражаясь образно, была водой, которая заливала готовый возникнуть огонь борьбы и мести. Вначале,

будучи не обязательной (обиженный мог выбрать или месть, или взять выкуп), она постепенно всё шире и шире входила в жизнь и постепенно вытеснила почти всё (за исключением немногих) акты мести или акты кар. Сначала это делалось путём соглашения самих сторон, потом стало передаваться на усмотрение третьей стороны <...>, а параллельно с этим совершалось всё большее и большее вытеснение выкупом мести» [Там же].

Специалист по средневековому праву Г. Дж. Берман пишет: «Когда короли и церковные иерархи всё же распространяли свою власть на закон, то делали это лишь затем, чтобы направлять обычай и правовое сознание народа, но не переименовывать сам закон. Родственные, феодальные, общинные узы территориальных сообществ и были законом. И если эти узы нарушались, то вступали в силу, законы кровной мести, но месть должна была стать – и нередко становилась – отправной точкой переговоров о материальном удовлетворении. Эта строгая система строго определённых денежных пеней за разные виды преступлений – характерная черта англосаксонского, франкского и других правовых укладов германской Европы, как и многих примитивных правовых систем современности» [Берман 1999: 62].

Судебное решение выносилось либо в результате испытания огнём и водой, либо путём принесения ритуальной клятвы, либо на собрании старейшин. Здесь мы хотим обратить внимание на ступенчатое построение судебного решения. Условность третьего уровня знаковости опиралась на второй уровень – жест вместо акта. Поскольку семиотический процесс протекал эволюционно, то суд, судебное решение ещё не сформировались как самостоятельное явление и зависели от предыдущих ступеней эволюции концептов – от жеста вместо акта, от самого действия (акта). Происхождение ордалий, т. е. «испытания огнём и водой» (лат. *ordalium*) берёт начало от англосаксонского правового термина *ordal* ‘приговор суда’. Приговор выносился в судебном процессе на основании выяснения правоты или виновности тяжущихся сторон необычным способом. Так, Салическая правда (*Lex Salica* – памятник обычного права салических франков) устанавливала «испытание котелком»: руку обвиняемого опускали

в котелок с кипящей водой и затем завязывали, приложив к повязке печать. Если в течение трёх дней рука заживала, то обвиняемый считался невиновным [Юридическая энциклопедия 2006: 591].

Этапы становления систем характеризуются утратой иконичности, трактуемой нами как сильный знак, и оформлением переходных форм, сохраняющих следы преодолённых систем, а затем следует и полная замена знаков в семиозисе условностями, конвенциями (слабый знак).

Здесь мы приведём цитату из работы, посвященной становлению искусства: «<...> схема генеалогии древнейшего искусства образуется рядом последовательно возникавших изобразительных символов» <...>. Первый этап этого процесса предполагает (1) «натуральное творчество» как минимум со среднего ашеля и в мустье, «выражавшееся в эпизодическом экспонировании символических частей зверя – головы, конечности, шкуры, создание <...> хранилищ натуральных символов» <...>. Второй этап характеризуется созданием (2) «натурального макета» зверя (пещерного медведя) в переходе к верхнему палеолиту (представлявшего собой протоскульптуру вначале из естественного, а затем из собранного из камней и далее основания с головой от трупа животного с последующим замещением головы глиняной массой). Затем наблюдается (3) «генезис искусственных изобразительных форм» в мустье и раннем ориньяке (выраженный в изменении «полнообъёмной обобщённой глиняной скульптуры в натуральных размерах в обобщённо моделированный профильный глиняный барельеф», переходящий в схематический профильный контурный рисунок и далее рисунок с утонченным контуром) [Столяр 1985] (цит. по: [Пушкарев 2015: 10]).

Все письменности проходят этапы становления по эволюционной линии нарастающей условности. При этом изобразительность фрагментов вытесняется на периферию системы, что в общем-то подтверждает наличие процесса семиотического ослабления в эволюции письменных знаков. Иногда отмеченная тенденция эволюции письменных систем коррелирует с принятыми конвенциями вторичных семиотических систем. Так, в арабской письменности устраняется художественность и изобразительность под влиянием действующего запрета на изображения в исламской культуре.

Ритуальные практики причащения сакральной пищей имеют отношения также и к ритуалу жертвоприношения, устанавливающего родство между человеком и богами благодаря участию в общей трапезе. Жертвы приносились в знак благодарности, искупления, мольбы о поддержке в период несчастий, а также для гадательных практик. В германских языках выделяются следующие лексемы, относящиеся к «жертвоприношению»: древневерхненем. *antheiz* (*hostia, victima*) «заклание, жертва», *antheizôn inheizan* (*immolare*), *insakên* (*litare*), *insagêt pim* (*delibor*) «приносить в жертву», бавар. *stapfsakên* «приносить в жертву», древнеангл. *onsägdnes* (*oblatio*) «жертва», *onsecgan tô tibre* «посвящать в жертву» [Гримм 2024: 246].

Принимая сакральную пищу, человек осуществляет причащение своему богу. В Ветхом завете указано, что жертвоприношение – пища, приготовленная перед Яхве: жертва делится на части, предназначенные для божества и тех, кто принес эту жертву [Дюркгейм 2018: 567, 573, 576]. В Библии и в Коране упомянут сюжет об Аврааме, приносящем в жертву Яхве своего сына Исаака [Genesis 22; Сура 37. Ас-Саффат 99–111]. Кровавые жертвоприношения первенцев являются передачей собственности Богу, а пускание крови ребенка предполагало восполнение затраченной энергии Бога. Постепенное принятие веры Яхве послужило отступлению от кровопролитных ритуалов, смещая акцент на религиозные переживания [Элиаде 2021a], тем самым обуславливая семиотическое ослабление ритуального действия. Любопытно, что во «Второзаконии» Яхве Саваоф представлен не ревностным и кровожадным богом войны, а дающим поддержку страждущим и угнетённым, что характерно для единобожия.

Еще одним примером семиотического ослабления является ритуальная практика побратимства у южных славян. Так, кровавая месть между враждующими родами постепенно замещается актом вкушения крови друг у друга. Враждующие стороны вскрывают себе на правой руке вену, высасывают из полученной раны друг у друга кровь, целуются и клянутся в незыблемой верности [Кровь в ... 1995: 40].

В ритуальных практиках кровавых жертвоприношений заклятие жертвы определяется отступлением хаоса, успокоением стихий, изгнанием болезней и кризисов, восстановлением миропорядка [Жи́рар 2020: 73]. Я. Гримм отмечает, что о кровавых жертвоприношениях известно в основном только из скандинавских источников. Исследователь приводит следующие выражения относительно жертвоприношений: *raud̄ hōrgin* «окропили кровью», *stalla lāta rioda blōđi* «дать алтарю покрыться кровью», *riodūđu blōđinu blōttré* «окропили кровью жертвенное дерево». Вытекающая кровь из жертвы – древнесканд. *hlaut* – стекала в специальные сосуды, котлы, чаши для крови (древнесканд. *hlautbollar*, *blōtbollar*) либо в яму с дальнейшей целью использования в окроплении ритуальных принадлежностей и действующих лиц кровавого ритуала (ср. *αἷμα τῷ βωμῷ περιχέειν* «проливать кровь на алтарь»; **Exodus: 24:8**: "*And Moses took the blood, and sprinkled it on the people, and said, Behold the blood of the covenant, which the LORD hath made with you concerning all these words*") [Гримм 2024: 277].

Ритуальная практика заклания детей для отвода несчастий, морových язв и предотвращения уничтожения народа во время опасностей и войн обнаруживается у финикийцев [Филон Библиский 1999]. Примечательно, что подтверждение детских жертвоприношений библейскому божеству Молоху, называемых «молк/молёк», историки не нашли, вероятно, это переводческая ошибка, используемая для описания несуществующего финикийского бога Молоха, пожирающего людей» [Циркин 1986]. Г. Аллен отмечает (добровольное) приношение в жертву людей при основании городов, закладке фундамента, сооружении городских стен и т. п. Ритуальные действия были направлены на то, чтобы душа убиенного обрела покой в камнях строения, а кровь являлась цементом для постройки. Так, в Европе пикты вымачивали камни для фундамента в человеческой крови, в древней Японии при закладке крепостных стен использовались жертвы рабов, а в Бирме убивали представителей правящей семьи из-за суеверия, что в их жилах текла божественная кровь. Постепенный отход от человеческих жертвоприношений в сторону замуровывания в церкви пустого гроба (Германия), ритуал погребения

грубого изображения сплетённого ребенка (Нидерланды) и обычай класть монеты в фундамент нового строения также представляют собой пример семиотического ослабления. Примечательна была корреляция тени с душой в Румынии: фундамент клался на тени случайного прохожего [Аллен 2020: 101–105]. Душа как самость, как похожая на тень копия тела описана в «Божественной комедии», являясь главным персонажем произведения [Алигьери 2021]. Связь тени человека с его душой обнаруживается и в «Одиссее», где тень души описывается как двойник покойного. Гомер наделяет *Ψυχή* самостью умершего, его *аутосом*, телом, иными словами, душа является тенью в царстве Аида и жизненной силой до смерти [Хейстад 2018: 22].

В тексте древнеанглийской поэмы *Seasons for Fasting* (см: [Проскурина 2025]) встречается отсылка к язычникам (*þeod*), корни веры которых простираются в протоисторию Востока. Основа язычества покоится на священности жизни, на единстве Космоса и Человека, Человека и Бога. Встреча Яхве и Авраама представляет собой древнюю форму договора, зиждущегося на сакраментальной теории возмездия и предполагающего разрезание жертвы на две части и прохождения между ними договаривающихся сторон. Эффект разрезания и прохождения через разрезанные части тела символизируют скрепление договора клятвой, отсюда «заключить договор» на древнееврейском языке означает «резать договор». Примеры таких словосочетаний, обозначающих заключение договора, встречаются у древних греков, о чём свидетельствуют такие обороты речи, как «резать клятвы», «резать договоры» в смысле «произносить клятвы», «заключать договоры». Такие словосочетания, как и соответствующие им еврейские и латинские выражения, безусловно, произошли от обычая жертвоприношения и деления жертвы на части в качестве способа придать клятве или договору формальную силу [Фрезер 1989: 186, 206].

Алтарь как объект, необходимый для осуществления кровавых жертвоприношений, в индийской традиции связан с огненным ритуалом «агнихотра». Так, алтарь надлежало сложить из 10 800 кирпичей, совершая обряд «агничаяна», тем самым собирая занемогшего

бога Пурушу – Праджапати. Этот алтарь иногда собирался в форме птицы, символизируя восхождение жертвователя к Небу, а в честь жертвы самого бога надлежало заклать человека и четырёх животных, головы которых замуровывали в первой кладке из положенных пяти [Ивик 2023: 54–55]. Примечательно, что алтарь, как первоначальное сооружение для ритуальных жертвоприношений, сохраняется и в христианской культуре, тогда как в мечетях он отсутствует (однако жертвоприношение отмечаются в Коране: Сура 2. Ал-Бакара (Корова) 196). М. Элиаде объясняет это так: «В мечетях отсутствует алтарь, ибо они не являются храмами в память о жертвоприношении, подобно некоторым христианским церквям, и не служат, как еврейская синагога, местом хранения священных свитков с текстом записанного откровения. Тем не менее мечеть (*масджид*) представляет собой место сакральное, и в ней может находиться могила святого или реликвии пророка» [Элиаде 2021б: 167–168].

До принятия ислама арабы также практиковали ритуалы человеческих жертвоприношений, сменившиеся принесением в жертву барана (что также является семиотическим ослаблением в исламской традиции). Так, мусульмане всего мира отмечают великий праздник Курбан-байрам, к которому приурочено паломничество в Мекку, в честь жертвоприношения Ибрахима [Ивик 2023: 306]. **Сура 37 Ас-Саффат (Выстроившиеся в ряд):** 102–107: «102. Когда подросток сын его и стал помогать [отцу], сказал [Ибрахим]: «О сын мой! Воистину, видел я во сне, что я приношу тебя в жертву [Богу Единому]. Что думаешь ты [об этом]?» Ответил отрок: «О отец мой! Поступай так, как велено тебе. Если будет угодно Господу, найдёшь ты меня терпеливым». 103. Когда покорились они оба [воле Всевышнего] и [отец] поверг его, [чтобы заклать], 104. Мы возвестили ему: «О Ибрахим! 105. [Считаю Я, что] исполнил ты [веленное Мной тебе] во сне». Воистину, так воздаем Мы тем, кто добро творит. 106. Воистину, это и есть испытание от Нас явное». 107. И заменили Мы ему [жертву сына] жертвой великой (т. е. закланием агнца)».

В Пятикнижии Моисея прописаны пять типов жертвоприношений: всежжение (Leviticus 1; 8: 18–21; 16: 23–28), хлебное приношение (Leviticus 2; 6: 14–23), мирная жертва (Leviticus 3; 7: 11–34),

жертва за грехи (Leviticus 4; 5: 1–13; 6: 24–30; 8: 14–17; 16: 3–22) и жертва повинности (Leviticus 5: 14–19; 6: 1–7; 7: 1–6).

Таким образом, продление жизни от другой, приносимой в жертву, является сутью жертвоприношений [Элиаде 2021а: 187–188]. Ритуал жертвоприношений проливает свет на понимание смерти как средства подтверждения собственной ценности и защиты от беспорядка и разрушения. В этом смысле смерть рассматривается с религиозной позиции как форма жертвы жизни, уступающей место самой жизни [Bowker 1991]. В христианстве закрепилась аксиома, общепризнанная в древнейших сочинениях и посланиях, – нет прощения грехов без пролития крови [Аллен 2020: 151]. Рене Жирар обращает внимание на проявление обожествления жертвы, в качестве примера приводя место святынь на месте побивания камнями. Обожествление жертвы являет собой начало архаических религий, так, библейские сюжеты пронизаны сочувствием и симпатией к преследуемым жертвам [Жирар 2020]. В концепции Дж. Даннилла рассматриваются богословско-антропологические представления о жертвоприношении в рамках тройственности «обмен – трансформация – действие». Такое понимание открывает взгляд на жизнь верующих, которая достигается посредством обменов на базе Евхаристии и динамичном компоненте религиозной культуры (включая Святую Троицу) [Dunnill 2013].

Согласно К. Г. Юнгу, в *Comma Joanneum* («Комма Иоаннова», вставка в текст Первого послания Иоанна) вкраплено понятие Троицы в Новом завете. «Согласно этому тексту (см. 1 Ин. 5: 8), «три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном». То есть утверждается, что Христос «пришел водою и кровию». Стих 7 Вульгаты содержит позднейшую вставку "*Quoniam tres sunt, qui testimonium dant in caelo: Pater, Verbum et Spiritus Sanctus: et hi tres unum sunt*" – «три свидетельствуют на *небесах: Отец, Сын и Святой Дух*; и сии три об одном. Отметим, что в греческом тексте за тремя существительными среднего рода, *πνεῦμα, υδωρ и αἷμα* следует множественное число мужского рода: *οἱ τρεῖς εἰς τὸ ἓν εἰσίν*» [Юнг 2023: 240]. В средневековых религиозных учениях совершалась попытка объяснить психологическое трактование Троицы.

К. Г. Юнг приводит в качестве примера *Spiritu et Anima* «Книга о духе и душе», в которой утверждается, что Бог познаётся человеком посредством самопознания. «*Mens rationalis*, мыслящий разум, ближе всего к Богу, ибо он *excellenter et proprie ad similitudinem illius facta* («превосходно сотворён и подобает образу Его»). Если разум осознает собственное богоподобие, ему легче будет познать Творца. Отсюда вырастает понимание Троицы, ибо разум постигает, что мудрость (*sapientia*) исходит от него и сам ценит эту мудрость. А от разума и мудрости проистекает любовь (*amor*), вследствие чего все три сущности – разум, мудрость и любовь – воплощаются в одном. Мудрость от разума, от них же двоих любовь, но Бог есть причина мудрости, и потому разум (*nous*) соответствует Отцу, мудрость, им порождаемая, Сыну (*logos*), а любовь – источаемому Отцом и Сыном Духу (*pneuma*). *Sapientia Dei* (премудрость Божия) часто отождествлялась с космогоническим Логосом и, следовательно, с Христом» [Юнг 2023: 255–256].

Итак, проливание крови в ритуалах жертвоприношений предстает эссенцией жизни, дальнейшим развитием и существованием космоса. В рамках этого регрессивного уровня Э. Фромм связывает функцию крови с мужским семенем, а землю, окропленную жертвенной кровью, с женщиной и матерью, поскольку и семя, и кровь в данном контексте ведут к рождению [Фромм 2023: 36–37]. Обозначая в метафорическом смысле функционирование жизни, кровь в ситуативно-образных значениях определяет кровавые столкновения, а в метонимических переносах указывает на родство [Карасик 2023]. В культуре кровь рассматривается сквозь призму символических целей, не являясь при этом нейтральной субстанцией. В религиозном дискурсе она трактуется как символ выживания. Так, иудеи рассматривают кровь как кровь завета, которая должна быть пролита при обрезании, соединяя с Богом и членами общины. В христианстве символ крови напрямую связан со смертью Христа и со Святым Причастием, также соединяя верующих с Богом и между собой. «Светская» же кровь, пригодная для переливания и спасения жизней, слишком ценна для купли-продажи, но достойна для дара [Дэвис 2022: 151–152].

Кровь – ст.-слав. *кръвь аѣма* родственно лит. *kraĩjas* «кровь», др.-прусск. *krawian* «кровь», др.-инд. *kraviṣ* «сырое мясо», авест. *χrū-* «кусок кровавого сырого мяса», греч. *κρέας* «мясо», лат. *cruor* «загустеваящая, текущая из раны кровь», ирл. *crú*, кимр. *craui* «кровь», др.-исл. *hrág* «сырой, несваренный» [Фасмер 1986 Т.2: 379]. Кровь как аффективно нагруженный литературный топос связана либо с абстрактным ужасом смерти (гигант в саване), либо с человеческим злом и насилием (кровожадные дикари) [Зенкин 2011: 155–156]. В этимологическом словаре современного английского языка указано, что существительное *blood* происходит от англосакс. *blōd* (ср. герм. *blut*, гот. *blōth*), глагол *to blood* (hounds, troops) используется как и фр. *acharner* (из лат. *ad carnem* (см. *flesh*)). *Flesh* восходит к англосакс. *flāsc* (ср. герм. *fleisch*), древнесканд. *flesk* обозначает только свиное мясо (ср. *flicth*). В значении еды сменилось *meat*. *To flesh* (hounds, hawks) используется как *to blood* и фр. *acharner* (из лат. *ad carnem*) [Weekly 1921: 166, 575]. Плоть – др.-русск. *плѣть* «кожа, цвет кожи», ст.-слав. *плѣть сѣрѣ*, словен. *pōlt* «кожа, цвет кожи». Родственно лит. *plutà* «корка», лтш. *pluta* «тело, плоть, кожа», *plutas* мн. «голая (нежная) кожа, кожа головы» [Фасмер 1987 Т.3: 286].

Заклание жертвы стирает границы табу, сакрализируемые в ритуальных практиках [Stegemann 2000]. Ветхозаветный сюжет об Исааке и Аврааме, в котором вместо сына жертвенную смерть принял овен, переносится в Новый Завет, где допускается добровольное жертвоприношение на Голгофе собственного Сына. Следовательно, истинно верующий, принося себя в «жертву» и повторяя страдания Иисуса, превосходит Авраама. Однако секуляризация современного мира очерчивает новые границы жертвенности, ставя отечество на место Бога [Ассман 2023: 75]. Искупительная жертва Иисуса описана в трудах Евсевия Памфила (III–IV вв.) так: «Столькими-то бедствиями пожирался прежде род человеческий! <...> По этим-то причинам заклан был человеческий организм Слова Божьего. Но сей великий Архиерей, принесённый в жертву Владыке и Всецарю Богу, в то же время был и отличен от жертвы; как Слово Божье, как Божья сила и Божья Премудрость, Он вскоре смертное воззвал от смерти и представил его Отцу в начаток общего нашего спасения, воздвиг

его за всех людей в виде победного трофея над смертью и демонскими полчищами, в виде силы, отвращающей человечество от древних человеческих жертв» [Евсевий Памфил 1998: 259].

Жертвоприношение и молитвенное обращение являют собой поддержание связи с божествами, выражая таким образом им своё почтение. Возносимая с дарами молитва – это жертвоприношение, т. е. молитва сопровождалась ритуальными практиками жертвоприношений. Христиане во время молитвенного обращения воздевали руки и обращали взор на восток, тогда как язычники смотрели на север. «Живое Богообщение предполагает у молящихся убежденность в том, что Бог существует и слышит молитву молящегося, о чём так пишет епископ Каллист (Уэр): «Призывающие Господа Иисуса должны быть всем сердцем, горячо, непоколебимо убеждены в том, что они стоят перед Спасителем, что Он перед ними и в них, Он слышит их молитву и отвечает на нее» [Каллист Уэр 2004: 87]» [Постовалова 2019: 130].

Лексема *προσκυνέω* «кланяюсь до земли; оказываю знаки почтения» (Matthew 8: 2, 9: 18; Mark 5: 6, 15: 19; Luke 4: 7–8; John 9: 38, 12: 20; 1 Corinthians 14: 25) в готском языке оформляется лексемой *inveita*, которая также переводится *ἀσπάζομαι* «проявлять уважение, приветствовать» (Mark 9: 15). Древневерхненемецкие слова *pēta* и *pittan* обозначают «молить», глагол *pētôn* (*adorare*) «почитать» произошел от *pēta*. Готские лексемы *bida* (*precēs*) «моление» и *bidjan* (*precari, rogare, orare*) «молить, умолять, просить» в духовном и мирском смысле [Гримм 2024: 231–232]. Молить, молю – ст.слав. *молити дѣйствовати, паракалейв*, болг. *мoля* «прошу», словен. *móliti, mólím*. Родственно лит. *maldá* «просьба», *maldýti, maldaũ* «умолять», *meldžiũ* «просить, молить(ся)», хетт. *mald-, maltāi-* «просить, говорить», д.-в.-н. *meldôn*, нов.-в.-н. *melden* «заявлять, докладывать» [Фасмер 1986 Т.2: 642]. *Pray* – среднеангл. также *prey*, старофранц. *preier* (*prier*), лат. *precare* от *prex, prec-*, *prayer*; родственно с герм. *fragen* (to ask). *Prayer* – старофранц. *preiere* (*prière*) [Weekley 1921: 1138]. Я. Гримм выделяет особое обозначение молитвы в скандинавских языках и древнеанглийском, отсутствующее в других германских наречиях: древнесканд. *bôn/bæn*, швед. и дат. *bön*, древнеангл. *bēn*

(у Джеффри Чоссера – *bone*, англ. *boon*; отсюда – *bêna*, *supplex* «мольба, коленопреклонение», и *bênsian*, *supplicare* «молить»). Примечательно, что более позднее обозначение в исл. и швед. *dyrka* (дат. *dyrke*) употребляющееся как лат. *colere* «возделывать, поклоняться», не встречается в древнескандинавском языке [Гримм 2024: 234].

Рассуждая о понятии «жертвы» в рамках современного дискурса, А. Ассман определяет разделение понятия на активный и чисто пассивный варианты, для которых существует определенный формат памяти (ср. жертвенная гибель победителя и жертва геноцида). Исследователь приводит наиболее дифференцированные понятия «жертвы» в латинском языке: «Здесь приводится различие между самой жертвой (*sacrificium*, *immolatio*) и жертвенной материей (*hostia* и *victima*; знаменательно, что эти слова имеют женский род), причём каждому смысловому аспекту соответствуют по два слова. Объем значений слова *hostia* ограничен связью с евхаристией, а вот слова *sacrificium* и *victima* вошли в довольно широкий обиход других языков, до сих пор определяя семантику жертвы в её новых метаморфозах. Ныне семантика жертвы характеризуется поляризацией понятий *sacrificium* и *victima*; *sacrificium* (англ. *sacrifice*) подразумевает добровольное принесение в жертву собственной жизни, заимствованное из религиозной и героической семантики, а *victima* (англ. *victim*) служит для обозначения пассивного и беззащитного объекта насилия» [Там же]. В этимологическом словаре современного английского языка указано следующее [Weekley 1921: 1266; 1594–1595]: *Sacrifice* – фр. и лат. *sacrificium*, происходит от *sacer* («святой»), *facere* («делать»). *Victim* – введено в оборот переводчиками Библии (Douay–Rheims Bible, 1582 г.) для обозначения лат. *victima* («жертвенное животное»). В русском языке слово «жертва» (ср. ст.-слав. *жрътва* *ἑσία*, *σπονδή*, от *жъръж* «творю жертву», *жъръць* «жрец, священник») и «жертвоприношение» (треба – др.-русск. *тереба*, ст.-слав. *трѣба* – «исполнение долга») также заимствованы из церковнославянского языка [Фасмер 1986 Т.2: 50; 1987 Т.4: 95]. Треба – ст.-слав. *libatio* «жертвоприношение», *res immolata*, *templum* «приносимое в жертву; храм». Требище – βωμόс «алтарь, жертвенник», серб.

potreba (ср. с лит. *Potrimpus* и *A(n)trimp*; лит. *sobars* и венгер. *aldomás* означает «жертва») [Гримм 2024: 301].

Таким образом, семиотическое ослабление представляет собой семиотический закон, который вскрывает латентные процессы в семантике слова. Проявление ослабления связано с семантическими заменами субститутами, замещающими полновесные выражения. Весь процесс осмысливается как пошаговая акция, представляющая фактор смягчения ранее упомянутых явлений.

ГЛАВА 2

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Семантическая вариативность определяет сущность языкового знака и поэтому привлекает к себе внимание многих исследователей [Золян, 2023; Карасик, 2019; Карцевский, 1965; Ключанов, 2015; Лосев, 1988; Лотман, 1974, 2004; Мечковская, 2007; Моррис, 2001; Пирс, 2000; Почепцов, 2002; Проскурин, 2013; Соломоник, 2009; Соссюр, 1977; Степанов, 2001; Шатин, 2015; Jackendoff, 2001; Lamarque 1997]. Эта вариативность многомерна. Заслуживает внимания концепция семантической плотности – если какой-либо объект представляется важным для языковой общности, этот объект получает множество обозначений [Martin, Ringham, 2000].

Развитие знака проходит несколько этапов. С. Г. Проскурин выделяет три уровня знаковости (тождество, подобие и условность) и три типа релевантности знака (полная, частичная и нулевая релевантность – движение знака от биологической формы к лингвистической) [Проскурин 2013: 66]. Важным для семиотики следует признать тезис А. В. Проскуриной, вслед за С. Г. Проскуриным (см: [Проскурин 1990]): «Существует изоморфизм генетического и семиотического кодов. Процесс адаптации библейских и англосаксонских формул показывает существование четырех типов мутаций, а именно: «Тип А» – одна формула и два смысла, «Тип Б» – синонимизация концептов, «Тип В» – инновационный принцип, «Тип Г» – замена лексем в контексте при том же предикате,

но с утратой культурного нексуса. Четыре типа мутаций – это аналогии четырёх триплет кода ДНК» [Проскурина 2024: 7]

Одним из возможных подходов к изучению сущности знака является его вариативность по диктуму, по модусу и по способу означивания. Диктальная вариативность знака характеризует его семантику, т. е. референтную отнесенность, модальная вариативность определяет прагматику знака, т. е. отношения между участниками общения в рамках той или иной ситуации, формальная вариативность относится к инструментарию означивания, который сводится к двум основным способам – указанию и называнию.

Вариативность языковых знаков можно рассматривать в аспекте их точности. Такой подход позволяет противопоставить три уровня точности языкового знака – низкий, стандартный и высокий.

Низкий уровень точности в референтном плане можно определить как десемантизацию знака. Такая десемантизация выражается в осмыслении только родовых признаков референта, этого вполне достаточно для обиходного общения: *"Мне нужно купить лекарство от головной боли"*, *"В зоопарке мы видели много разных зверей"*, *"Я на следующей неделе уеду"*. Стандартный уровень точности предполагает название, необходимое для понимания как родовых, так и видовых признаков объекта: *"У вас есть аспирин?"*, *"Поездка до аэропорта на такси займёт примерно 40 минут"*, *"У меня билет № 15, первый вопрос "Определение и типы билингвизма"*. Высокий уровень референтной точности проявляется в общении специалистов, использующих термины или профессионализмы: *"В гараже есть принудительная вентиляция"*, *"Под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием (статья 159 УК)"*, *"Верхняя правая четвёрка – пультит"*.

Низкий уровень прагматической точности характеризует коммуникативную ситуацию с неясными интенциями участников общения: *"Я тут это, как его..."*, *"Вы идёте с нами?"* – *"Скорее всего, кажется, не знаю"*, *"Короче, вот"*. Разумеется, такая неясность может быть ненамеренной и намеренной (в случае манипулятивного или провокативного общения). Стандартный уровень прагматической

точности предполагает общность пресуппозиций о правилах общения в определённой лингвокультуре: "*С днем рождения! Всего тебе самого доброго и приятного!*" – "*Спасибо!*", "*Посторонним вход воспрещён*", "*Похоже, он debil, а что возьмёшь с debила...*". Высокий уровень прагматической точности сводится к полному взаимопониманию участников общения и той ситуации, в которой они находятся: "*Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались*", "*Сержант Юрьев. Ваши документы.*" – "*Командир, может быть, договоримся?*", "*В общем, я пролетел...*" – "*А кому сейчас легко?*".

Низкий уровень указательной формальной вариативности знака выражается в дейктических словах, которые характеризуют предельно широкий спектр ситуаций: "*Тогда не то, что сейчас*", "*Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что*", "*А я такая, ну и катись отсюда*". Подобные знаки используются в ситуациях, не требующих уточнения. Стандартная указательная вариативность относится к большинству коммуникативных ситуаций в устной и письменной речи: "*Скажите, вокзал недалеко?*" – "*А вот по этой улице два квартала и налево*", "*С тобой не соскучишься*", "*Этот вопрос подробно обсуждается в следующей главе*". Высокий уровень указательной вариативности знака выражается в акцентировании этого знака: "*Тебя-то я и искал*", "*Именно здесь произошла та самая дуэль*", "*Если ты не за себя, кто же за тебя? Но если ты только за себя, зачем ты?*".

Низкая номинативная вариативность знака сводится к различным заменам того или иного слова: "*У нас в университете сейчас такой раскадык...*", "*Смотри у меня, не вздумай громозолиться!*", "*Он тот еще фрукт*". Используются разговорные, диалектные и окказиональные слова. Стандартная номинативная вариативность языковых знаков состоит в использовании слов и выражений в их общеизвестном прямом и переносном значении: "*Наш город был основан в 1648 году*", "*И тогда он обиделся и губы надул*", "*А Славик свиньёй оказался*". Высокая номинативная вариативность выражается в метафорах и катахрезах: "*Лягушка на дне колодца*" (кит.) (человек с ограниченными взглядами), "*Пенитель моря*" (др.-англ.) (корабль), "*Подсолнух у просёлочной дороги, подземной лодки ломкий перископ*" (И. Пермяков).

Обсуждение десемантизации языковых знаков приобретает новое измерение, если мы обратимся к концепции известного французского философа Ж. Бодрийяра, который написал книгу о симуляции и симулякрах, т. е. об особом типе знакового замещения реальности, когда у знака нет референта [Бодрийяр 2015]. Автор выделяет четыре типа знаков: знаки с реально существующим референтом, с искажённым референтом, с придуманным референтом и с отсутствующим референтом. Такой подход к пониманию знаков согласуется с известными моделями Ф. де Соссюра (у знака выделяются форма, значимость и значение), Ч. Пирса (устанавливаются три основные характеристики соотношения формы и содержания знака – иконичность, индексальность и символность) и Ч. Морриса (противопоставляются семантика, прагматика и синтактика знака, т. е. отношение знака к объекту, интерпретатору и другим знакам).

Первый тип знаков, по Ж. Бодрийяру, характеризует прототипные знаковые отношения вообще: если я говорю, что у меня болит голова, то я предполагаю, что мой адресат знает, что такое голова, что такое боль, и понимает, что речь идет обо мне. Такие знаки относятся к предметному миру, его качествам и процессам.

Второй тип знаков представляет собой усложнение стандартного референтного отношения. Семантика знака приобретает модусное дополнительное измерение, отражающее особенности определённой ситуации и отношения между участниками общения. Приведённая фраза допускает множество ситуативно обусловленных интерпретаций: если это сообщение о состоянии, то адресат должен выразить сочувствие, дать совет или какой-либо комментарий, если это ответ на приглашение пойти в гости, то мой адресат поймет, что я не хочу или не могу принять такое приглашение, если это имитация чьей-то реплики, то такое понимание включает оценку поведения того человека и т. д. Искажение знака включает его оценку (положительную, отрицательную, акцентированно нейтральную). В рамках аксиологической лингвистики в фокусе рассмотрения общения находятся именно ценностно маркированные знаки [Воркачев, Воркачева 2025; Дементьев 2022; Карасик 2019; Леонтович 2022].

С иных позиций искаженный референт может быть осмыслен как ошибочное или специфически личное осмысление предмета речи.

Таково, например, искажённое понимание некоторых слов в современном русском языке. Показательна простая замена: «*Не надо надо мной доветь!*» (имеется в виду «*Не нужно оказывать на меня давление*»), хотя словарное значение архаичного глагола «*доветь*» – «*быть достаточным*» (исходный библейский контекст «*довлеет дневи злоба его*» – «*достаточно каждому дню его забот*»). Такой сдвиг в понимании обусловлен сходством в звучании слов. К этому типу семантического замещения относятся и случаи неправильного употребления слов или словосочетаний в речи детей или людей, недостаточно образованных либо говорящих на неродном языке («*мало у нас разберихи*», «*это не играет значения*»), а также игровые искажения значения слов («*сочинец*» в речи военных – не житель Сочи, а солдат, допустивший самовольное оставление части (аббревиатура с.о.ч.), а также шуточные этимологии, например, «*экстаз*» – таз, бывший в употреблении. К этому типу семантизации относятся случаи непонимания значения слова, которое сразу же наделяется отрицательно оценочным смыслом. Показателен пример диалога, рассказанного мне коллегой:

– *Здесь нельзя парковаться.*

– *Я понимаю, я просто посетовать хотела...*

– *Я вас предупредил и сейчас полицию вызову!*

Сторож на стоянке автомобилей не знал слово *сетовать* и решил, что его собеседница хочет совершить какое-то противоправное действие.

Знаки с придуманными референтами по-разному функционируют в разных типах дискурса. Для обиходного общения частотным и типичным случаем такого знакового воплощения является ложь в её различных функциональных вариантах, которые обычно сводятся к злонамеренному, слабовольному, патологическому, спасительному и развлекательному обману. Заметим, что отношение к правде и обману специфично в разных лингвокультурах: так, языковой материал показывает, что в русском традиционном языковом сознании ложь получает отрицательную оценку, а правда – положительную, в то время как в китайской фразеологии несмотря на одобрение правды и осуждение лжи акцентируются определенные минусы правдолюбия и доводы в пользу оправдания лжи [Син Яньци 2021].

Третий тип знаков охватывает множество референтов, которые детально охарактеризованы в работах, посвященных обману [Апекова 2009; Вайнрих 1998; Земскова 2006; Кубинова 2002; Кучко 2017; Морозова 2005; Панченко 1999; Пи Цзянькунь 2014; Радищева 2017; Син Яньци 2021]. Злонамеренный обман имеет место в случаях мошенничества в его различных разновидностях и квалифицируется как преступление или серьёзное нарушение моральных норм. В наши дни злонамеренный обман приобрёл особую жанровую специфику в телефонных звонках, исходящих якобы от сотрудников банков и государственных структур. Сообщается, что ущерб от таких мошенников достиг миллиардных сумм. О слабовольной лжи мы говорим, когда она продиктована страхом или стремлением произвести хорошее впечатление. Школьник боится сказать родителям о плохой оценке, руководители подразделений в отчётах искажают объективное состояние дел во вверенной им организации. К числу разновидностей такого обмана относятся *очковтирательство* – намеренное введение в заблуждение, обман (БТС) и *показуха* – действия, рассчитанные на внешний эффект, на то, чтобы произвести благоприятное впечатление (БТС). В психологии выделяется патологическая ложь, или псевдология (митомания, мифомания) – психическое расстройство, главным признаком которого является непреодолимое влечение ко лжи, пациент не просто врёт, он придумывает подробные удивительные истории, в которые затем верит сам. Психиатры отмечают, что у таких людей бывает высокий интеллект и богатое воображение. Вместе с тем есть и спасительный обман, который получил название «белая ложь» – намеренное искажение правды с благими целями, например, больному не сообщают о его диагнозе. Особого внимания заслуживает развлекательный обман. На уровне обиходного дискурса он принимает вид шуток, но может стать проявлением творческой фантазии.

Придуманные референты созданы в сказках, мифах, легендах. Можно выделить следующие разновидности придуманных референтов: волшебные существа, придуманные персонажи художественных произведений, придуманные предметы или события. Обсуждение сущности и типов вымысла составляет предмет философии, культурологии, психологии, юриспруденции и филологии. С позиций

обиходного сознания противопоставляются правда и ложь, реальность и возможность, объективность и фантазия. В художественном творчестве возникает мир особого типа, в котором действуют иные законы. Здравый смысл вытекает из обиходного понимания реальности и базируется на принципе контрфактичности (факт – несоответствие факту), в то время как творческое отношение к действительности исходит из принципа пессимизма, т. е. множественности миров, каждый из которых имеет право на существование. Отсюда вытекает и противопоставление правды обиходной и правды художественной. Они не противоречат друг другу, но являются взаимодополнительными. Как отмечает Я. Э. Голосовкер, «в логике чудесного есть свои особые категории – категории мира вне времени (но во времени), вне пространства (но в пространстве), вне естественной причинности (внутри цепи причинности)» [Голосовкер 2010: с. 113]. В мире чудесного есть абсолютность качеств и функций его существ и предметов, функции волшебного предмета непрерывны, любое существо или вещество может быть обращено в любое другое, всё иллюзорное действительно, и все действительно иллюзорно. Заслуживает внимания следующий тезис: «Существование вымысла обслуживается референцией особого типа – гипотетической референцией в предикации несуществующих в реальном мире объектов и ситуаций или их признаков» [Ильинова 2008: 19].

Четвёртый тип знаков охватывает знаки с пустыми референциями, или симулякры. В концепции Ж. Бодрийера этот тип знаков является отрицанием информативности знака: назначение знака – передать некую информацию, соответствующую либо не соответствующую реальности, оценочно нейтральную или маркированную, но выделяется общение, которое не является информативным в принципе. Такую коммуникацию можно разбить на следующие разновидности:

- 1) патологическая квазикоммуникация, шизофреническая речь аутиста, не предполагающая контакта с адресатом;
- 2) красноречивое умалчивание, видимость передачи информации, намеренное затуманивание речи;
- 3) эмблематическая коммуникация, в ходе которой происходит только обмен знаками самопрезентации;

4) метасемиотическая коммуникация, суть которой сводится к выяснению содержания знаков вместо передачи информации о реальности;

5) формальная коммуникация, состоящая в видимости информационного взаимодействия.

Пустота осмысливается как значимое отсутствие чего-либо там, где нечто должно быть [Суродина 1999]. М. Н. Эпштейн находит знаковое обозначение пустоты в тексте – это знак пробела, отмечая, что « » – «редчайший случай языкового знака, который является не символическим (условным), как буква в фонетическом письме, и не иконическим (изобразительным), как пиктограмма, а индексальным (указательным)» [Эпштейн 2004: 174]. Такие знаки указывают на то, частью чего они являются. С точки зрения содержательных характеристик передачи информации пустой референт может быть осмыслен в двух вариантах – как нонсенс, т. е. значимое несоответствие референта реальности, например крылатая корова, и как абсурд, т. е. наличие референта, противоречащего смыслу и ситуации, например, нож без рукоятки, у которого нет лезвия.

Обсуждение абсурда в его разных манифестациях в семиотическом плане – это характеристика симулякров [Вайс 2004; Гамалей 2001; Ивлева 2010; Кравец 2004; Новикова 2001]. Отмечено, что «абсурд противостоит сложившейся языковой картине мира. Тем самым в пространстве текста возникают зоны десемантизации, зоны нейтрализации традиционных значений, зоны образования «другого смысла» [Кравченко 2008: 59].

Содержательные характеристики коммуникации у лиц, страдающих расстройствами аутистического спектра, состоят в эхололии (повторении без видимой цели), вербальной ритуализации речи (выстраиванию высказываний по программируемому образцу), большом количестве окказиональных неологизмов, нейтрализации значимой информации (в виде интонационной монотонности либо скандирования) [Мамохина 2017]. Слабая степень такого расстройства, квалифицируемая как синдром Аспергера, выражается в буквальной интерпретации любых текстов, непонимании юмора, использовании метафор, значимых только для говорящего, нарушениях связности речи (резких сменах темы), избыточной тяге к систематизации,

обусловленной вниманием к деталям. Можно заметить, что патологический вариант использования симулякров обусловлен отсутствием главной установки естественной коммуникации – нет стремления поддержать контакт с другим человеком. Вместе с тем следует подчеркнуть, что грань между нормой и патологией весьма расплывчата (с точки зрения экстравертов интроверты являются отклонением от естественной нормы, интроверты придерживаются противоположной позиции).

Красноречивое умалчивание представляет собой манипулятивный риторический прием замещения требуемой информации правильно построенной речью, не относящейся к сути дела. По своей прагматической сути это уход от ответа. Таким приёмом обычно пользуются политики и любые люди, ведущие публичную коммуникацию и попадающие в сложную ситуацию, которая предполагает сообщение нежелательной информации.

Красноречивое умалчивание проявляется на бытовом уровне. Показателен диалог между матерью и дочерью-подростком: “*Where are you going?*” – “*Out*”. (“Куда ты идёшь?” – “На улицу”). Дочь уходит от уточнения информации. Распространённым способом ухода от ответа является повтор слова, которое было в вопросе. Показателен пример из комического шоу “*A bit of Fry and Laurie*” “*Tricky Linguistics*”:

– *Is our language capable of sustaining demagoguery? Наш язык способен поддерживать демагогию?*

– *And by demagoguery you mean... И под демагогией вы имеете в виду...*

– *By demagoguery I mean demagoguery. Под демагогией я имею в виду демагогию.*

– *I thought so. Я так и думал.*

Типичной сферой использования такого общения является массовая коммуникация (Кузнецова 2006). Такой тип коммуникации обычно квалифицируется как демагогия – речевое воздействие, направленное на убеждение адресата путём использования недостоверной информации и логических искажений с корыстными целями, реализуемое обычно в пафосной форме. Демагогия включает мнимую логику, игнорирование сути вопроса, необоснованные обобщения,

оскорбления и т. д. В семиотическом аспекте значимым моментом демагогических высказываний является десемантизация – ослабление понятийного содержания слов и высказываний и разрастание его оценочного смысла. Примеры подобной десемантизации мы видим в использовании слов *демократия* (не народовластие, а всё хорошее, что есть в нашей цивилизации, наша самоидентичность) или *терроризм* (не устрашение населения путём совершения действий, создающих опасность гибели людей, причинения им имущественного ущерба в целях дестабилизации власти, а любые поступки, направленные против власти). Пример развёрнутой демагогии мы видим в речи гитлеровского министра пропаганды Геббельса после разгрома фашистских войск в Сталинградской битве (текст в переводе на русский язык размещен в интернете):

Трагическая Сталинградская битва является символом героического, мужественного сопротивления бунту степей. Она имеет не только военное, но и умственное и духовное значение для немецкого народа. Здесь наши очи впервые узрели подлинную суть войны. Мы больше не хотим тешить себя ложными надеждами и иллюзиями. Мы хотим смело смотреть фактам в лицо, какими бы упрямыми и грозными они ни были. История нашей партии и нашего государства доказывает, что увиденная опасность – преодолённая опасность. Тяжёлые сражения на востоке, которые нам предстоят, будут вестись под знаком этого героического сопротивления. Для этого потребуются доселе невиданные усилия наших солдат и нашего оружия. На востоке идёт безжалостная война. Фюрер был прав, когда сказал, что по её окончанию не будет победителей и побеждённых, а будут живые и мёртвые.

Обратим внимание на замену понятий: агрессивное нападение Германии на Советский Союз названо «сопротивлением бунту степей». Подразумевается, что война ведётся против диких кочевников, при этом продвигается идея беспощадного уничтожения чужого народа, который следует умертвить, побеждённые должны стать мёртвыми. В этом пафосном высокопарном тексте рациональное содержание фактически нейтрализуется, речь идёт не о поражении, а о сопротивлении, при этом понятие «бунт» предполагает неравенство господ и рабов и право господ наказывать рабов.

С красноречивым умалчиванием сталкиваются все преподаватели на экзаменах, когда недостаточно подготовленные студенты пытаются уйти от ответа на поставленные вопросы:

– *В чем состоит отличие фонемы от звука речи?*

– *Фонема – это звук речи, и фонетика занимается изучением звуков.*

– *Но отличие в чём?*

– *Для понимания языка необходимо изучать звуки речи.*

Студент уходит от ответа на вопрос.

Одним из видов десемантизации знака является эмблематическая коммуникация, суть которой заключается в том, что в фокусе общения оказывается не содержание сообщения, а характеристика участников общения. Например:

"Ты почему мне не позвонил?" – "Да некогда было..." – "Ты как с матерью разговариваешь?".

В институциональном дискурсе подобные эмблематические знаки весьма частотны:

"Добрый день, Николай Андреевич! Вызывали?" – "Войдите и доложите по форме". – "Товарищ полковник, капитан Семёнов по вашему вызову явился".

Эмблематическое общение часто возникает в случаях нарушения ожидаемых знаков выражения уважения со стороны младших по отношению к старшим.

С некоторыми оговорками эмблематическим следует признать общение, в котором говорящий особым образом формулирует свои высказывания, подчёркивая свой статус образованного человека, или специалиста, или члена того или иного сообщества:

– *Согласны? Ну, по глазам вижу, что согласны. – Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон. – Хорошо излагает, собака, – шепнул Остап на ухо Ипполиту Матвеевичу, – учитесь (И. Ильф, Е. Петров. "12 стульев")*.

Вспомним период, когда Президент Советского Союза М.С. Горбачев стал активно использовать слово *консенсус* в публичных выступлениях. В семнадцатитомном «Словаре современного литературного русского языка» 1956 г. и четырехтомном «Словаре русского языка» 1982 г. этого слова еще нет, но в «Толковом словаре

русского языка» 2007 г. находим определение: консенсус – (спец.) Общее мнение, выработанное в процессе обсуждения, споров (ТСРЯ). В «Большом толковом словаре русского языка» 1998 г. приводится дефиниция, свидетельствующая о переходе специального дипломатического термина в общелитературный язык: консенсус – 1. Офиц. Общее согласие, лежащее в основе подписания международного договора, выработанное в ходе обсуждения участниками переговоров. 2. Книжн. Согласие, единодушное принятие чего-либо (БТС). Политик использовал этот термин главным образом для того, чтобы подчеркнуть значимость ситуаций, о которых шла речь, и свою роль специалиста.

Сущность метасемиотической коммуникации состоит в определении знаков, которыми пользуются участники общения, вместо передачи того или иного содержания. В научном дискурсе понимание сути обсуждаемых проблем предполагает общность обозначений тех или иных понятий, такое обозначение реализуется в виде определения либо ссылки, т. е. косвенного определения. Обычно такие определения излагаются во введении или теоретическом обосновании работы. В обиходном общении метасемиотическое определение часто предполагает уточнение оценочной характеристики объекта, но подразумевается, что собственно понятийное содержание пресуппозиций у участников общения совпадает. Так, в одном из развлекательных коротких видеороликов грабитель с ножом требует у проходящих по улице людей кошелёк. Женщина говорит своему спутнику: *"Отдай ему кошелёк, у него нож"*. Мужчина, улыбаясь, отвечает: *"Разве это нож? Вот это нож"* и достаёт огромный нож, которым сразу же вспарывает одежду грабителя, и тот убегает.

Отметим, что определение понятия не является десемантизацией в тех случаях, когда целью общения является обсуждение этих понятий. Мы говорим о десемантизации, если вместо обмена информацией коммуниканты начинают формулировать смысл используемых обозначений. Обычно такой диалог имеет дополнительный прагматический смысл: *"Простите, вы не подскажете, здесь недалеко есть какое-нибудь кафе?"* – *"В кафе люди ходят, чтобы пообщаться с друзьями и вкусно поесть. Лично я обедаю дома"*. Адресат уходит от ответа на поставленный вопрос, показывая своему собеседнику,

что тот совершает какую-то коммуникативную ошибку. Разновидностью метасемиотического общения является определение значения слова, которое не нуждается в определении в конкретном контексте: *"Мы вас собираемся отчислить. Вы пропустили много занятий. Студент – это человек, который учится в высшем учебном заведении"*. Подразумевается, что пропуск занятий противоречит обязанностям студента. Вербализация пресуппозиций неизбежно ведёт к актуализации дополнительного смысла либо делает общение абсурдным: *"Я бы хотел купить за деньги съедобный хлеб в вашей булочной, где продается выпечка"*. Подобные семантические аномалии можно использовать только как примеры искусственных высказываний.

К видам десемантизации можно отнести формальную коммуникацию, которая осуществляется в ритуальном дискурсе, либо замещает реальное общение. Типичным примером такой коммуникации является диалог судьи и свидетеля во время судебного заседания в тех случаях, когда участники общения знают друг друга: *"Свидетель, представьтесь"*. – *"Олег Петрович, мы же соседи"* – *"У нас заседание суда. Свидетель, представьтесь"*. Требование формального подтверждения личности свидетеля обусловлено ведением протокола. Отмечено, что «существуют жёсткие ритуальные тексты, которые нельзя модифицировать ни при каких условиях: канонические молитвы, клятвы, текст воинской присяги, клятва, которую произносил свидетель в суде, обещавший «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды», формула, которую произносит жених, вручая невесте кольцо во время бракосочетания в Англии: *"With this ring I thee wed"* (*With this ring I marry you*). Характерным для таких текстов является использование разного рода клише – устойчивых фраз и даже предложений: *уполномочен сообщить, презумпция невиновности, во имя отца и сына и святого духа!, объявляю вас мужем и женой, разрешите поздравить вас с .../ пожелать, поднимем бокалы ..., пусть земля ему будет пухом, и т. д.*» [Извекова 2006: 7].

Подведем основные итоги.

Языковой знак является динамическим образованием, содержание которого может быть подвержено ослаблению или усилению в разных типах общения. На основании признака точности знака

можно установить уровни этой точности в семантическом, прагматическом и формальном планах. Низкий уровень такой содержательной точности представляет собой десемантизацию знака. Развитие концепции симулякров, по Ж. Бодрийяру, даёт возможность уточнить типы десемантизации знаков. Эти типы сводятся к патологической квазикоммуникации, красноречивому умалчиванию, эмблематической коммуникации, в ходе которой происходит только обмен знаками самопрезентации, метасемиотической коммуникации, суть которой сводится к выяснению содержания знаков вместо передачи информации о реальности, формальной коммуникации, состоящей в видимости информационного взаимодействия. Десемантизация знака проявляется в ослаблении его понятийного содержания и его оценочной экспансии.

ГЛАВА 3

ОТ РИТУАЛА К СЛОВУ: ПЕРФОРМАТИВ КАК РЕЗУЛЬТАТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Перформативный тип глаголов и жанров отвечает за иллокутивный характер соответствующих высказываний, а некоторые специализированные акты, как утверждение, отмена, название и др., в большей степени связаны с конвенциональностью ритуального действия, чем с грамматическим или лексическим контекстом.

Процесс зарождения культуры можно рассмотреть с точки зрения превращения индекса в знак, а затем в символ – репрезентации, отображающей смыслы, важные для определённой группы. Невербальный модус превалирует во всех сферах взаимодействия такого социума, поскольку еще до появления полноценного языка была нужна коммуникация для постановки и выполнения определённого набора задач, необходимых для существования и выживания. Первичные следы культуры находятся в соотношении цели и объекта для её выполнения: для древнейшего человека общие цели, проблемы и решения заключены в факте создания орудий труда (например, копье – репрезентация культурных задач, знаний и техник) [Эверетт 2019]. Это позволяет говорить о культуре в обществе, которое еще не обладает полноценным языком, но уже использует символы, которые в дальнейшем способствовали его развитию; таким образом, невербальный модус предопределяет язык.

Далее мы можем предположить постепенное включение развивающейся вербальной деятельности в алгоритм ритуальных действий, что, в свою очередь, расширяет и обогащает язык новыми функциями, которые ранее выполнялись другими системами. На данном этапе и зарождается перформатив как языковое действие, перенимающее функции, а соответственно, и конституирующую силу самого ритуала. При этом сам ритуал приобретает всё более символическое значение в силу семиотического ослабления, что в современных реалиях можно увидеть в упрощённых обрядовых действиях, которые носят характер, отдаленно похожий на первоначальный ритуальный образ.

Поэтому ритуализированный дискурс может представлять собой locus зарождения перформативной силы слова, которое впоследствии содействовало ослаблению семантики ритуальных действий и трансферу конституирующей силы на речевые формулы.

Одним из ключевых аспектов ослабления ритуальных практик является изменение роли голосовой функции в процессе развития как ритуалов, так и мощных перформативных средств магического и обрядового характера. В данном аспекте используется понятие голосовой функции как инструмента реализации действительности с набором семиотических функций – денотация (обозначение), концептуализация (означивание) и регулирование (выражение). Важность голоса обусловлена, во-первых, его функцией закреплять и сохранять информацию в устной традиции до появления письменности, а во-вторых, его непосредственным участием в оформлении «первичных перформативов», которые понимаются как опорные конструкции, поддающиеся оценке только по шкале успешный/ неуспешный [Проскурин, Проскурина 2022].

Таким образом, предложенная семиотическая модель ослабления ритуала рассматривается в рамках использования голоса в древних речевых практиках. В этнографической научной литературе отмечалось, что такие абстрактные понятия, как имя, образ и душа, встают в один ряд с звучащим голосом в древней картине мира, поскольку все вместе воплощают индивидуальный характер каждого человека, становясь его меткой, и вместе с тем отражают в природных объектах идею владения голосом [Сагалаев, Октябрьская 1990: 143].

Тесная связь ритуала с голосом, а также присвоение последнему роли фиксатора реальности влияет и на его концептуальные выражения в целом.

Далее рассмотрим три этапа ослабления ритуального действия и трансформации его в перформатив: 1) ритуал как первичное действие, 2) ритуальное действие и речевая формула, 3) речевая формула и концептуализация голоса.

Центральное положение ритуала в культуре (семиотический сильный признак)

Первый этап предложенной модели рассматривает семиотический сильный признак ритуального действия, видящегося как центральная часть архаичной коммуникации, что выражается в значимости действия во всей космогонической системе мифов.

Современные исследования ритуальной деятельности больше всего склоняются к определению социально-упорядочивающего характера ритуала именно в повседневной жизни группы и индивида, а не в отдельной сакральной сфере, доступ к которой имел лишь небольшой процент посвященных. С помощью ритуалов установленные социальными институтами правила вписывались в нормы и ценности участников или адресатов, а перформативный, эмоциональный и повторяющийся характер ритуальных практик привёл к появлению практического знания, объединяющего людей. Под «перформативностью» можно понимать несколько различных явлений. К. Вульф относит к ней инсценировку и представление телесных действий, способствующих связи тела и эмоций, тем самым стимулируя коллективное эмотивное участие. Более того, такая ритуализированная инсценировка отвечает и за успешное освоение какой-либо деятельности и повышение компетенции (например, обучение физическому навыку – плаванию) [Вульф 2010: 40]. Универсальный характер таких практик не может быть полноценно установлен, поскольку смыслы, приписываемые ритуальным действиям, будут уникальными для каждой этнической группы, и не понятны внешнему наблюдателю без должного погружения в их смысловое формирование и наполнение [Wu 2018].

Этимология слова «ритуал» сохраняет в себе именно акт делания и совершения обряда. Ср. др.-инд. *kṛiyā* «ритуал, представление, церемония» от глагола *kar-* / *kr-* со значением деятельности, занятия, священного действия (одна из дочерей Дакши есть персонифицированная деятельность, Крия). В. Н. Топоров отмечает креативно-оформляющее значение этого индоевропейского корня **k_uer-* и относит его производные в архаичную ритуальную сферу, обретающую значения воспроизведения и повторного творения – др.-инд. *kṛtyā* «колдовство», «ворожба» (но и *деяние, дело*, ср. также *ā-ścarya* «чудо, чудесный, редкий») [Топоров 1988: 24]. Ритуал также обозначает установленный порядок, ср. лат. *rītus* «обряд, ритуал, церемониал», лат. *rite* «с соблюдением обряда, по праву», а также лат. *ratio* «счёт, разум, смысл», образованные от ведического корня *-rītā*, который в ведах являет центральное понятие *космического закона*, от общего и.-е. **ar-* «взаимно соответствовать, связывать», т. е. *выстраивать в ряд*, (отсюда рус. *обряд*), *приводить в порядок*. Ср. санскр. *vartamāna* «движение, вращение, существование» – здесь отражается также идея о цикличности жизни и о постоянном возвращении в новую форму существования.

Первоосновой большинства ритуалов в древней индоевропейской системе становится воссоздание космогонического и антропогонического действий, т. е. «успешной» божественной трансформации хаоса в космос и рождения всего живого. Представления, связанные с данными действиями, могут переноситься на физические свойства окружающего мира и самого человека, что связывает схожие явления – например, дыхание и ветер синонимизируются в индуистском мифе о рождении бога ветра Ваю (*Vāyu*) из дыхания Пуруши: *mukhād indras cāgniś ca prānād vāyur ajāata*, «из рта его вышли Индра и Агни, из дыхания его – ветер»; *vāyur* «ветер, воздух, дыхание», это и есть бог *Vāyu* [Ригведа 10:90, 13].

Формируется также идея перерождения, когда индивид или группа переходит в новое состояние (смена статуса, социального положения, религии и пр.). Сюда относятся все виды практик развитых социально-религиозных институтов, уже использующих речевые формулы – коронация, интронизация, посвящение и другие церемонии. Изначально же инициация представляет собой смерть

(возвращение к хаосу) и новое рождение (обретение космоса), в результате которого и происходит приобретение нового социального статуса или знаний. Древнескандинавская поэма «Речи Высокого» (*Hávamál*), изложенная в «Старшей Эдде», повествует об обретении Одином магических рун (символ мудрости и знаний) путём принесения себя в жертву самому себе: девять ночей Один провисел в ветвях мирового дерева, пронзённый копьём, что символизировало смерть и изоляцию, нахождение на грани хаоса и возвращение к миру с обрётёнными навыками.

Помимо прочего, номинация некоторых первичных перформативных единиц в индоевропейских языках, отвечающих за ключевые социальные практики регуляции договорных отношений между членами одной или нескольких групп, а также между высшими силами и просящим(и) – клятва, присяга, обет и др., – отражает семантические признаки телесного действия (табл. 2); некоторые варианты строятся на включении уже голосового фактора (табл. 3).

Этимологические данные демонстрируют и другие примеры изначальной семантики действия в словах, обозначающие устные изречения, например, устное обвинение как указание пальцем, что происходит от и.-е. корня **deik-* «показывать, указывать» в словах др.-инд. *dīdeṣṭi*, *dīśāti* «указывать на», авест. *daēs-*, аор. *dōiš-* «указывать» (*daēsayeiti*, *disyeiti*, *daēdōiš*) «указывать, приписывать что-либо кому-либо, судить, приговаривать», а также в др.-инд. *diś-* «инструкция, указание», *diśā* «направление», дало также лат. *dicti-ō*, др.-англ. *tīht* «обвинение». Производные данного корня сохранили не только семантику прямого указания как жеста, но и семантику указания на виновного, указание на руководство к действию, более того, в латинском языке ярко представлены примеры указания голосом – лат. *dīcere* «назначать, говорить, рассказывать, упоминать, ссылаться, называть», давшее также *index* «указатель, знак, указательный палец», аналогично с др.-инд. *deśini* «указательный палец». Жестовая ритуальная традиция сохранилась и в светских элементах коммуникации – приветствии и прощании (рукопожатие, махание рукой, целование, поднятие шляпы и т. д.), которые выражаются вербально и невербально.

Таблица 2

**Этимология перформативных единиц договора
с семантикой действия**

Перформативная единица	Этимология и значение
Клятва	от праславянского глагола <i>*kloniti</i> , т. е. кланяться до земли, касаясь её рукой, что дало также словен. <i>klóniti</i> «предоставлять, преподносить, дарить»
Присяга	однокоренное слово от архаического общеславянского глагола <i>сягать</i> , сохранившееся в производных <i>досыгать</i> , <i>посягать</i> , <i>осыгать</i> [Этимологический словарь ...1983: 34], т. е. тянуться рукой
Oath	от и.-е. корня <i>*ei-</i> «идти», что дало др.-ирл. <i>ōeth</i> , др.-норв. <i>eiðr</i> , др.-англ. <i>āþ</i> , др.-сканд. <i>ēth</i> со значением «клятва», предположительно развилось из «делать шаг вперед, выступать вперед, чтобы принести клятву» *сюда можно включить еще один пример лат. <i>ligō, obligātiō</i> «обязательство», и сам и.-е. корень <i>leig-</i> [Гамкрелидзе, Иванов 1984], <i>leiġ-</i> со значением «связывать, давать клятву», происходящему от корня <i>dnġhū, dnġhūā</i> «язык (орган)»

Таблица 3

Этимология перформативных единиц договора с семантикой голоса

Перформативная единица	Этимология и значение
Обет	происходит от <i>*ob-</i> и <i>*větъ</i> «изречение», как <i>завет, привет</i> , от др.-русск. <i>вътъ</i> «совет, договор», давшее также <i>вече, ответ, завещать, навет</i> и т. д., восходит к и.-е. корню <i>*uekʷ</i> со значением «говорить», давшее гр. <i>ἔπος</i> «слово», лат. <i>vox, vōcis</i> «голос», др.-ирл. <i>foccul</i> «слово», хет. <i>huk-, huk-</i> «приносить присягу, присягать»
Vow	от и.-е. <i>*ueġʷh-</i> «клясться, обещать», что дало лат. <i>novēō, -ēre, vōvī, vōtum</i> «торжественно клясться, обещать», умбр. <i>vufetes</i> «клятва богу»

Этимология слов, обозначающих первичные социальные речевые формулы (клятву, присягу, обет), наглядно демонстрирует неслучайный характер наименований. Тот факт, что изначальная семантика действия сохраняется в последующем образовании отдельного языкового жанра, даёт основание рассматривать прагматику ритуальной коммуникации в перформативных высказываниях, облечённых голосовой функцией.

Ритуальное действие и речевая формула (ослабленный семиотический признак)

Постепенное развитие языковой деятельности сделало возможным транслировать и преобразовывать ритуал через язык и развивать языковые средства в богатых мифологических системах представлений о мире. Передача и воспроизведение невербальных форм ритуала способствует повторению его элементов с постепенным упрощением деятельной активности и наращиванием потенциала голосовой функции. Предполагаемый перенос функционального исполнения действия на языковое выражение упрощает сам процесс ритуала и параллельно углубляет его семантические свойства, что в ранней речевой практике отражается на масштабном инструментарии задействования голоса и звуков в ритуальной, религиозной, магической деятельности. Устному слову приписывается равноценная сила ритуального действия, позволяющая сократить и упростить сам процесс, и именно здесь зарождается конститутивная сила перформативных высказываний.

Конститутивная сила голоса ярко прослеживается в функции первобытного «номинализма», ритуального и обязательного действия наименования вещей, явлений и людей, благодаря которому они начинали существовать и быть реальными.

Имя в индоевропейской традиции представлялось данным свыше, и в ведийской традиции повлияло на появление мифа о мудрецах, устанавливающих имена. Ср. и.-е. **nom(e/o)n*, **d^heH-* «устанавливать имя», давшее в др.-инд. *nāma dhā-*, авест. *nāmąm dā*, ср. гр. словосложение *ὄνομαδέτης* «установитель имен» о древнем герое,

который устанавливал имена [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. На основании допущения выделить в слове и.-е. **en-men-* «имя, название» приставку и.-е. **en-* «в-, внутри» В. В. Сырочкин связывает лексему «имя» с глаголом и.-е. **men-* «думать, помнить». Семантически это подкрепляется примерами лит. *praminimas* «прозвание, название», *pramiñti* «прозвать, назвать», которые родственны лит. *miñti, menú* «помнить», лтш. *minēt* «упоминать» и восходят к и.-е. **men-* «думать, помнить». Приводя в пример лтш. *minēt vārdā* (лтш. «упоминать имя»), Сырочкин предполагает, что и.-е. **en-men-* имело значение «упоминаемого вслух» по аналогии с др.-инд. *atipáthati* «называет», *páthati* «читает вслух», *pathanam* «упоминание, чтение вслух» [Сырочкин 1994: 47–48]. Все эти данные дают основание предполагать, что имя носило не просто номинальный характер, а могло связываться с представлением древних о необходимости дарения и присвоения имени в порядке ритуала с обязательным произношением формулы вслух.

Присвоение имени становится ритуальным актом, который не только закрепляет права объекта на существование, но и присваивает ему определённые качества, становится его личностью, предопределяет его судьбу.

В мифологических сюжетах наблюдается обязательное присвоение имени: «сошлись на судбище, по лавам сели, совет держали все вышние боги: ночь нарекали, полночь и вечер, именовали утро и полдень и все межечасья для числения времени» (Прорицание Вёльвы, Старшая Эдда, 6); «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Ветхий Завет: Бытие, 2). Уже присвоенное имя по своему значению может приравниваться к самому семантическому наполнению обозначаемого явления, быть его неотъемлемой частью и даже замещать его. Имя Брахман, что в индуистской мифологии есть высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов, само может быть равноценно истинному чистому знанию, эквиваленту высшего духовного и телесного состояния. Ср. «Имя его – "предмет устремлений",

[его] следует почитать как предмет устремлений. Кто знает это, к тому стремятся все существа» (Упанишады, Кена Упанишада, 4: 6).

Здесь происходит семиотическое слияние имени и носителя, их связь становится материальной, и произношение вслух эту связь реализует, обращаясь к иллюкутивной силе ритуальной практики. Сакральное значение имени, особенно божественного, было способно повлиять на характерное восприятие и воспроизведение этой языковой единицы в рамках ритуала и вне таковых. Как отмечает Н. Б. Мечковская, из-за фетишизации имени божества слово становилось его образом, ему поклонялись как религиозным святыням, мощам или иконе [Мечковская 1998: 42]. Различные побуждения (страх, уважение) привели к табуированию и эвфемизации имен и номинаций: имя *Яхве* (тетраграмматон *YHWH*, Сущий, Сый) – наиболее широко распространённое имя бога в иудаизме и христианстве, заменялось множеством других имён из уважения к богу и отказа произносить истинное имя вслух; эвфемистические замены сакральных животных, например, у славян и.-е. основа **rtk'*- «медведь» заменилась на праслав. **medvěď* «поедающий мёд», ср. др.-инд. *madhuvád* «едающий сладкое» из и.-е. **med^[h]uēt'*, в скандинавской традиции священная птица Вальгаллы слово «ворон» на звукоподражательной основе проявилось появлением др.-англ. *crāwe*, др.-исл. *kráka* «ворона» из и.-е. основы **k^her*, **k^[h]er*, **k^[h]or*, **k^[h]r*, которая представляет общеиндоевропейское название «журавль». Вторичное табуирование происходит в новых западногерманских языках, где появляется англ. *raven*, нем. *rabe* «ворон» [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

В Древней Греции считалось противозаконным произносить имена жрецов – участников Элевсинских мистерий (*Ἐλευσίνια Μυστήρια*), обрядов, инициирующих избранных в культ богинь плодородия Персефоны и Деметры. Сакральность священного имени, даруемого при избрании в культ, строго охранялась, и именно поэтому его нельзя было произносить вслух при жизни. Ритуальным образом избранные избавлялись и от старых мирских имён – их вырезали на бронзовых или свинцовых дощечках и бросали в воды залива в городе Элевсине, чтобы сохранить их в тайне [Фрэзер 2001: 348]. Это можно считать определённого рода письменным перформативом или переходом

к таковому, однако важен сам факт ритуальности и сакрализации имени и восприятия его как физического объекта, поскольку именно вера в наделённое ритуальной силой слово приводит к перформативному выражению воли говорящего.

В устном творчестве всех мифологических культур это отражается в широчайшем пласте заклиательной и молитвенной устной практики, формируя канонический перформатив (глагол в форме настоящего времени, изъявительного наклонения, действительного залога), отражающий веру говорящего в силу произносимого им вслух слова:

– *By the touch of his garment he impeded streams of hot blood. By the flowing tears of the suppliant the flood of blood will dry up. Through that which was dried up by the work of the Lord, I order you, stop. Through our Lord.* (Charm 1 (Royal 2.A.xx, f. 16b) [Fisher 2012: 126];

– *Up I go, over you I step, with a live child not with a dying one, with a full-born child, not with a dead one* (For Delayed Birth). Слова произносились во время упомянутого выше ритуала и заклинания *Wīð lætbyrde*, который совершала женщина с просьбой о здоровом ребёнке и лёгких родах;

– *Fō ic under fōt; funde ic hit* «Я беру под ступней, я нашёл её [горсть земли]» (*Wīð umbe* – заклинание, удерживающее пчелиный рой, устроившийся рядом с домом);

– *Ēastweard ic stande, ārena ic mē bidde* «Лицом на восток я стою, о благословении молю»; (*Æserbot* – заклинание для плодородия земли);

– *donne ic þis attor of ðe geblāwe* "Когда я этот яд из тебя выдую» (*Nigon wyrta galdor* – заклинание девяти трав);

– *А всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ и ключъ въ воду* – заключительная формула заговоров, представляющая трансфер понятия ключа на слово и замка на рот, создавая ритуальную концепцию речевого акта, как завершающего ритуал и придающего ему силу;

– *Благослови раба Божия (имярек). Благословясь, лягу я, раб Божий (имярек), помолясь встану, перекрестясь умоюсь водою, росою, утруся платком тканым;* – формульный перформатив, предвещающий старорусские заговоры.

Пример последней формулы, начинающей каждый заговор, представляет собой вербальный трансфер, необходимое условие для успешной реализации заговора – т. е. сначала необходимо перенестись в определённое пространство мифорелигиозного топоса [Куликовская 2019: 12–18], после чего уже можно приступать к последующим действиям: ... *ветры буйные, вихри! Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещёному; распалите и присушите медным припоем рабу (имярек) ко мне, рабу Божию* (любовный заговор).

Перформативные конструкции таких заговоров не столько описывают действия, сколько включают их в вербальную часть ритуала. Использование их в заклинательных конструкциях основывается на мифологическом представлении о способности произнесённого слова повлиять на реальную действительность, которая в итоге интегрируется с ирреальным восприятием на некой договорной основе: если попросить определённым образом, соблюдая при этом определённые ритуальные действия, совершая успешный конвенциональный акт, то будет получено желаемое.

Успешность такого акта обусловлена зависимостью от первичного ритуального образа, т. е. единства действия и стоящей за ним целевой установки, устное «взывание» к которой и обеспечивает положительный эффект. В слиянии мифологической и магической формул, которое находится в тексте Мерзебургских заклинаний (древневерхненемецкий язык, IX–X вв.), прослеживается значимая совокупность данного действия. Первое заклинание представляет заговор на освобождение из плена, второе закликает вылечить вывихнутую ногу коня:

1. Древле сели девы семо и овамо.
Эти путы путали, те полки пятили,
Третьи перетерли твердые оковы.
Верви низвергни, вражых пут избегни.
2. Пфол и Водан выехали в рощу.
Тут Бальдеров жеребчик вывихнул бабку.
Заклинала Синтгунт с Сунною-сестрицей;
Заклинала Фрия с Фоллою-сестрицей;

Заклинал и Водан; заговор он ведал
От полома кости, от потока крови, от вывиха членов.

Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью,

К суставу сустав, как слепленный, пристань [Перевод Б. И. Ярхо 1975].

Каждое заклинание предваряется повествовательным вступлением, описывающим ситуацию и героев-богов, что типично для индоевропейской устной традиции и эпической песни – представление героя и его главных характеристик/подвигов/деяний: *idisi* – женские божества (предположительно, валькирии), способные избежать вражеских пут на поле битвы; *uodan, so he uiola conda* «Водан, заклинание знающий», после неудачных попыток трёх богинь, вылечивает ногу коня. После таких вступительных элементов вводится основная магическая формула заклинания, которая обладает типичными для устного мифологического повествования элементами – рифмой, аллитерационным стихом, формульными повторами, указанием на мифологических героев и богов; это позволяет отнести текст к чисто языческой форме бытования. Сама по себе форма заклинания видится как волшебная, и непосредственное устное воплощение наделяется силой, способной претворить желаемое в действительность. Итак, здесь соединяются мифологическая основа верования (эпическое описание) и его языковое воплощение (магическая формула), рождая комплекс, который отсылает к воссозданной в ритуалах первооснове самого мифа (напомним, цель таких ритуалов – упорядочить хаос в соответствии с первозданными событиями, породившими этот мир). Верится, что если устно воззвать к первичному событию успешного порождения мира и повторить его, то повторится и тот успех. Здесь образуется концептуализированная область, в которой эпический нарратив демонстрирует соотнесённость с исторической реализацией события, а языковой перформатив способствует устному возрождению этого события.

Речевая формула и концептуализация голоса (слабый семиотический признак)

Слабый семиотический признак ритуального действия представлен богаче всего в юридической практике, использующей перформативы в качестве легализации правовых актов. Причём речевая функция имела место быть не только до момента появления письменности, но в определённых действиях сохранилась и после.

Рассмотрим порядок принесения клятвы как одного из древнейших ритуальных соглашений устного порядка между людьми и/или богами. Принесение клятвы облагалось обязательным условием её выполнения, что отразилось в рано сформированном общеиндоевропейском понимании о преступности ложной клятвы, что характерно для древнегреческого языка и культуры (см. анализ понятия *επιρκος* [Бенвенист 1995: 336–341]). Древнее принесение клятвы при сопровождении жертвоприношениями сменилось ослабленным вариантом залога и слабым признаком символического принесения себя в жертву. Сохранилось такое понятие как лат. *sacramentum* «клятва», имеющее различные значения, в частности правового характера. Например, архаическая формула *legis actio sacramenti* – произношение такой предваряющей просьбу формулы перед понтификом накладывало штраф, если приведение доказательств осуществлялось некорректно. Здесь кроется этимология *sacramentum*, происходящего не от *sacer* (освящение, но и проклятие), но от отыменного глагола *sacrare*, что подразумевает «произносить проклятие» нарушителю. Поэтому понятие *sacramentum* предполагает заранее наложенное на себя проклятие, или ответственность за нарушение клятвы. Ритуальное жертвоприношение, выраженное через заранее наложенное на себя проклятие, в символическом смысле встречается в принесении обета, которое подразумевает «дарение себя, жертвование себя» божеству заранее, поскольку человек остается жить, но посвящает свою жизнь высшему божеству.

На примере римского права и религии ярко демонстрируется жёсткая конвенциональность и ритуальность принесения обета –

представитель государства и религии выслушивает торжественное произношение желания (*nuncipatio*), после чего формируется сам обет, который необходимо выполнить в ответ на свою просьбу, или *votum concipere* «зачинающий обет», причём формулу произносит сначала жрец, затем дающий обет в точности её повторяет. После этого принесённый обет передавался властям для получения *votum suscipere* «принимающий обет», или официального утверждения. Далее дающий обет за свою просьбу должен был выполнить его, *votum solvere* «исполняющий, решающий обет»; если он не выполнял его, то становился *votus reus* «отвечающий за обет», подвергался преследованию по закону и вынесению приговора, делавшего его *voti damnatus* «осуждённый». Языковые обозначения сохраняют чёткую последовательность и условность в линейном порядке происхождения событий, где каждое следующее действие возможно только по окончании предыдущего: *votum concipere* «зачинающий обет» – *votum suscipere* «принимающий обет» – *votum solvere* «исполняющий, решающий обет» – *votus reus* «отвечающий за обет» – *voti damnatus* «осуждённый» (или нет).

Регуляция юридических актов с помощью устной формулы представлена также вербальным контрактом или стипуляцией, т. е. договором, устанавливающим обязательство *verbis* (словами) и приобретающим обязывающую силу посредством произнесения известных формул или фраз. Этот вид вербального контракта осуществляется посредством симметричной устной структуры вопроса и ответа, когда будущий кредитор спрашивает с будущего должника словесное обязательство – «Обязуешься торжественно дать? Обязуюсь торжественно дать. Обещаешь? Обещаю. Даешь ли честное слово исполнить свое обещание? Даю честное слово. Ручаешься? Ручаюсь. Сделаешь? Сделаю» [Пер. с латинского Ф. Дыдынского 1997]. В оригинальном тексте интересным местом представляется *dari spondes? Spondeo*, поскольку лат. *spondēre* «торжественно обязаться, клятвенно обещать» родственно *spondēum* «чаша для возлияний», что указывает на ритуально-жертвенный характер клятвы, как символическое дарение себя в жертву заранее, что было рассмотрено нами выше.

В процессе становления правовой системы важно отметить, что именно голосовая функция стала законным и первичным инструментом осуществления юридических актов. Древнеримская правовая система облакает мотивирующей легализованной силой совершение государственных и законных актов в виде словесных формул. Произношение таких формул ставится в рамки чётко регламентированных условий, соблюдение которых гарантирует законность и адекватность строгого юридического порядка, наследованного в дальнейшем всей континентальной системой права. Именно эта функция перформатива и сохранилась за ним после ослабления других семиотических признаков первичных ритуальных действий.

Таким образом, учитывая всё вышеизложенное, можно вывести несколько аспектов перформативности высказываний, которые образовались в русле ритуально-правовой практики:

– цель действия: трансформация состояния субъекта или объекта, т. е. переход из одного состояния в другое, что обосновывается глубинным культурным представлением о повторении первичного акта создания, создания космоса из хаоса. Любые акты инициации (причащения, посвящения, приобщения, коронования, помазания, крещения и т. д.), заявления и объявления (трёхкратное объявление помолвки, объявления войны и перемирия, публичные объявления наследования, волеизъявления), принесение клятв, присяги, обетов и т. д. – всё это подразумевает новый социальный статус и/или обязанности, изменение отношений в правовом и юридическом аспектах, принятие нового и/или отказ от старого;

– способ действия: ритуально-символическая обрядовая практика, в которой голосовая функция становится обязательным аспектом. Теоретик права Ж. Ле Гофф, описывая средневековые вассальные ритуалы, также указал на наличие в правовых действиях трёх базовых элементов – слово, жест и предмет [Ле Гофф 2000]. Использование жестовой составляющей и предмета/атрибута не является повсеместным и может заменяться голосовой формулой, однако именно материальные объекты в ритуале выступают как символы

культуры (например, клятва на кольце, распространённая в древнегерманской традиции); какое-либо действие заменяется или сопровождается перформативным высказыванием, придающим всему обряду законный вес, а озвучивание процесса становится неотъемлемой частью обряда;

– исполнитель: авторитетная власть в качестве лица, выполняющего обряд, участника или свидетеля такового, которая является представителем какого-либо значимого социального института и/или заменяет высшую силу; в мифопоэтическом сознании выступает в виде бога или божественного пантеона;

– условия: для совершения обряда необходимы конкретные условия локации, времени, наличия и/или отсутствия свидетелей, атрибутов обстановки и др., т. е. чёткая и установленная в договорном порядке конвенциональность действий, при несоблюдении которой акт будет считаться неуспешным.

Этапы семиотического формирования перформативности не просто вывели новую категорию в языке, но и способствовали семантическому отделению голоса от его носителя, а также наполнению и насыщению его концептуальными смыслами: голос – разум, голос – поэзия, голос – божество, голос – народ, голос – совесть и др. Голос, а также вся металексика устных изречений – слово, молитва, песня, гимн и др. приобретают семантику предметов [Ледовских 2025]. Слово наделяется магической силой влиять на реальность и изменять ее свойства наряду с другими объектами этой реальности (брошенный камень или брошенное слово причиняют вред);

– *Hvat er þat manna er í mínum sal verpumk orði á?* «что за муж в моём доме слова в меня мечет?», где *verpumk orði* от гл. *verpa* «бросать», здесь в значении «метать слова, как оружие» (Речи Вафтруднира, 7, *здесь и далее перевод наш.* – Л. А. Оригинальный текст приводится по [Jónsson F. De gamle Eddadigte. Copenhagen, 1932]);

– <...> *hrópi ok rógi ef þú eyss á holl regin* <...> «кричать и бранью грязной забрызгать всех богов» (Перебранка Локи, 4), где глагол *eyss* от *ausa* в значении «посыпать, обрызгать» обретает также

метафорическое значение «оскорблять», т. е. слово ставится в один семантический ряд с грязью, мелким мусором.

Характерное проявление переноса семантики ремесленных действий на устные сообщения встречается в сфере поэтического слова, что изначально обосновано общим для древней общеиндоевропейской традиции отличием богов и людей, для каждого из которых предопределены свои язык и речь. На мифокультурном уровне это проявляется и наличием недоступных обычным смертным божественных яств со свойствами бессмертия, вечной молодости и мудрости, как древнегреческие *ἀμβροσία* «амброзия» и *νέκταρ* «нектар», или древнеиндийская *amṛta* «амрита». Происходит слияние божественной речи и пищи в виде поэтического дара, что находит отражение, например, в древнескандинавском мифе о мёде поэзии (*Scaldamiodr*), изложенном в «Младшей Эдде», в котором повествуется о напитке, дарующем мудрость и поэтический дар, и о том, как этот мёд был произведён цвергами и в конце концов украден Одним и передан асам. Поэтический дар слова связывается с мистическими знаниями, которые поэты получали от богов в результате ритуальных инициаций, а также с даром предвидения будущего, которое будто «выплеталось» перед поэтом (см. сюжет сравнения судьбы с плетением нити, разматыванием нити и т. д.). Не удивителен в таком случае перенос семантики ремесленных действий на поэтическую речь: корень **tʰ[h]ekʰ[h]s-* «изготавливать, плести, лепить» использовался для понятий сочинения песни (др.-инд. *takṣ-* «сложить песнь»), а также **sju(H)-* «связывать» в значении связанного поэтического текста, ср. др.-инд. *sūtram* «сутра, текст, произведение» [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Такой концепт ярко проявляется в индийской традиции, в Ригведе найдено всего 17 примеров употребления данного глагола в концепте «механического, рукотворного» сотворения устной молитвы/хвалы:

– «О Индра, Готама **выточил** новую молитву» – *atakṣad brahm* [Ригведа, 1.62, 13];

– «Я **выточил** для вас поэтическое творение» – *atakṣam dhiyam* [Ригведа, 1.109, 1];

– «Эта почтительная **хвала**, о Маруты, **выточенная** сердцем (и мыслью) – *stomo hr̥dā taṣṭo* [Ригведа, 1.171, 2].

Здесь используется именно глагол *takṣ*, который относится к группе добывающих глаголов по классификации Ю. С. Степанова [Степанов 1997: 220], т. е. включает семантику видоизменения внешнего, к которой относятся все глаголы механической и тепловой обработки.

Более того, наблюдается различие между поли- и монотеистическими традициями относительно видения голоса как отделяемой от носителя сущности, что имеется только во втором случае. Например, в христианской традиции абстрактный метафизический голос становится образом, заключающим высшую волю:

– и увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали <...> И услышал я громкий голос с неба, говорящий: <...> [Откровение, 21:1];

– он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? [Деяния, 9:4];

– люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша **голос**, а никого не видя [Деяния, 9:7];

а также именно голосовая функция изначально оформляет все успешные акты творения мира и совершения важнейших космических действий через слово, через которое в Священном Писании отображается общее понимание могущественности Бога:

– «Ибо Я Господь, Я говорю; и слово, которое Я говорю, исполнится и не будет отложено; в ваши дни, мятежный дом, Я изрѣк слово и исполню его, говорит Господь Бог» [Иезекииль, 12:25];

– «Но как сбылось над вами всякое доброе слово, которое говорил вам Господь, Бог ваш, так Господь исполнит над вами всякое злое слово <...>» [Иисус Навин, 23:15];

– «и вражду положу между тобою и между женою» [Бытие, 3:15];

– «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей» [Бытие, 3:16].

Успешность перформативного изречения в таком типе речевой практики становится основой мира, что в дальнейшем является базой для более крупных жанров [Проскурин 2016]. Это чистое явление

перформатива, которое уже не зависит от ритуального порядка совершения действия, а заключает идею о силе слова. Нет возможности подтвердить, что иудео-христианская традиция следует семиотическому ослаблению ритуала, однако данное явление точно подтверждается в языческой традиции в виде ослабленных древнейших ритуалов – поединок и испытание, которые переходят в устное «поле боя» в виде песен-перебранок и загадок.

Скандинавская эпическая традиция богато представляет материал ритуального поединка и испытания загадками, как древнейшего процесса инициации: «Речи Альвиса», «Речи Вафтруднира», «Песнь о Харбарде», «Перебранка Локи» из Старшей Эдды (XIII в.). Структура данных произведений основана на ритуальном дуализме соперников, выстраивается на ритмическом повторении вопросов и ответов как выпадов противников в поединке с целью испытать соперника, проверить его знания и либо победить, либо принять в свой круг. Перебранки в свою очередь также строятся на древнейшем образе испытания – загадке, отношение к которой в древнескандинавской мифопоэтической традиции само по себе является центральным: сама поэзия показывается как загадка через развитую систему односложных и многосоставных кеннингов и хейти (слово *ráða* «обсуждать, давать совет, решать» используется в отношении чтения поэзии, как решения загадок и толкования рун и снов).

В итоге наблюдаем выход голосовой функции за рамки ритуальной деятельности, в результате чего появляется не только перформатив в силу ослабления первичных семиотических функций, но и расширяется семантическое наполнение голоса, как явления в индоевропейской культуре.

Перейдём к итогам. Говорить о конкретном переходе каждого из этапов и о точном переходе от сильного семиотического признака к ослабленному или слабому нет возможности в силу большого количества факторов различного порядка. Однако общие законы семиотического ослабления явно прослеживаются при изучении перформатива и ритуальной практики.

В основе исследуемого явления перформатива лежит фундаментальная прагматика ритуала, представляющая собой сильный семиотический признак – это сакральный акт божественной трансформации хаоса в космос. Данная модель успешного творения становится парадигмой для всех ключевых событий человеческой жизни (рождение, инициация, смерть), которые ритуализируются как повторение этого первичного акта. На этом этапе коммуникация осуществляется преимущественно через невербальные практики, которые являются прямой символической моделью космогонического порядка: символические жесты и прикосновения, которые сами по себе несут семиотическую нагрузку дарения жизни, исцеления, приобщения к сакральному и т. д.

Постепенно ритуальное сильное действие ослабевает, а параллельно развивается и усложняется сама ритуальная практика, в которую интегрируются речевые формулы. Развитие голосовой функции ведёт к постепенному упрощению физических действий, которые замещаются или дополняются вербальными элементами. Голос приобретает конституирующую силу, равную ритуальному действию, а речевые акты начинают напрямую выражать интенции говорящего, становясь перформативами. Ярче всего это проявляется в явлении номинации в индоевропейской культуре: акт наречения имени фиксирует объект в бытии («не названо – не существует»), а само имя становится сакральным знаком, тождественным своему носителю. Это порождает веру в материальную связь слова и объекта, что находит выражение в магическом устном творчестве (заклинания, заговоры, молитвы), где слово не описывает действие, а является им, напрямую воздействуя на реальность. Таким образом, ритуал теперь осуществляется через синтез действия и голосовой формулы.

На последнем этапе происходит переход к слабому семиотическому признаку, где от первоначального сложного ритуала остаётся прежде всего перформативная речевая формула с силой действия и рождаются концептуальные понимания голоса. Наиболее показательным примером слабого признака является юридический дискурс, в котором доминирует чистый перформатив. В нём голосовая формула, унаследовавшая сакральную силу ритуала, становится

основным инструментом легитимной социальной деятельности. Клятва, восходящая к символическому акту самопожертвования (наказание за нарушение – символическая смерть), и другие устные формулы (обеты, устные завещания, стипуляции) становятся краеугольным камнем правовых систем. Их произнесение в строго регламентированных условиях гарантирует законность и адекватность юридического порядка, что демонстрирует, как сакральная речевая практика ритуала была унаследована и трансформирована светским правом.

Таким образом, эволюция перформатива и голосовой функции проходит путь от сильного семиотического признака (ритуал-действие) через его ослабление и синтез с речью (ритуал и голосовая формула) к слабому признаку, в котором сохраняется лишь перформативная сила голоса и его концептуальное восприятие как создающего начала, что наиболее ярко сохранилось в юридической сфере.

ГЛАВА 4

ОТ «РАЗРЕШИТЕЛЯ МИРОВ» К МЕМУ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СЕМИОЗИС КОНЦЕПТА «ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ»

В данной главе рассматривается ядерное оружие (ЯО), один из ключевых концептов международной безопасности, сквозь призму семиотики, которая может помочь в экспликации особенностей ядерного фактора в мирополитической жизни и социокультурном багаже человечества. Принципиальным преимуществом семиотического подхода является его наддисциплинарный характер. В применении к исследованиям международных отношений (МО), глобальной безопасности (и ядерного фактора в частности) он находится на стыке политологии [Зевелев, Троицкий 2007], культурной психологии [Salvatore, Palmieri, Cordella, Iuso 2021], философии и многих других предметных областей. Другой связанной отраслью предстаёт юриспруденция: проблематика регулирования использования и даже обладания ЯО тесно связана со сферой международного права, которая также подлежит семиотическому осмыслению.

Потенциал семиотики в исследованиях ядерного фактора: краткий обзор литературы

Семиотика в широком понимании применялась в целях изучения МО ещё с 1970-х гг. [Смирнов 2018]. Характерным примером использования терминологического и методологического аппарата семиотики в отечественных международных исследованиях является

статья Н. Н. Гудалова и С. С. Тулупова, в которой раскрывается содержание термина «стрессоустойчивость» (англ. *resilience*) в применении к глобальной безопасности и другим сферам [Гудалов, Тулупов 2018]. В другой работе при помощи семиотического подхода раскрывается гендерное измерение МО на материале кинематографа эпохи «холодной войны» [Смирнов 2018]. В данном случае избранная методология помогает проследить конструирование образа врага в американской и советской культуре.

ЯО можно рассматривать не только как структурный фактор МО, но и, безусловно, как устоявшийся символ. Не удивительно, что в науке о МО и стратегических исследованиях уже встречались интерпретации семиотических особенностей двусторонних отношений именно РФ и США [Зевелев, Троицкий 2007] – крупнейших держав, обладателей более чем 90 % мировых ядерных арсеналов. Методологической особенностью указанной работы выступает сопряжение семиотического аппарата и концепции «мягкой силы» Дж. Ная-мл., которая в русскоязычной литературе преломлялась во множестве итераций и прочтений, от «умной силы» до «мягкого влияния».

Принципиальным моментом для политической семиотики как таковой является её мультимодальный, поликодовый характер. Этот же тезис можно отнести к немногочисленным семиотическим исследованиям международной безопасности. В применении к ЯО такое измерение выражается, к примеру, в деперсонифицированной метафоре «Мёртвая рука» (система «Периметр»), которая в одном из исследований смешанной методологии интерпретируется как самовоспроизводящаяся фрактальная структура [Тамерьян, Шаипова 2024]. Ниже мы также обратимся к особенностям репрезентации ядерной символики в невербальных кодах.

В науке изучались и семантические особенности ядерной политики. Так, с этой точки зрения обращает на себя внимание лексема "*gap*" (с англ. «разрыв»), обозначающая диспаритет двух соперников, США и СССР (а также его правопреемницы РФ) в потенциалах, связанных со средствами доставки [Guy 1984]. Такие идеологемы, зачастую снабжённые в дискурсе профессионализмами для придания им весомости и фундированности, используются в частности

при обосновании роста расходов на оборону. В другом исследовании П. Розенталь классифицирует опущение атрибута «ядерный» перед родовым словом «бомба» как эвфемистическую метонимию [Rosenthal 1991].

Ассоциативные исследования. В отдельных работах справедливо подчёркивается роль языка в конструировании социальной реальности, связанной с ЯО [Roya 2000]. С этой точки зрения конвенциональный характер ЯО как знака соответствует принципу «привычки к действию», по У. Эко. То есть при произнесении словосочетания «ядерное оружие» у интерпретанта возникает устойчивый набор ассоциаций, объективно и субъективно связанных с означаемым.

Примечательно коннотативное богатство словосочетания «ядерное оружие» на фоне контекстного, ситуативного характера семиотики МО как сферы социального взаимодействия. В то же время символика, с которой связан в общественном сознании ядерный фактор, имеет неоднозначные смысловые оттенки. Ему приписываются такие ассоциативные атрибуты, как опасность и даже апокалиптичность. Это касается не только ЯО, но и мирного атома, в особенности с учётом широко обсуждаемых последствий аварий на американской АЭС Три-Майл-Айленд в 1979 г., советской Чернобыльской АЭС в 1986 г. и японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Другим примером символизма в этом отношении служат виртуальные Часы судного дня чикагского издания «Бюллетень учёных-атомщиков», которые на 2025 г. находятся на условной отметке «89 секунд до полуночи» (ближе чем когда-либо) [Bulletin of the Atomic Scientists 2025].

Более того, подобные негативные ассоциации, связанные с единственным в истории боевым применением ЯО американскими войсками в августе 1945 г., привели к появлению в японском дискурсе явления «ядерной аллергии», или «ядерного табу». С лингвокультурной точки зрения одним из проявлений подобного феномена можно назвать применение такого тропа, как фигура умолчания. В частности, примечателен отказ японского правительства от использования кандзи 核 (яп. «каку») со смысловым значением «ядерный» в понятии «ядерный синтез», используемого в соответствующей энергетической стратегии [内閣府ホームページ 2025]. Вместо собственно

японского понятия 核融合 (яп. «какуюго») было решено использовать заимствование из английского *フュージョンエネルギー* (яп. «фю:дзён энэруги:»), без семы «ядерный».

Эксперименты ассоциативного плана показывают, что восприятие ЯО представителями разных государств является культурно обусловленным [Roys 2000]. Понятия «ядерная война», «ядерная зима», «ядерное испытание» и др. неодинаково воспринимаются даже дипломатами из различных стран, несмотря на относительную универсальность культурных норм, присущих этой профессии [Ibidem]. Разграничительной линией является критерий обладания родной страной респондента ЯО. При этом дипломат из ЮАР, добровольно отказавшейся от ЯО (уникальный прецедент в мировой истории), был единственным, кто в рамках эксперимента не высказывался о теме в терминологии «холодной войны». Из этого делается вывод о существенном влиянии кардинальных изменений в политической системе на используемый язык.

Принадлежность конкретного места к ядерному пространству (феномен «закрытых городов») также влияет на организацию пространства человеческой жизнедеятельности, в том числе с семиотической точки зрения [Шуб, Загуляева 2022]. Наличие объектов ядерной индустрии определяет семиотический фрейм таких локусов. Ещё один занимательный топонимический пример в этой связи: практически нарицательным стало географическое наименование «атолл Бикини», связываемое в общественном сознании с проведением многочисленных ядерных испытаний в Океании.

Неоднородность интерпретаций. Для семиотики может иметь немалое значение и постмодернистское видение проблемы ЯО французскими структуралистами¹, проявившееся в работах Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, М. Фуко, Ж. Делёза и др. Так, Ж. Бодрийяр утверждает, что в случае ядерного сдерживания знак отделён от объекта полностью. Этот тезис философ поясняет немыслимостью самого

¹ При осознании отдельных принципиальных отличий структурализма и постмодернизма как философских и научных течений нельзя не признавать их потенциал к концептуально-идеологическому «взаимоопылению».

факта ядерной войны. С точки зрения мыслителя, все «притворяются», будто верят в серьёзность такой ситуации при осознании её невозможности [Baudrillard 1991: 89–91]. Такое положение дел Ж. Бодрийяр описывает авторским термином *hyperréalité* (фр. гиперреальность) [Ibidem: 103]. О. Туандер, с другой стороны, подчёркивает двойственную природу ЯО: ядерная война мыслится им как возможная и невозможная одновременно [Tunander 1989], по принципу знаменитого мысленного эксперимента Э. Шрёдингера. Это положение напоминает и тезис о применимости принципа суперпозиции из квантовой механики к МО.

Принято считать, что основной функцией ЯО в МО является сдерживание, устрашение противника самим фактом обладания этим видом вооружения. Соответствующая теория уже подробно развёрнута в политической науке в различных своих вариациях². В конструктивистском подходе ЯО выступает важнейшим атрибутом великодержавной идентичности. В то же время в некоторых интерпретациях это символ коллективного самоубийства человечества [Roza 2000], с учётом разрушительных последствий ядерной войны.

Горизонтальное распространение ЯО, т. е. увеличение числа государств-обладателей такого оружия, также может иметь символическое значение. О. Нода доказывает, что Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) служит как подобным символом, так и символическим катализатором распространения (англ. *symbolic proliferator*) [Noda 2021]. Исследование представляет интерес своей методологической комбинацией семиотики и критического дискурса-анализа. При этом О. Нода относит сдвиг в толковании ЯО как символа к самому моменту подписания ДНЯО, когда обладание ЯО было легализовано с точки зрения международного права лишь для пяти стран.

² В особенности это положение относится к семейству школ (нео)реализма, разрабатываемого в первую очередь в американской политической науке: оборонительный реализм К. Уолтца, наступательный реализм Дж. Миршаймера и др. В рамках данных теорий может обосновываться даже необходимость обладания ЯО едва ли не всеми государствами как основными акторами МО.

Продолжая тему семиотики права, следует упомянуть, что Консультативное заключение Международного суда ООН 1996 г. о правомерности применения ЯО или угрозы такового также подвергалось семиотическому анализу [Teгаока 2016]. Автор публикации приходит к выводу о неоднозначности трактовки суда, вызванной смешением двух конфликтующих семиотических кодов: юридического (т. е. основанного на верховенстве права) и политического (в центре которого находится государство с его национальными интересами).

В завершение обзора следует отметить, что в англоязычном пространстве словосочетание «ядерная семиотика» весьма часто принято относить к деятельности Рабочей группы по человеческому вмешательству (англ. *Human Interference Task Force*) в рамках американского Министерства энергетики. Задачей этого междисциплинарного объединения является выработка принципов универсальной кодировки для хранилища высокоактивных радиоактивных отходов. Это необходимо для того, чтобы потомки могли однозначно корректно интерпретировать таящуюся опасность даже в случае прерывания межпоколенческой преемственности и невозможности однозначной дешифровки существующих символьных систем. Показательно, что однозначного успешного ответа на заданный вопрос до сих пор не найдено, хотя предлагались различные решения, от максимально абстрактных символов до комиксов и даже использования в качестве маркера генномодифицированных организмов с биолюминесценцией. Не удивительно, что радиоактивные отходы как объект семиотических изысканий рассматриваются также в качестве проблемы коммуникации [Trautsch 2011]. Переходим к следующей части главы, которая логически связана с особенностями реализации коммуникативной функции ЯО, а также с культурными репрезентациями ядерного фактора, включая невербальные представления.

ЯО как коммуникативный и культурный феномен

В дипломатической коммуникации страны используют знаки, одной из важнейших характеристик которых является самореферентность. Более того, эта система символов постоянно разрастается, в том числе за счёт поиска ответных знаков и множественности интерпретаций. Проблема ЯО как статусного элемента, которым обладает государство, во многом носит коммуникативный характер, и с этой точки зрения огромное значение имеют конвенции, связанные с использованием соответствующего знака [Roya 2000]. О. Тунандер справедливо замечает, что в современности действия государства в ядерной сфере уподобляются языку тела: решения в сфере ядерного сдерживания представляют собой символические жесты [Tunander 1989]. Явные или скрытые угрозы применить ЯО в такой логике представляют собой комиссивные речевые акты.

Рассуждая о конвенциональных методах коммуникации, важно отметить, что вербальные тексты по тематике ЯО довольно разнообразны. К ним относятся официальные стратегии обороны и внешней политики различных государств (включая специализированный Обзор ядерной политики США, Основы государственной политики РФ в области ядерного сдерживания и др.), многочисленные научные и публицистические статьи по теме, художественные произведения и даже отдельные лозунги. Однако примечательны и невербальные тексты, в частности визуальные, такие, как комиксы, карикатуры и др. [Gamson, Modigliani 1989].

В экстралингвистическом контексте одним из широко распространённых изображений, связанных с ядерным фактором в мировой визуальной культуре, является чёрно-жёлтый символ радиационной опасности³. Он был разработан в 1940-е гг. в США и принял

³ Уточним, что понятия «радиоактивный» и «ядерный» в контексте соответствующих вооружений не тождественны с физической точки зрения. Так, не является ЯО «грязная бомба» (радиологическое оружие), единственным поражающим фактором которой является радиоактивное заражение местности, а также сопутствующий психологический эффект.

окончательный вид в 1950-е гг. В визуальном измерении этот общепринятый невербальный знак предстаёт максимально узнаваемым символом. Такая считываемость знака обеспечивает практически гарантированное осознание посыла адресатом. Это же относится к символу биологической опасности («трилистник»). Его вид был разработан в разгар «холодной войны» компанией «Dow Chemicals» на основе ряда ключевых критериев, включающих запоминаемость, значимость и даже круговую симметрию [Фишман 2019]. С учётом того, что биологическое и химическое оружие наряду с ЯО относятся к типам оружия массового поражения, характер такой символики является не случайным. Ещё одним характерным визуальным изображением, универсально ассоциирующимся в массовой культуре с ЯО, является «ядерный гриб». При этом указанный образ используется как сторонниками, так и противниками ЯО для упрощения – порой даже чрезмерного – восприятия аудиторией своих аргументов [Rosenthal 1991].

Оценка роли ЯО как фактора, радикально изменяющего условия игры на мировой арене (англ. *game-changer*), семантически заложена в широко растиражированной цитате «Теперь я стал Смертью, разрушителем миров» (англ. *Now I am become Death, the destroyer of worlds*), приписываемой Р. Оппенгеймеру. Саму формулировку в несколько переиначенном виде физик заимствовал из индуистского священного текста «Бхагавадгиты». Преломление ядерного фактора в публичном восприятии проявилось впоследствии в популярной литературе и других образцах современного искусства.

М. У. Мессмер предлагает интерпретацию ядерной культуры в широком смысле [Messmer 1988], обращая внимание на её одновременную принадлежность как к высокой (элитарной), так и к популярной культуре. В качестве атрибута массовой культуры ЯО закрепилось скорее после Карибского кризиса 1962 г., пика биполярного противостояния в эпоху «холодной войны». В западной киноиндустрии характерной манифестацией «ядерной истерии» 1960-х гг. стала

В то же время разрушительное воздействие ЯО выражается в наличии ударной волны, светового излучения с сопутствующими высокими температурами, электромагнитного импульса и др.

трагикомедия «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу». В советском восприятии ядерная тематика фигурирует в художественном фильме «Девять дней одного года», романе А. И. Солженицына «В круге первом» и др. К ядерной культуре можно отнести феномен атомпанка, ныне рассматриваемого как явление ретрофутуризма, запечатлённые в различных работах гротескно постапокалиптические картины «ядерной зимы». Уже в современности образ ЯО воссоздаётся в индустрии видеоигр, для которой в максимальной степени характерна мультимодальность. Во множестве популярных компьютерных игр, от серии *Fallout* до сравнительно недавней *Atomic Heart*, а также в различных телесериалах ядерная тематика переходит на фоновый уровень и даже девальвируется за счёт прибегания к комическим средствам. Таким образом, принципиальная мультимодальность произведений как кинематографа, так и игровой индустрии обеспечивает релевантность поликодовых репрезентаций ядерного фактора в современной культуре как таковой.

Активное использование прилагательных «атомный», «ядерный» и др. в атрибутивной функции в различных комбинаторных вариантах словосочетаний, характерных для разговорной речи, также говорит о некотором стирании, «вымывании» изначального значения и появлении дополнительных коннотаций, зачастую вытесняющих первичные. Русский язык в этом отношении не является уникальным: английский глагол "to nuke" в значении «уничтожить» также служит характерным примером.

Продуктивный характер ЯО как знака способствует актуализации терминологического и методологического аппарата семиотики для анализа ядерного фактора. Одной из таких возможностей является применение закона ослабления знака к ЯО. Далее уделим особое внимание этому аспекту. Отдельно подчеркнем политические реалии второй половины XX в. и первой четверти XXI в., которые послужили фоном для такой эволюции ЯО как культурного артефакта.

Закон семиотического ослабления на примере ЯО

Как и в других главах монографии, в этой части работы рассматриваемое явление подаётся как иллюстрация феномена семиотического ослабления, или – в отечественных публикациях – «выветривания» знака [Карасик 2013]. В западной литературе для описания похожего явления встречается также понятие «распад семиотического значения» [Salvatore, Palmieri, Cordella, Iuso 2021].

Одним из примеров действия закона семиотического ослабления является пиратский флаг с изображением черепа и костей («Весёлый Роджер»), несколько утративший свою первоначальную семиотическую силу с относительным снижением актуальности феномена пиратства в классическом понимании. Дискуссионным может показаться пример «выветривания» знака из биосемиотики. Если, собственно, ничем не замещаемым актом выступает убийство животным своего конкурента, то лишь тождественным действием становится победа над ним в поединке. В то же время в ситуации максимальной условности сражения не происходит вовсе, и более слабая особь принимает позу подчинения, или покорности.

Более того, закон семиотического ослабления уже был проиллюстрирован в литературе на примере политического дискурса [Санников 2016]. Впрочем, автор пришёл к выводу о проявлении обратной тенденции. Она состоит, напротив, в усилении семиотического потенциала мер ответственности за преступления против публичной власти. Предлагается объяснение такой аномалии особенностями функционирования семантического, или символического, типа культуры. Следовательно, можно рассматривать описанный феномен как исключение, лишь подтверждающее правило. Оговоримся также, что такую ситуацию можно связать и с объективными историческими процессами, связанными с укреплением самодержавной власти и сакрализацией государственных институтов.

Представляется, что подобный трёхэтапный процесс семиотической эволюции пережило и ЯО. Именно в применении ЯО выражается процессуальный характер этого знака по Ч. С. Пирсу. Спустя

совершенно незначительный по историческим меркам период после создания этого оружия оно было использовано в условиях Тихоокеанского театра Второй мировой войны: сюжет атомных бомбардировок японских гг. Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. был многократно освещён в исторической литературе. Как ни парадоксально, Япония стала одним из наиболее верных союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и безопасность островного государства в современности обеспечивается американским «ядерным зонтиком».

Опустошающие последствия разрушений японских городов показали опасность реального применения ЯО как для жертв, так и для агрессора: с развитием СМИ и увеличением скорости передачи информации репутационные потери для страны, рискнувшей использовать ЯО, становились несоизмеримыми. Таким образом, на второй стадии ослабления сверхдержавы начали прибегать к испытаниям ЯО для демонстрации силы в условиях «холодной войны». Широко известно масштабное испытание крупнейшего боезаряда в истории человечества, «Царь-бомбы». Оно произошло на архипелаге Новая Земля в 1961 г., мощность ядерного взрыва составила 58,6 Мт. Однако с приближением к опасной грани балансирования на грани ядерной войны державы предпочли идти по пути самоограничения: в 1963 г. вступил в силу так называемый «Договор о трёх средах», запрещающий испытания ЯО в атмосфере, космосе и подводном пространстве. В 1968 г. был подписан ДНЯО, легализовавший обладание ЯО лишь пятью державами в мире, список которых совпадает с современным набором постоянных членов Совета безопасности ООН. Такое доминирование ядерных держав на глобальной арене, против которого выступают некоторые представители «Глобального Юга», можно трактовать как пример символического насилия по П. Бурдьё.

Уже в постбиполярную эпоху был открыт для подписания Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.) Реальное тестирование новых образцов ЯО постепенно становилось исключением, нежели правилом: все шесть ядерных испытаний в XXI в. были проведены Северной Кореей. Последнее на данный момент состоялось в 2017 г., символически ознаменовав собой

повод для Пхеньяна заявить об обретении термоядерного оружия⁴. Для передовых держав ядерные испытания заменили варианты с математическим моделированием, а также докритические эксперименты, в которых не происходит инициирования цепной реакции. Этот факт говорит о переходе ЯО в категорию символических знаков, максимальном абстрагировании этого понятия в человеческом сознании. Таким образом, в настоящем исследовании удалось проследить эволюцию ЯО от оружия поля боя к инструменту сдерживания с дальнейшей кристаллизацией его значения до статусного символа. Эта динамика соответствует трёхступенчатому процессу, описываемому законом семиотического ослабления. Следует отметить, что идея возобновления ядерных испытаний полуофициально поднимается в российском дискурсе 2020-х гг. В то же время, несмотря на напряжённость мировой обстановки, в военно-политической практике до сих пор (на конец 2025 г.) не наблюдается процесса возвращения к этому второму этапу «выветривания».

Стратегические макротренды также могут служить подтверждением подобных наблюдений. Одним из измеримых индикаторов геополитических процессов служит количественное сокращение ядерных арсеналов. После достижения в 1980-х гг. пика по числу ядерных боеголовок в мире (более 60 тыс. на тот момент) вплоть до 2024 г. количество ЯО в мире в абсолютных показателях последовательно продолжало уменьшаться, на настоящий момент составляя немногим более 25 тыс. [Macchi 2025] Впрочем, оговоримся, что подобные цифровые выкладки совершенно не обязательно означают качественное снижение роли ядерного фактора в мировой политике.

В дискурсивном пространстве факт ослабления знака выражается и в повторяемой в политических нарративах идее о потере страха перед ЯО. Различающиеся ценностно-мировоззренческие установки, индивидуальные особенности аксиологических систем интерпретаторов объясняют разное, а порой и диаметрально противоположное

⁴ Впрочем, в эпистемном сообществе распространена точка зрения, согласно которой имел место подрыв так называемого «бустированного» заряда, т. е. ядерного заряда, усиленного термоядерной реакцией.

восприятие ЯО. Трактовки варьируются кардинально: от взгляда на ЯО как на неприемлемо антигуманное орудие массовых убийств (точка зрения сторонников Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г.) до признания его неотъемлемого значения как легитимного средства обеспечения национальной безопасности. Такие разногласия служат основой для взаимных обвинений (англ. *blame game*) как во внутривнутриполитической борьбе, так и на международной арене.

Преодоление подобных разночтений возможно лишь в ходе квалифицированного, аргументированного экспертного диалога профессионалов в различных отраслях знаний, от лингвосемиотики и когнитивной психологии до ядерной техники и исследований международной безопасности. Не исключено, что в ходе дальнейшего аккумуляирования усилий и междисциплинарного изучения предмета возможным станет оформление нуклеосемиотики в отдельную субдисциплину. Её развитие имело бы немалое значение как для теоретико-фундаментальных изысканий, так и для практического, прикладного применения.

ГЛАВА 5

МЕХАНИЗМЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Исследование кодов и способов закрепления и передачи информации занимает одно из ведущих положений в современных лингвосемиотических исследованиях. Дальнейшее изучение механизмов и алгоритмов кодирования разных лингвокультурных пространств позволяет расширить имеющиеся представления о когнитивных процессах знакообразования. Китайская иероглифика представляет собой одну из немногих систем письменности, сохранивших свой изначальный идеографический облик. Поскольку имеющиеся классификации в основном нацелены на механическое описание структуры иероглифических знаков и составляющих их компонентов, то изучение данного строя письменности с точки зрения теории семиотического ослабления дает возможность описать когнитивные процессы, лежащие в основе формирования иероглифических знаков, расширив тем самым взгляд на идеографическую систему письма, что и определяет как теоретическую, так и практическую значимость настоящего исследования.

Свое теоретическое оформление данная теория получила относительно недавно на материалах индоевропейских языков в трудах исследователей, принадлежащих к Московско-Новосибирскому семиологическому содружеству (Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин, В. В. Фещенко, А. В. Проскурина и др.) [Фундаментальные ценности языка и культуры ... 2023: 34]. К сожалению, трудов по изучению

особенностей китайской семиотики относительно мало, что обуславливает новизну данного исследования. Итак, актуальность исследования вызвана необходимостью выявления механизмов ослабления иероглифических знаков с целью определения и описания глубинных кодов, формирующих китайское лингвокультурное пространство. Объектом выступают иероглифические знаки в эволюционном развитии, а предметом исследования является семиотическое ослабление иероглифических знаков. Как следствие, цель исследования заключается в выявлении основных механизмов ослабления знаков иероглифической письменности. Далее перейдем к рассмотрению основных теоретических понятий.

Понятие семиотического ослабления

Под семиотическим ослаблением понимаются трансформации знака, сопровождающиеся постепенной утратой иконичности и переходом к условности. Так, процесс ослабления подразделяется на несколько этапов: «<...> от сильного символа к ослабленному субституту, и затем, – совсем слабому знаку» [Культурные трансферы...2015: 19]. Важно заметить, что проявление закона семиотического ослабления характерно не только для эволюции письменности, но также для многих явлений культуры. Так, например, изначально человеческие жертвоприношения (сильные знаки) замещаются жертвоприношениями животных (субституты), которые впоследствии трансформируются в условные знаки, например чтение молитв (условные слабые знаки) [там же].

Ярким примером проявления закона семиотического ослабления в сфере культуры является ритуал жертвоприношения в Египте (см. главу 1). Подобное явление проследим и в лингвистическом пространстве, например в стирании, или ослаблении внутренней формы слова. Проявление данного закона подкрепим словами Н. В. Крушевского: «Чем дальше слово употребляется, тем менее ему нужно сохранять следы своего происхождения и морфологического состава» [Крушевский 1883: 129–130].

О похожем явлении рассуждал китайский философ III века н. э. Ван Би (перевод А. А. Петрова): «В образе проявляется мысль.

В слове объясняется образ. Для выражения мысли дан образ; для выражения образа дано слово. Слово – капкан для образа, а образ – верша для мысли. Так как слово объясняет образ, то после того как постигнут образ, – можно забыть слово. Так как в образе сохраняется мысль, то после того, как постигнута мысль – можно забыть образ <...>. Постижение мысли заключается в забвении образа; постижение же образа заключается в забвении слова» [Петров 1936: 79]. В рамках теории семиотического ослабления к похожему выводу приходит Б. М. Клейман, основываясь на результатах анализа текста Библии: «в результате аберрации социальной памяти слово “забывает” свой смысл <...>» [Клейман 2015: 98].

Итак, семиотическое ослабление представляет собой эволюционную закономерность развития различных знаковых систем, основным принципом которой выступает процесс трансформации знаков от высокоизобразительных сильных знаков к ослабленным знакам (субститутам) и к условным знакам (слабым).

Особый интерес представляют гетерогенные системы письменности, в которых сосуществуют знаки разных этапов развития, т. е. сильные знаки, субституты и слабые. К одной из таких систем, например, относится китайская иероглифическая письменность, являющая собой компиляцию знаков разного порядка.

Понятие иероглифического знака

Иероглифический знак – это единица системы китайской иероглифической письменности, формирующая лингвокультурное пространство, а также специфическое мировидение китайского народа. «Являясь большей частью идеографическими, китайские письменные знаки своеобразно “рисуют” мир, создавая тем самым еще одну “картину мира”, отличную от иных» [Готлиб 2020: 96]. Вслед за О. М. Готлибом мы рассматриваем иероглиф как структурный знак-изображение, организованный по определённым правилам. Иероглиф обладает собственной структурой, состоящей из элементов, каждый из которых обладает своей функцией [Там же: 9]. Исходя из этого положения, заключим, что иероглифическая система –

это результат действия особого кода, шифрующего информацию по определённым алгоритмам или правилам.

Чарльз Моррис, один из основоположников семиотики, выделял три составляющие семиозиса (знакового процесса) – семантика, синтактика и прагматика [Morris 1946: 217]. Синтаксический аспект семиозиса выражается в наличии специфических для каждого лингвокультурного пространства кодов, т. е. способов шифровки информации, которые опираются на правила той или иной системы. Так, Д. Льюиз отмечает, что синтактика «<...> устанавливает отношение репрезентирования между конкретными значениями и конкретными выражениями» [Семиотика 1983: 272]. Умберто Эко, в свою очередь, под кодом понимает систему, устанавливающую правила сочетания символов [Эко 2006: 57].

Принимая во внимание вышеизложенное, придём к выводу, что в письменности под «кодом» понимается система определённых правил данного языка для организации и сочетания символов (знаков письменности). Так, в индоевропейских языках в основе кодирования лежит линейный принцип. Ю. С. Степанов и С. Г. Проскурин определяют его следующим образом: «Индоевропейская семиотика через своих носителей придает значение всей цепи звука или означает весь речевой континуум (линейный принцип)» [Проскурин 2023: 181]. Для представителей индоевропейской семиотики письменные знаки являются единым зрительно-слуховым комплексом [Степанов, Проскурин 1993: 72]. Чжан Люинь, исследуя отличия идеографической письменности от других систем письма, приводит следующие свойства алфавитных систем: письменность вторична по отношению к речи; основной функцией письма является точная фиксация речи; буквы нейтральны по смыслу, используются только для обозначения фонем [Zhang 2024: 8]. Обобщив данные точки зрения, выделим следующие свойства линейного принципа:

- знаки организуются в единый фонетический ряд;
- знак прежде всего представляет собой фонетическую единицу;
- алфавитные знаки отражают звучание и нейтральны по смыслу.

Однако для китайского лингвокультурного пространства линейный принцип кодирования не характерен. Здесь действуют иные

правила закрепления и передачи информации. Чжан Люлинь также описывает черты идеографических систем письменности: общая идентичность рождается в письменности, в то время как речь не играет в этом процессе никакой роли; идеографические знаки оформляют базовые семантические компоненты языка; зафиксированное в литературе прошлого графемно-семантическое соответствие является стандартом для современного использования иероглифов (в плане лексических заимствований) [Ibid].

Учитывая вышеизложенное, приходим к выводу, что в основе кода китайского лингвокультурного пространства лежит иероглифический принцип кодирования, минимальной единицей которого выступает иероглифический знак. По нашему мнению, данный принцип кодирования информации имеет свои проявления на прагматическом уровне, т. е. в том пространстве, где человек взаимодействует с языком, а именно то, как носитель китайского языка использует иероглифы в речи и в культуре.

Данный тезис подтверждают слова Ю. Кристевой: «Нам, как субъектам, принадлежащим к культурной зоне, в которой письмо является фонетическим и буквально воспроизводит фонетический язык, трудно представить, что <...> все ещё существует для многих людей тип языковой письменности, который функционирует независимо от речевой цепи. Такой тип, следовательно, является не линейным <...>, а пространственным <...>» (цит. по: [Проскурин 2023: 15]).

Из данных характеристик иероглифического принципа следует, что мельчайшей единицей китайского лингвокультурного пространства является иероглиф, представляющий собой минимальную смысловую единицу. С семиотической позиции иероглиф есть знак, который, согласно основному положению Фердинанда де Соссюра, обладает двусторонней сущностью, основанной на конвенциональной связи между означающим и означаемым [Соссюр 1977: 99]. Под первым компонентом понимается акустический или визуальный образ, под вторым – понятие [Jin 2021: 64]. Итак, знаки в данной лингвистической теории обладают двучленной структурой, которая затрагивает лингвистический и когнитивный уровни соответственно.

Однако при интерпретации знаков необходимо также учитывать культурно-исторический контекст, т. е. условия, в которых появилось и развилось значение знака. Поэтому знак представляет собой не просто двустороннюю сущность, это единство трёх уровней: 1) лингвистический уровень (означающее) – *language layer*; 2) когнитивный уровень (означаемое) – *cognitive layer*; 3) культурный уровень – *cultural layer* [Feng 2023: 5].

Всё вышеприведённое свидетельствует о том, что не только иероглиф обладает структурой, но и вся иероглифическая система представляет собой иерархию взаимосвязанных уровней и разных категорий знаков. Обратимся к анализу некоторых классификаций иероглифической системы.

Классификации иероглифических знаков

Одной из самых распространенных и общепризнанных классификаций иероглифов считается классификация Сюй Шэня, описанная им в своем монументальном труде 說文解字 (Шовэнь цзецзы) (II в. н. э.). В названии автор указывает основное разделение иероглифов на две группы, а именно – 文 *вэнь* и 字 *цзы*. К первой группе относятся простые изобразительные знаки, а ко второй – составные сложные [中国古典名著百部 2001: 889]. Обратимся к описанию шести категорий классификации Сюй Шэня, известной также как 六书 *лю шу*:

1) 象形 – *сянсин* – пиктографические изобразительные знаки. Например, 水 *шуй* (вода), 日 *жи* (солнце), 月 *юэ* (луна), 鳥 *няо* (птица);

2) 指事 – *чжиши* – указательные иероглифы. Данная категория представляет собой относительно простые по написанию знаки, состоящие из знака-основы и знака-маркера или указателя. Например, иероглиф 刃 *жэнь* (лезвие, острие) образован с помощью двух элементов – 刀 *дао* (нож) и 丶 (точка), которая пишется в левой части иероглифа, указывающая на острую часть ножа;

3) 会意 – *хуэйи* – идеографические знаки, включающие в структуру два или более знаков и в своей сумме направленные на выражение

понятия. Например, иероглиф 东 дун (*восток*) состоит из двух пиктографических знаков – 木 му (*дерево*) и 日 жи (*солнце*);

4) 形声 – синиэн – фонетические иероглифы. Для иллюстрации данного типа можно привести такие иероглифы, как 妈 /mā/ (*мама*), 吗 /mā/ (*вопросительная частица*), 码 /mǎ/ (*код*), 骂 /mà/ (*ругать*). Все они объединены общей фонетической частью 马 /mǎ/. Или, например, ряд иероглифов – 请 /qǐng/ (*просить*), 清 /qīng/ (*чистый*), 情 /qíng/ (*чувства*), 晴 /qíng/ (*ясный*) с общим фонетиком 青 /qīng/;

5) 转注 – чжуаньчжу – видоизмененная категория иероглифов, самая малочисленная по составу. Примером могут послужить иероглифы 老 лао (*старый*) и 考 као (*пожилой, покойный*). Согласно словарю Сюй Шэня, второй иероглиф появился на основе изменения формы первого знака. По этой причине изначальные значения двух иероглифов обладают семантической связью;

6) 假借 – цзяцзе – заимствованные иероглифические знаки. К данной категории относятся иероглифы, изначально не имевшие иероглифического обозначения. Сюда же причисляют множество служебных слов. Например, 其 ци (*служебное слово для замещения подлежащего с местоименным значением*) изначально был пиктограммой, изображавшей «сито». Другой пример, 仝 эр (*служебное наречие, а также союз, выражающий разные типы связей в предложении*), изначально – пиктограмма, передающая форму «усов».

Несмотря на то, что данная классификация традиционна и общепризнанна, она не лишена некоторых неоднозначных моментов «в связи с отсутствием единства основания, и в связи с неясностью разграничений между разными категориями» [Готлиб 2020: 45]. В свете данного возражения интересно рассмотреть подход отечественного востоковеда В. П. Васильева к анализу традиционной классификации лю шу.

Исследуя словарь «Шовэнь цзецзы», В. П. Васильев вводит собственные термины для обозначения основных категорий иероглифической системы: 文 вэнь (*форма*) – простые иероглифы, состоящие только из черт, а 字 цзы (*группа*) – иероглифы, состоящие из нескольких форм [Васильев 1898: 13]. Исследователь выделяет три категории,

каждая из которых делится на две группы. В группах также определяется множество подгрупп или классов.

Первая категория.

1. Пиктографические иероглифы (象形 *сянсин*) – простые формы: изображения предметов небесных, изображения предметов земных, предметов ботанических, предметов человеческих, животных и орудий.

2. Указательные иероглифы – простые формы (指事 *чжиши*): формы, положения, числа, черты.

Вторая категория.

1. Идеографические иероглифы (会意 *хуэйи*): умножение одной и той же формы: а) без изменения внешнего вида удвоенной формы – 多 *до* (много), 磊 *лэй* (груда камней); б) с изменением в изображении – 从 *цун* (следовать), 北 *бэй* (север);

– указательные группы (指事 *чжиши*) – 旦 *дань* (рассвет).

2. Видоизмененные иероглифы (转注 *чжуаньчжу*) – 老 *лао* (старый) и 考 *као* (покойный); 東 *дун* (восток), 杲 *гао* (светлый), 杳 *яо* (темный).

Третья категория.

1. Фонетические иероглифы (形声 *синшэн*). Например, 里 *ли* (грубый), где 里 *ли* – фонетическая часть и 人 *жэнь* (человек) – смысловая.

2. Заимствованные иероглифы (假借 *цзяцзе*). Например, иероглиф 尔 *эр*, который изначально имел значение *цветущий*, стал замещать местоимение *ты* на основе созвучия.

Важно отметить, что В. П. Васильев придерживается традиционной китайской классификации из шести категорий (*лю шу*), однако привносит в нее новое видение. Так, он не соглашается с категориальной принадлежностью некоторых иероглифов. По его мнению, 東 *дун* (восток), 杲 *гао* (светлый), 杳 *яо* (тёмный) – это видоизмененные иероглифы, однако, у Сюй Шэня эти иероглифы являются идеограммами; у В. П. Васильева 本 *бэнь* (корень), 末 *мо* (верхушка), 朱 *чжу* (сердцевина дерева) – это также видоизмененные иероглифы, а у Сюй Шэня – указательные [Там же: 35].

Весьма показательно, что иероглиф 本 *бэнь* (*корень*), принадлежащий, по мнению В. П. Васильева, к видоизмененным иероглифам, также относится им в категорию заимствованных иероглифов: «本 – корень дерева – корень основание» [Там же: 107]. Данное противоречие подтверждает тезис некоторых исследователей иероглифики о том, что заимствование и видоизменение – это не категории иероглифики, а способы образования новых иероглифов [Готтлиб 2020: 45].

Итак, В. П. Васильев, возможно, одним из первых исследователей иероглифической письменности указал на проблему искусственности традиционной классификации *лю шу*. Так, он высказывает сомнения относительно ключевого принципа расположения иероглифики, поскольку ключ имеет смысл только для одной категории – фонетической: «Простых знаков больше, чем принятых ключей. Пришлось размещать иероглифы, не принадлежащие к фонетической категории как попало. Так, например, 丁 *дин солдат*, 七 *ци семь*, 丈 *чжан са-жень*, 上 *шан верхний*, 下 *ся нижний* помещены под чертой 一, хотя эта черта здесь вовсе не настоящий ключ, и мы видим её здесь то вверху, то в середине, то внизу. Следовательно, нет никакой системы» [Васильев 1898: 49].

Классификация *лю шу*, по сути, создана для того, чтобы упорядочить имеющийся иероглифический массив в словарях. Однако данный подход не дает ответа на то, какие интерпретационные и когнитивные процессы лежат в основе образования иероглифических знаков. Лан Фэн указывает, что теоретические достижения в области таких гуманитарных наук, как когнитивная лингвистика, когнитивная психология, семиотика, лингвистическая семиотика, культурная семиотика, могут послужить основой для решения многих проблем, связанных с изучением природы иероглифических знаков, а именно ответить на вопрос, какова связь между формой и смыслом иероглифа [Feng 2023].

Обратимся к рассмотрению классификации иероглифов, которую предлагает Лан Фэн, – это пять моделей образования составных иероглифических знаков [Ibid].

1. Концептологическая модель (conceptual model): категория + характеристика (category + feature). В качестве примера исследователь приводит иероглиф 桃 *тао* (*персик*). Категорией выступает иероглиф 木 (*дерево*), характеристикой – иероглиф 兆 (*симптом*). Иероглиф 桃 *тао* (*персик*) – это «дерево с симптомами весны». Автор дает такую интерпретацию исходя из того факта, что весной персиковое дерево начинает цвести одним из первых.

2. Метафорическая модель (metaphorical model): источник + цель (source domain + target domain). В качестве иллюстрации данной модели Лан Фэн рассматривает иероглиф 花 *хуа* (*цветок*), который в глагольной функции меняет свое значение на «*тратить*». По мнению исследователя, образование данного значения основано на метафоре. Так, быстрота увядания цветов является источником для описания процесса траты – например, времени или денег. Лан Фэн, однако, не проводит различия между второй и первой моделью и указывает на то, что обе часто используются совместно. Всё же данный пример скорее демонстрирует развитие значения иероглифа, а не его образование. Возможно, автор считает, что слово *цветок* и *тратить* являются разными иероглифами, несмотря на одинаковое звучание и написание.

3. Гештальт-модель (gestalt model): характеристика + характеристика (feature + feature). Под гештальтом в лингвистическом смысле понимается «то целое, которое человеческие существа считают более базовым, чем составляющее его части» [Лакофф 2023: 103]. В данной классификации гештальт представляет собой набор нескольких характеристик, направленных на выражение целого. В качестве примера автор приводит иероглиф 爲 (*самка обезьяны*), который состоит из следующих знаков – характеристик: 爪 (*когти – claw*), 尸 (*тело – body*), 扌 (*обхватить / ручка – the handle of a hand-held object*), 灬 (*огонь / динамика – dynamic movement*). Все эти составляющие вместе представляют собой изображение двух обезьян, очищающих друг у друга шерсть.

4. Модель – схема – сценарий (schematic script model): действие + контекст (action + background). Действие, совершаемое в определённом историко-культурном контексте, представляет собой схему.

Исследователь приводит в качестве примера иероглиф 知 *чжи* (*знать*) и связывает его этимологию со свистящими стрелами хана Моду (响箭 *сянцзянь*). Иероглиф состоит из компонентов 矢 (*стрела*) и 口 (*рот*). Свистящие стрелы *сянцзянь* служили сигналом для действий войск хана. Как отмечает Лан Фэн, образование данного иероглифа происходило в рамках схемы, имеющей культурную специфику.

5. Изменение формы имеющегося иероглифа (*declension model*). Данная модель совпадает с категорией видоизмененной иероглифики (转注字 *чжуанчжу-цзы*).

Лан Фэн предлагает классификацию, которая основывается на когнитивном подходе к объяснению организации сложных составных иероглифов и в целом учитывает взгляды Дж. Лакоффа. Исследователем, однако, не рассматривается проблема образования изобразительных знаков (пиктограмм). Следовательно, данная классификация в целом затрагивает только сложные иероглифы (идеограммы и фонограммы) и близка по смыслу к классификациям словообразовательных моделей.

О. М. Готлиб также разработал похожую классификацию логограмм (составных иероглифов) в соответствии со структурным аспектом. Так, он выделяет четыре модели, которые схожи с вышеизложенной теорией Лан Фэна: 1) «имя + имя»; 2) «имя + признак»; 3) «признак + признак»; 4) «модальный признак + признак» [Готлиб 2020: 70].

Обсуждение и результаты исследования

Основываясь на вышеизложенных подходах, мы предлагаем своё видение образования иероглифических знаков в соответствии с теорией семиотического ослабления. Следует напомнить, что закон семиотического ослабления представляет собой описание значения знака в диахронии. Ослабление иероглифических знаков можно рассмотреть в двух аспектах: ослабление формы знака и ослабление значения знака.

Ослабление формы иероглифического знака. Данный аспект ослабления подразумевает процесс графических трансформаций

формы написания иероглифов. Рассматривая знаки в эволюционном развитии, невозможно не заметить происходящих изменений в форме их написания.

В исследованиях китайской письменности выделяются четыре этапа исторического развития («стили письма»): 1) от надписей на гадательных костях *цзягувэнь* к надписям на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* (*oracle bone inscriptions to bronze inscriptions*); 2) от *цзиньвэнь* к письму малой и большой печати *чжюаньшю* (*bronze inscriptions to seal script*); 3) от *чжюаньшю* к конторскому стилю письма *лишю* (*from seal script to official script*); 4) от *лишю* к стандартному современному стилю *кайшю* (*from official script to regular script*) [Wang 2022: 14].

Эти этапы представляют собой основные эволюционные исторические вехи развития письменности в Китае. Всё же вопрос о процессах, вызывающих изменения в форме написания иероглифов, остаётся без однозначного ответа. Благодаря семиотической теории ослабления возможно описать эти эволюционные механизмы изменения иероглифических знаков.

В ходе исследования было проанализировано 214 основных иероглифов из официального списка графем с целью выявления основных механизмов ослабления и изменения формы. Мы определили три механизма семиотического ослабления иероглифического знака в формальном аспекте: упрощение формы, усложнение формы и сохранение формы. На этой основе получили следующие статистические данные (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

**Процентное соотношение механизмов семиотического
ослабления на основе анализа 214 графем**

Механизм семиотического ослабления	Процентное соотношение, %
Упрощение формы	40
Усложнение формы	10
Сохранение формы	50

Рассмотрим подробно каждый механизм ослабления.

Упрощение формы. Знаки, ослабленные данным механизмом, в основном обозначают имена вещей (существительные). Например, 马 (лошадь), 鸟 (птица), 鱼 (рыба), 豕 (свинья), 犬 (собака), 矢 (стрела), 女 (женщина), 土 (земля) и др. В процессе упрощения изменяется структура иероглифа, большинство черт трансформируется и меняет расположение, некоторые элементы исчезают. На рис. 2 представлен пример иероглифа, ослабленного механизмом упрощения.

Рис. 2. Эволюция написания иероглифа 犬 (собака). Приводится по: [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/5872px/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Усложнение формы. Несмотря на то что на первый взгляд в процессе ослабления должно происходить упрощение формы, в ходе анализа мы выявили ряд иероглифических единиц, чьё написание усложнилось в процессе исторического развития. В данном процессе знаки меняют свою структуру, некоторые элементы меняют положение, также появляются дополнительные элементы. К таким иероглифам, например, можно отнести 弋 (стрелять из лука), 十 (десять), 尸 (труп) и др. На рис. 3 представлен пример ослабления иероглифа на основе механизма усложнения.

Рис. 3. Эволюция написания иероглифа 十 (десять). Приводится по: [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/1984tg/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Сохранение формы. С точки зрения когнитивных процессов, лежащих в основе образования этого класса единиц, можно говорить об интериоризации. Согласно Л. С. Выготскому, под данным процессом понимается превращение внешнего социального действия в высшие психические функции [Выготский 2023: 141.]. Этот механизм можно применить к знакообразованию, когда внешние действия и вещи реального мира обретают свою знаковую форму. К основной характеристике данного механизма можно отнести стабильность написания формы знака.

Есть ряд иероглифов, которые на протяжении своего эволюционного развития практически не претерпели изменений в форме написания в отличие от первых двух типов. Трансформации в основном носят геометрический характер: например, ломаные черты становятся прямыми, длинные черты сокращаются до точек, округлые формы приобретают квадратную форму, также возможны небольшие ориентационные сдвиги элементов.

Иероглифы, сохранившие свою форму, являют собой абсолютные интериоризованные знаки письменности. Например, 片 (*карточка*), 卜 (*гадать*), 辵 (*ходить с остановками*), 田 (*поле*), 言 (*речь*), 舌 (*язык*), 大 (*большой*), 口 (*рот*), 人 (*человек*), 士 (*воин*) и др. На рис. 4 представлен пример ослабления иероглифа на основе механизма сохранения формы.

Рис. 4. Эволюция написания иероглифа 田 (поле). Приводится по: [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yانبian/6161rq/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Далее перейдём к рассмотрению механизмов ослабления значения иероглифов. Ослабление значения иероглифического знака, по нашему мнению, также основывается на разных механизмах, что, по сути, проявляется в порождении новых смыслов и, как следствие,

в дистанцировании от первичного буквального значения, т. е. в его стирании и «затуманивании».

Обратимся к анализу примеров, иллюстрирующих развитие значения на основе трех типов ослабленных знаков: упрощенных, усложненных и сохранных.

Рассмотрим механизмы ослабления значения упрощенного знака *女 нюй (женщина)* (рис. 5).

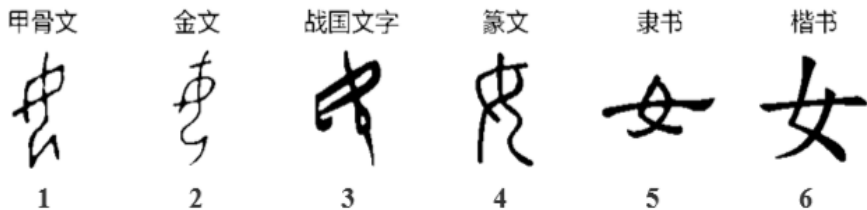

Рис. 5. Эволюция написания иероглифа *女 нюй (женщина)* 字形演变.

Приводится по: [URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2691kz/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Форма данного иероглифа изначально изображала совершающую поклон женщину в традиционном одеянии. Если рассмотреть формы написания 1 (*гадательные надписи*), 2 (*надписи на бронзе*), 3 (*надписи периода Чжаньго*) и 4 (*письмо чжуаньшю*), они в целом наследуют друг друга, однако начиная с 5-го этапа (*конторское письмо лишу*) форма стандартизируется и упрощается, становясь знаком письменности, а не изображением. Данный знак обозначает субъект реальности – женщину, а в языковой системе относится соответственно к классу «имен».

Помимо незначительных смысловых оттенков совершенно иного значения данный иероглиф не приобретает. Приведем примеры из Большого китайско-русского словаря (приводится по: [URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=女> (дата обращения: 31.07.2025)]).

В роли существительного иероглиф обладает следующими значениями.

1) Женщина: 贵女贱男 *высоко ставить женщин и презирать мужчин.*

2) Девушка: 女大十八变 *прежде чем девушка вырастет, она восемнадцать раз изменится.*

3) Дочь: 他们两儿跟前有一儿一女 *у них [в семье] один сын и одна дочь.*

4) Самка: 女猫 *кошка.* Стоит отметить, что это устаревшее значение иероглифа, поскольку в словаре приведены примеры только из древних источников. Так, например, данное сочетание взято из трактата Гу Янью «Жичжилу» (середина XVII в.).

В словаре также зафиксированы частеречные переходы, с порождением новых значений на основе метонимии, т. е. вычленением характеристик, свойственных женщинам. Так, иероглиф 女 используется в роли прилагательного со значением:

1) *изящный, гибкий:* 其身女好 *тело у него гибко и нежно.* Заметим, что это также устаревшее значение иероглифа. Согласно одноязычному толковому китайскому словарю *Zdic* данное выражение употребляется в одном из рифмованных произведений Сюнь-цзы, относящихся к IV–III вв. до н. э. (приводится по: [漢典. URL: <http://www.zdic.net/hans/女好> (дата обращения: 31.07.2025)]).

2) *маленький:* 女桑 *низкорослый сорт тутового дерева, 女隄* *небольшой откос (склон).*

В роли глагола иероглиф приобретает значение *выдавать дочь за кого-то:* 女于时, 观厥刑于二女 *я женю его на дочерях своевременно и посмотрю, как он будет обращаться с моими двумя дочерьми.*

В данном примере также наблюдается метонимический сдвиг значения по модели: женщина – её характеристики, функции, предназначение.

Рассмотрим также примеры функционирования данного иероглифа в качестве компонента слова:

少女 – *девушка;*

子女 – *сыновья и дочери, дети;*

妇女 – *женщина; женский;*

女红 – *рукоделие;*

女排 – женская волейбольная команда;

女鞋 – женские [дамские] туфли.

В этих словах иероглиф 女 используется в своем основном значении «женщина» и имеет отношение к женщине – к её внешним физиологическим признакам, основным характеристикам поведения и (в некоторых случаях) к роду деятельности. Ввиду того, что данный знак (*женщина*) обладает сильным семантическим потенциалом, он способен образовывать не только существительные, но и прилагательные и глаголы.

Далее рассмотрим примеры, в которых иероглиф 女 *нью* (*женщина*) используется в качестве смыслообразующего компонента.

妈 /mā/ *мать*: 女 – *женщина* – смысловой компонент, 马 /mǎ/ – фонетический компонент.

В этом иероглифе смысловой элемент 女 *нью* употребляется не в своем прямом значении *женщина*, за основу берётся лишь характеристика женщины, а именно её предназначение быть матерью. Возможно предположить, что здесь ослабление основного значения происходит на основе метонимии. Метонимия – это «когнитивная операция, при которой содержательная область источника обеспечивает доступ к содержательной области цели в пределах одного когнитивного домена, или идеализированной когнитивной модели» [Рунова 2007: 7]. Такая интерпретация позволяет заключить, что в данном случае иероглиф 女 *нью* употребляется в значении, ослабленном по метонимическому механизму.

婴 /yīng/ *ожерелье*: 女 – *женщина*, 貝 – *украшение из ракушек*.

В этом иероглифическом знаке компонент 女 (*женщина*) также употребляется не в полноценном значении; за основу берётся восприятие украшений как неотъемлемого атрибута женского наряда. Следовательно, и здесь иероглиф 女 (*женщина*) используется в ослабленном значении на основе метонимии.

Стоит отметить, что данное значение уже забылось в иероглифе, и в современном языке этот знак используется в значении младенец. Однако в глагольной функции в словаре зафиксированы значения,

напрямую связанные с этимологией иероглифа 嬰 – *носить на шее; окружать, обвивать, опутывать*.

Обратимся к другим примерам, где ослабление знака 女 нюй (женщина) происходит на основе иного механизма. Рассмотрим иероглифы 好 хао (*хороший; благо, милость*) и 安 ань (*спокойствие, безопасность*). Предположим, что в этом случае возможно выделение оценочных метафор с использованием иероглифа «женщина» в сочетании с другими элементами. Так, 女 (женщина) и 子 (ребенок) переосмысливается как благо, а 女 (женщина) и 宀 (крыша) видится как спокойствие. Ослабление на основе механизма метафоры представляет собой процесс сложения двух конкретных элементов, направленный на выражение абстрактного понятия.

Следовательно, иероглифические знаки, выражающие абстрактные понятия, по своей сути обладают непосредственным референтом, в качестве которого выступает ситуация: женщина держит ребенка – ситуация, описывающая понятие блага; женщина в доме – ситуация, иллюстрирующая понятие спокойствия.

Далее перейдем к рассмотрению ослабления усложненных знаков. В качестве примера будет рассмотрен иероглиф 弋 и (*стрелять из лука*) (рис. 6).

Рис. 6. Эволюция написания иероглифа 弋 и (стрелять из лука). Приводится по: [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/3407gx/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Изначально этот иероглиф был существительным со значением «деревянный колышек» и имел иное начертание в отличие от современного написания (рис. 6, начертание 1). На рисунке видно, что со временем происходили не только изменения в написании черт знака,

но также добавление новых структурных элементов, влияющих в целом на смысл иероглифа.

Обратимся к анализу начертания 2. Самая длинная вертикальная черта обозначает основу лука, верхняя черта – точка обозначает стрелу, нижняя – верёвку (тетиву). Очевидно, что изменение в графике повлияло на смысловой сдвиг. Дальнейшие начертания 3 и 4 наследуют данную форму иероглифа, а начертания 5 и 6 представляют собой современную форму данного знака.

Как видно из рисунка, изначальное написание было простым, состоящим из минимального количества элементов, но со временем знак структурно усложнялся – добавлялись дополнительные указательные черты, которые стимулировали развитие значения знака.

Согласно этимологическому онлайн-словарю *vividict*, развитие значения данного иероглифа происходило следующим образом [象形字典. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/> (дата обращения: 31.07.2025)]:

- 1) сущ.: небольшая деревянная стрела с верёвкой на конце – этимологическое значение;
- 2) гл.: стрелять в птиц стрелами – от первого значения;
- 3) сущ.: пернатые, птицы – от второго значения;
- 4) гл.: охотиться, ловить – от второго значения.

По нашему мнению, в основе данных грамматических и семантических сдвигов лежит метонимический механизм ослабления. Метонимическая модель: инструмент – его функция; действие – результат.

Таким образом, изменение формы приводит к изменению значения: *палка* – *лук*. Более того, наблюдается изменение части речи, т. е. оглаголивание: *палка* – *лук* – *стрелять из лука*. В китайском языке широко распространено явление, когда обозначение действия происходит посредством изображения вещи, с помощью которой совершается действие. Определение части речи возможно только в синтаксической структуре.

При рассмотрении иероглифа 𠂇 и как составляющего «строительного» компонента в сложных иероглифах было обнаружено, что в основном этот иероглиф выступает в качестве фонетического, а не смыслового компонента.

代 – замещать, заменять (工 работа – смысл, 弋 – звучание);

式 – эталон, образец (工 работа – смысл, 弋 – звучание);

忒 – ошибаться, заблуждаться (心 сердце – смысл, 弋 – звучание);

杙 – деревянный колышек (木 дерево – смысл, 弋 – звучание).

Рассмотрим также примеры слов и выражений, в которых иероглиф 弋 используется как часть слова:

游弋 – перемещаться по воде, крейсировать (游 – плыть, 弋 – охотиться, искать);

巡弋 – патрулировать на корабле (巡 – обзирать, патрулировать, 弋 – охотиться, искать);

毕弋 – охотиться (毕 – ловить сетью, 弋 – стрелять из лука);

出弋 – выехать охотиться (出 – выходить, выезжать, 弋 – охотиться);

弋取 – получить, поймать (弋 – стрелять из лука, 取 – брать);

子鈞而不綱, 弋不射宿 – перевод Л. С. Переломова: «Учитель всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью; стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую» [Переломов 1998: 351]. В данном отрывке 弋 переведено как «стрелял».

Во всех вышеприведённых примерах иероглиф 弋 выступает как глагол, в своём ослабленном значении (в результате метонимического сдвига), а не в своём первичном значении (*палка; лук*).

Перейдем к рассмотрению механизмов ослабления интериоризованных знаков, т. е. иероглифов, формально сохранивших графическую форму. В качестве примера будет проанализирован знак 𠄎 *чо* (*идти с остановками*) (рис. 7).

Рассматривая форму данного иероглифа в эволюционном развитии, можно сделать вывод, что в структурном плане в иероглифе не происходит радикальных изменений – меняется форма черт, но не их положение, также не наблюдается появление новых элементов или исчезновение имеющихся черт.

Иероглиф состоит из двух компонентов – 彳 (*шагать*) в верхней части и 止 (*стоять*) в нижней. Первый компонент со значением действия 彳 (*шагать*) изначально буквально изображает левую часть широкой дороги.

Рис. 7. Эволюция написания иероглифа 走 (идти с остановками). Приводится по: [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/9474zy/> (дата обращения: 31.07.2025)]

Далее на основе метонимического переноса по модели (объект – функция) происходит развитие значения данного компонента: *дорога – шагать*. Значение второго компонента 止 (*стоять*) приобретает по той же метонимической модели. Изначально этот иероглиф обозначает стопу, далее на основе модели (объект – функция) происходит перенос значения: *стопа – стоять*. Итак, два компонента (*шагать* и *стоять*) образуют вместе иероглиф 走 (идти с остановками). Важно отметить, что этот иероглиф в современном написании в составе других иероглифов имеет иной вид – упрощенный 辵.

Рассмотрим примеры иероглифов, включающих в свою структуру компонент 辵:

進 *цзинь* (*продвигаться; идти вперед; входить*) состоит из двух компонентов 隹 – *короткохвостая птица* и 辵 (辵) – *идти*.

В этом иероглифе изображается следующая ситуация – птица не может пятиться, она может идти только вперед, поэтому данный иероглиф обозначает действие, которое совершается с развернутым вперед телом – входить или продвигаться. Очевидно, действие обозначается через сложение двух компонентов на основе метафорического механизма (источник + цель) [Feng 2023: 9]. Компонент 辵 является областью – целью – конкретным действием (*вхождение/ продвижение вперед*), а знак 隹 (*короткохвостая птица*) выступает областью-источником, который характеризует данное действие.

Иными словами, птица не умеет пятиться, поэтому ходит только вперёд. Следовательно, общее значение иероглифа 進 *цзинь* (*входит*) основано на метафоре – *идти идентично / подобно птице*.

Проанализируем другой пример – иероглиф 邊 *бянь* (*край*) состоит также из смыслового компонента – 辵 (*идти*) и фонетической части – 粦 *мянь*. Значение данного иероглифа является результатом метонимического ослабления знака 辵 (*идти*) по модели: действие – результат [Рунова 2007: 8]. Другими словами, результатом хождения является достижение края.

Из приведённых выше примеров следует, что иероглиф 辵 *чо*, употребляясь в составе других иероглифов, даёт им своё значение действия, обозначающее процесс ходьбы и передвижения. В свою очередь, на основе механизма метафоры и метонимии происходит ослабление значения иероглифа 辵 *чо*, и, как следствие, порождение новых иероглифов.

Подведем итоги. В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, первые иероглифические знаки представляют собой буквальные изображения реальных объектов (сильные знаки). При этом стоит отметить, что эти изображения не носят универсального характера отображения, они не лишены культурной специфики. Например, если солнце – это его буквальное и в целом универсальное изображение в форме круга, то изображение женщины уже имеет культурную специфику – она представлена в позе поклона, что является важной характеристикой китайского древнего общества. В иероглифе «женщина» заложены определённые ассоциации.

Во-вторых, в результате анализа 214 единиц официальных графем были выявлены регулярные закономерности в изменении графической формы знаков. Так, мы пришли к выводу, что существует три механизма семиотического ослабления формы иероглифических знаков: упрощение формы по механизму ослабления от рисунка к условному знаку; усложнение формы от рисунка к условному знаку; сохранение формы иероглифического знака на основе механизма интериоризации.

В-третьих, на примере иероглифа 𠄎 и (*стрелять из лука*) была продемонстрирована непосредственная взаимосвязь изменения значения от изменения формы. Появление дополнительных элементов у иероглифа стимулирует развитие значения вплоть до смены части речи. Иероглиф с изначальным значением «деревянный колышек» развивается сначала до значения *лук* и далее обретает иную функциональную принадлежность со значением *стрелять, охотиться, искать*.

В-четвертых, в ходе анализа ослабления формы написания иероглифических знаков было замечено, что происходят семантические сдвиги. Был сделан вывод, что наряду с ослаблением формы возможно выявление механизмов ослабления значения иероглифических знаков. Так, на основе трёх типов ослабленных знаков (упрощённых, усложнённых и сохранённых) продемонстрированы два механизма ослабления значения данных иероглифов – метафорическое и метонимическое ослабление.

Перспективы исследования. Предполагаем, что параллельно с ослаблением формы происходят ослабления значения иероглифических знаков на основе метонимии и метафоры, что требует более глубокого изучения практического материала с целью подтверждения или опровержения данного вывода. Дальнейшие исследования в области функционирования закона семиотического ослабления в иероглифической системе также позволят выявить иные модели ослабления (развития) значения иероглифических единиц.

ГЛАВА 6

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ КАК ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ

Сегодня различным наукам сложно существовать изолированно, но возможность дополнять друг друга позволяет пролить свет на некоторые темные пятна в понимании человека как такового. Так, семиотика, объединив усилия лингвистики, психологии, культурологии, этнологии, истории и др., позволяет увидеть глобальную закономерность закона семиотического ослабления, лежащего в основе человеческого бытия. Исследование эволюционного закона ослабления берет исток в научных трудах Ю. С. Степанова и С. Г. Проскурина. Данная закономерность была выявлена в области анализа различных лингвокультурных концептов индоевропейской культуры. Суть исследования ослабления сводится к реконструкции трёх этапов становления системы или концепта, имеющего знаковую природу. Действие данного закона выражается в «трансформации от сильного символа к ослабленному субституту, и затем, – совсем слабому знаку» [Культурные трансферы ... 2015: 19.]. Итак, любое явление, которое можно считать знаком, может быть описано через призму ослабления.

Реконструкция этапов ослабления опирается на семиотическую модель семиозиса (становления знака), разработанную Ю. С. Степановым.

Знак рассматривается с точки зрения двух критериев – «уровень знаковости» и «тип знака» [Степанов 1971: 116–118.]. Первый компонент семиотического анализа призван рассмотреть знак с точки зрения его воздействия в процессе коммуникации, так, можно говорить о знаках, характеризующихся разной степенью биологической (физической) релевантности: полной, частичной и нерелевантной. Второй параметр анализа соотносится с понятиями тождества, подобия и условности, которые характеризуют разные виды связи, возникающие между знаком и понятием, которое он замещает.

В исследованиях С. Г. Проскурина модель Ю. С. Степанова была применена для реконструкции этапов становления различных концептов индоевропейской культуры. В качестве примера исследователь рассматривает эволюцию правовых институтов в тесной связи с их лингвистическим выражением. Так, например, анализируя юридический текст законов XII таблиц с опорой на труды Э. Бенвениста, исследователь приходит к выводу, что концепт *суд* в римском праве прошел три этапа становления: от силового действия, выраженного этимологическим значением латинского глагола *ducere* – *тащить силой*, далее к формуле *ius ducere* со значением *вести/тащить на суд* *договорение* и производным значением глагола *ducere* – *судить* [Проскурин 2008: 49–50] (см. главу 1). Следовательно, эволюция «тянуть – вести – судить» характеризуется переходом от тождества акта и знака в сторону подобия, для которого характерна имитация и подражание изначальному действию. Концепт приобретает окончательную форму на третьей стадии ослабления, превращаясь в знак-символ [Проскурин 2023: 73]. Таким образом, постепенные переходы рассматриваются в качестве «эволюционных прыжков», характеризующих развитие сознания представителей разных лингвокультурных анклавов [Проскурин, Комкова 2017: 144–147].

Интерииоризация как основа эволюционного закона ослабления

Как уже было отмечено, семиотическое ослабление представляет собой переход от тождества акта и знака к подобию между двумя составляющими, которое характеризуется имитационными свойствами, и далее к условности, представляющей собой символическое действие. Этот трансформационный процесс можно описать с точки зрения психологической теории развития Л. С. Выготского, который, возможно, мыслил то же самое явление, когда рассматривал вопрос формирования высших психических функций на основе феномена интерииоризации. По Л. С. Выготскому, интерииоризация – это общий генетический закон культурного развития человека: «все высшие психические функции суть интерииоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности» [Выготский 2023: 141]. Данная психологическая теория удивительным образом согласуется с трёхфазовой моделью семиотического ослабления Степанова – Проскурина, что будет показано ниже.

По этой причине стоит подробнее обратиться к положениям Л. С. Выготского, описавшего сущность культурного развития ребёнка и формирование его высших психических функций. Развитие данных функций является столкновением собственных примитивных форм поведения ребёнка с развитыми культурными формами поведения, что проявляется в скачкообразном изменении в его развитии (ср. «эволюционные прыжки» в теории ослабления). Теория Л. С. Выготского также основывается на понятии знака (словесного) как основном средстве социальной связи [Выготский 1983: 133–164].

Опираясь на труды К. Бюлера, Л. С. Выготский анализирует его модель детского развития, состоящую из трёх стадий, тем самым описывая эволюцию научной мысли в области формирования высших психических функций. Так, первая стадия связана с инстинктом, который не подразумевает научения (возраст до 6 месяцев). На второй стадии преобладает приобретённый, личный опыт, который наслаивается на наследственность, что происходит посредством обучения, или, в терминах К. Бюлера, – дрессировки (возраст от

6 месяцев до года). На третьей стадии в действие вступает высшая форма поведения – интеллект (возраст от года и старше) [Там же: 139]. Следовательно, прослеживаются три различных типа развития: филогенез, онтогенез и социогенез [Кручинин, Комарова 2016: 12–14].

В контексте семиотической теории можно провести параллель с отдельными типами семиотик, соответствующими разным уровням знаковости, выделяемых Ю. С. Степановым. Филогенез, понимаемый в психологии как происхождение и развитие вида соотносится с биосемиотикой [Большой психологический словарь 2007: 516]; онтогенез мыслимый как процесс развития и становления индивида соотносится с этносемиотикой [Там же: 313]; социогенез как стадия формирования интеллектуальной личности соотносится с лингвосемиотикой [Там же: 148]. Как видно, теории в психологии о развитии человека пронизаны идеей троичности, кроме того, возможно увидеть параллель со стадиями развития знаковых систем [Степанов 1971: 118] Степанова – Проскураина (табл. 5).

Таблица 5

**Сравнение психологического и семиотического подходов
к анализу эволюции**

Семиотические свойства троичности Ч.С. Пирса	Психологическая теория развития личности (Л.С. Выготский и др.)	Историческая культурная семиотика Степанова – Проскураина
I. Первичность – qualisign	Филогенез	Тождество/полная релевантность (биосемиотика)
II. Вторичность – sinsign	Онтогенез	Подобие/частичная релевантность (этносемиотика)
III. Третичность – legisign	Социогенез	Условность/ нерелевантность (лингвосемиотика)

По мнению Л. С. Выготского, теория К. Бюлера получает продолжение у Э. Кречмера, который говорил о наложении разных этапов друг на друга, так называемом законе напластования: «При развитии высших центров низшие, более старые в истории развития центры не просто отходят в сторону, но работают далее в общем союзе как подчиненные инстанции под управлением высших» [Выготский 1983: 140].

Л. С. Выготский приходит к выводу, что низшие центры никуда не исчезают, а ложатся в основу новых, более высоких уровней, которые формируются, не отрицая этот низкий уровень, но встраивая его в себя, тем самым сосуществуя с ним. Например, инстинкт не отмирает в условных рефлексах, но инкорпорируется в них. Другими словами, древняя функция мозга (инстинкт) сосуществует с новой функцией мозга (условный рефлекс). В свою очередь, условный рефлекс нейтрализуется в интеллектуальном действии, одновременно существуя и не существуя в нём. Итак, Л. С. Выготский видит основную задачу науки в том, чтобы «уметь раскрыть низшее в высшем, а также уметь раскрыть вызревание высшего из низшего» [Там же: 140].

Эти выводы соотносятся с законом эволюционного семиотического ряда, который характеризуется свойствами преемственности и кумулятивности в эволюционном развитии того или иного культурного феномена и артефакта. Эволюционный ряд «<...> включает объекты, которые группируются в соответствии с семиотической перспективой и соединены благодаря метаморфизму. Последующий объект замещает предыдущий, поскольку он замещает его функцию и копирует форму» [Проскурин 2023: 52]. Данную закономерность можно проиллюстрировать примером эволюционного развития транспорта. Ю. С. Степанов рассуждает, что: «Первые автомобили сохраняли оформление карет и даже подразделялись, подобно каретам, на «городские» <...> и «дорожные» <...>; Первые аэропорты, в полном несоответствии с их задачами, строились, как железнодорожные вокзалы, – поскольку именно их они заменили» [Степанов 1998: 81].

В рамках исследования закона семиотического ослабления важно отметить схожесть с позицией Л. С. Выготского относительно истории развития знаков (естественный человеческий язык). Еще Аристотель в своем труде «Политика» отмечал отличие человека от всех остальных живых существ, говоря, что человек это «<...> существо общественное в большей степени, нежели пчёлы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарён речью» [Аристотель 2023:10]. Итак, язык, речь, слово – это то, что отличает человека от всех живых существ на Земле. Только благодаря языку в человеке возможно формирование и развитие высших психических функций.

Вполне очевидно, что исследовать высшие психические функции, формирующиеся уже в рамках интеллекта, невозможно без привлечения данных лингвистики и семиотики, имеющих дело с языком как знаковой системой. Так, с теорией психологического развития личности Л. С. Выготского созвучны измышления Ч. У. Морриса, где последний подчеркивал, что «<...> человеческий разум неотделим от функционирования знаков, – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [Семиотика 1983: 37 – 38]. На особую роль языка указывал ещё Вильгельм фон Гумбольдт, а вслед об этом говорила А. Вежбицкая, постулируя, что реальность дана нам не непосредственно, а опосредованно, через язык, с помощью которого мы воссоздаём реальность внутри себя [Актуальные проблемы ... 2007: 244].

Иными словами, язык – это конструкт, с помощью которого мы воссоздаем реальность в мышлении. Так, Людвиг Витгенштейн выразил эту идею в своем «Логико-философском трактате» следующим образом: «Границы моего языка означают границы моего мира <...>. Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [Витгенштейн 2017: 174]. Американский лингвист Эдвард Сепир также приходил к подобным выводам: «Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной

деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления» [Языки как образ мира 2003:157].

Итак, положение о том, что язык является средством опосредованного восприятия реальности, играет огромную роль в понимании процесса формирования высших психических функций. По мнению Л. С. Выготского, сфера употребления знака как средства социальной связи, а именно реализация его функции воздействия на других и только потом на самого себя, крайне четко подтверждает тот факт, что в своём развитии ребёнок «сам усваивает социальные формы поведения и переносит их на самого себя» [Выготский 1983: 141].

Логично, что итогом возрастающей социализации речи детей является развитие детской логики, в силу чего «высшие функции мышления сначала проявляются в коллективной жизни детей в виде спора и только затем приводят к развитию размышления в поведении самого ребёнка» [Там же: 142]. Иными словами, речь является средством внешнего общения с людьми и лишь позже становится формой внутренней речи.

Деление на внешнюю и внутреннюю речь коррелирует с отличием двух видов социального контакта – непосредственные (инстинктивные) связи, например, контакт через крик, взгляд, прикосновение; опосредованные связи с использованием знака (т. е. языка) [Там же: 143]. В этой связи важно напомнить об идее наслаивания одного уровня на другой, потому что опосредованное общение вырастает из форм непосредственной связи, нейтрализуя, но при этом не уничтожая их, а образуя новый высший сплав психики. Это и есть, по Л. С. Выготскому, «процесс становления личности», где впервые ставится вопрос о связи внешних социальных и внутренних психических функций [Там же: 144].

Исследователь отмечает, что проблема перенесения внешнего поведения во внутреннее уже давно ставилась учёными и получила наименование «интериоризация», что подтверждает все вышеописанные точки зрения ученых (К. Бюлер, Э. Кречмер, Ж. Пиаже и др.), на которые опирается сам Л. С. Выготский. Из сказанного следует, что поскольку культура является продуктом социальной жизни и деятельности человека, то культурное развитие ребёнка является двусторонним, с одной стороны, оно социально, а с другой – психологично, иными словами, развитие личности изначально – интерпсихическое (между людьми), а позже – интрапсихическое (внутри самого человека). Отсюда следует, что высшие психические функции не являются биологическим или историческими, а они есть слепок с социального [Там же: 145].

Опираясь на идею Л. С. Выготского об интериоризации, приходим к выводу, что она лежит в основе действия закона семиотического ослабления, что можно проследить на примере эволюции ритуалов в разных культурах. Так, например, жертвоприношения часто представляют собой эволюционный ряд замещения сильного этапа человеческих жертвоприношений переходной стадией принесения в жертву животных, и далее, этапом условным, когда ритуальные убийства замещаются символическим действием чтения молитв (см. главу 1). Отмечаем, что изначально жертвоприношение как реальное действие, подразумевающее убийство сначала человека, а потом животного, постепенно эволюционирует в метафорическое переосмысление концепта жертвы. На условной стадии верующий человек, читая молитву, посещая храм, соблюдая пост, следуя заповедям, совершает символический акт принесения самого себя Богу в качестве жертвы. На этом примере ярко видно, как изначально внешнее физическое воздействие трансформируется во внутренний символический акт (см.: [Проскура 2025]).

История исследования закона семиотического ослабления

Феномен ослабления подмечается в трудах В. И. Карасика, так, на примере эволюции рыцарства описывается свойство знака к «выветриванию»: «первоначально получить титул рыцаря можно было только в бою, затем бой сменился имитацией вооруженного противоборства, и наконец – символическим ритуалом, в ходе которого посвящающий ударял коленопреклонённого посвящаемого по плечу плашмя лезвием меча и произносил определённую сакральную формулу» [Карасик 2012: 2–3]. Исследуя эволюцию правовых институтов, А. С. Комкова указывает, что в исследованиях П. Сорокина описывалась своеобразная «историческая тенденция падения кар», которая выражалась в постепенной гуманизации правовых институтов, изначально практикующих насильственные, репрессивные наказания [Комкова 2017: 75].

В контексте «выветривания» знака или его ослабления можно провести параллель с процессом стирания внутренней формы, исследуемой в лингвистическом разделе этимологии. В этой связи интересно обратиться к анализу семантического развития английского слова *black* с точки зрения теории ослабления. Согласно этимологическим данным, оно восходит к праиндоевропейской форме **bhleg-*, передающей значение *гореть, мерцать, светиться, вспыхивать* [Merriam-Webster].

В русском языке слово, имеющее антонимичное значение «белый», восходит к родственному древнеиндийскому корню *bhālam* («блеск») [Склизкова 2018: 132]. Отсюда следует, что русское слово *белый* и английское *black* имеют общее происхождение в праиндоевропейском языке с изначальным сильным значением *светиться, гореть*, что иллюстрирует также явление межязыковой энантиосемии. Проникнув в разные языки, семантика этого древнего слова подверглась процессу семиотического ослабления и, как результат, в русском языке оно закрепилось как *белый*, не вызывая у русскоговорящих ассоциаций с горением и свечением,

а в английском языке оно сменило своё значение вплоть до противоположного и слово *black* стало означать *чёрный*. Если в русском языке ещё есть какая-то связь между горением и белым цветом, то в английском эта связь крайне завуалирована. Значение слова *black* подверглось абстрактизации и демегафоризации, иными словами, произошло стирание внутренней формы слова. Ссылаясь на семиотическую модель ослабления С. Г. Проскурина, развитие значения слова *black* проходит три эволюционные стадии, которые можно представить в виде следующей семиотической модели (табл. 6).

Таблица 6

Семиотическое ослабление слова «black» в английском языке

Уровень знаковости	Тип знака		
	Тождество	Подобие	Условность
I. Полная релевантность	др.-инд. <i>bhālam</i> – <i>блеск</i> др.-англ. <i>blac bright, shining, glittering, pale</i> – <i>яркий, светящийся, блестящий, бледный</i>		
II. Частичная релевантность		Среднеангл. <i>blake – black, dark</i> (<i>чёрный, тёмный</i>) или <i>pale, colourless, wan, livid</i> (<i>бледный, слабый</i>)	
III. Нерелевантность			Англ. <i>black – fierce, terrible, wicked</i> (<i>свирепый, лютый, ужасный, злобный</i>)

Итак, на первом этапе наблюдается полная биологическая релевантность. Несмотря на то что этимология данного слова восходит к семантике *светиться, гореть*, этимологический онлайн-словарь английского языка фиксирует древнеанглийское *blac* со значением *absolutely dark, absorbing all light, of the color of soot or coal – абсолютно тёмный, без света, цвета сажи или угля*. Однако обычным словом для обозначения чёрного цвета в древнеанглийском было слово *sweart*. Следует отметить, что на этом этапе также существовало слово с этим же корнем *blac*, которое означало *bright, shining, glittering, pale* [Merriam-Webster]. Именно это значение соответствует реальному явлению в физическом мире, воспринимаемому зрительно – *яркий, сияющий, блестящий, бледный*.

На втором этапе прослеживается частичная биологическая релевантность. Так, среднеанглийский период полон неопределённости, поскольку возникло слово *blake*, имевшее неоднозначные смыслы, которые могли трактоваться как *black, dark – чёрный, тёмный*, или *pale, colourless, wan, livid – бледный, бесцветный, слабый, синеватосерый, мертвенно-бледный*. На данном этапе очевидно расщепление семантики слова на два полярных значения, одно из которых дистанцируется от сильного значения *яркий, сияющий, блестящий* и переходит к значению *бледный, бесцветный, слабый*. Второе же значение *чёрный, тёмный*, возможно, появляется в результате логических операций в сознании, основанных на временных и причинно-следственных фазах процесса горения.

Хорошей иллюстрацией в этой связи может быть книга Л. Гумилёва «Хунны в Китае», где, рассматривая сложные исторические и этнографические процессы в истории Китая, автор книги именуется исторические этапы различными фазами горения. Вот как называются главы книги: 1) *Тление*; 2) *Вспышка*; 3) *Костёр*; 4) *Пожар*; 5) *Накал*; 6) *Польмя*; 7) *Три цвета пламени*; 8) *Зарево*; 9) *Огни гаснут*; 10) *Угли остывают*; 11) *Пепел* [Гумилёв 1974: 262–263]. Таким образом, англосаксонское сознание вычленило из процесса горения предпоследнюю фазу *угли остывают*. Несомненно, то, что сияет или горит, со временем прогорает и ставится чёрным углем.

В данном случае мы имеем дело с метонимическим сдвигом, где два понятия *сияющий/горящий* и *чёрный* являются смежными понятиями на основе временных фаз процесса горения.

Обратимся к третьему этапу, которому свойственна биологическая нерелевантность. Согласно Etymonline.com, с XIV в. слово *black* стало означать *fierce, terrible, wicked* – *сверепный, лютый, ужасный, злобный*. Это подтверждается современными толковыми словарями английского языка. Например, в *Oxford dictionary* выделяются следующие значения слова *black*: 1) *very dirty; covered with dirt*; 2) *full of anger or hate*; 3) *without hope; very depressing*; 4) *(literary) evil or immoral* [Oxford Learner's Dictionaries].

Следовательно, ослабление семантики слова *black* произошло по каналу второго значения *чёрный*, противоположного значению *сияющий*. Ослабление семантики осуществлялось по следующему алгоритму: *сияющий* → *чёрный* → *грязный, злоеущий, безысходный, безнравственный*.

К непосредственным исследованиям действия эволюционной закономерности ослабления также можно отнести труды С. В. Санникова, А. Л. Елсаковой, Б. М. Клеймана и А. С. Комковой. Так, С. В. Санниковым рассмотрена эволюция англосаксонского концепта *власть*, репрезентируемого в разных текстах глаголом *healdan*. Семантическое развитие данной лексической единицы представлено тремя стадиями: от этимологического значения *держатъ, удерживать* к ослабленному значению *держатъ трон*, и в итоге к употреблению глагола в переносном производном значении *править* [Санников 2014: 389.]. А. Л. Елсакова анализирует эволюцию денег на примере английской денежной системы. Проведённые исследования показали, что ослабление в данном контексте выражается в постепенном изъятии драгметалла из монет и появлении стоимостно нерелевантных бумажных банкнот [Елсакова 2010: 68–74]. В компаративистических исследованиях Б. М. Клеймана теория ослабления рассматривается на примере эволюции прасемитских концептов, библейской лексики на иврите, а также различных символов праиндоевропейской и европейской культуры [Культурные трансферы ...

2015: 30–40]. Исследования А. С. Комковой являются продолжением научной мысли С. Г. Проскурина в русле эволюции правовых концептов на материале древнеанглийского языка. В результате кандидатского диссертационного исследования реконструированы три этапа ослабления концепта *суд* на лексико-семантическом уровне, характеризующих вектор гуманизации англосаксонских правовых институтов. Ослабление характеризует трансформации от концепта *месть*, выражающегося в кровном отмщении за совершенное преступление, к концепту *вергельд* – денежная компенсация за причинённый вред, и к формированию полноценного концепта *суда* [Комкова 2016].

Таким образом, явление семиотического ослабления замечалось исследователями и ранее, однако стало подробно анализироваться в трудах исследователей Московско-Новосибирского семиологического содружества [Фундаментальные ценности... 2023: 34]. Указанные выше исследователи в основном рассматривают явление ослабления на примере эволюции различных лингвокультурных концептов индоевропейской семиотики, однако исследования данной эволюционной закономерности на материале других культурных анклавов пока не проводились.

На имеющийся научный пробел указывает С. Г. Проскурин, подчеркивая, что: «Индоевропейская семиотика через своих носителей придает значение всей цепи звука или означает весь речевой континуум (линейный принцип), семиотики иных анклавов могут быть больше ориентированы на другой принцип – генерирование образов, за которыми закрепляется тот или иной звуковой отрезок (иероглифический принцип)» [Проскурин 2023: 181]. В связи с чем далее перейдём к рассмотрению структуры китайской иероглифической системы и её эволюционных особенностей.

Эволюция иероглифики сквозь призму ослабления

Любая система, с помощью которой человек передает информацию, может быть рассмотрена с точки зрения звеньев эволюционного ослабления. Иероглифика представляет собой уникальную систему записи, сохранившей свои свойства с самых древних времен до нашей эры. При этом безусловно она претерпела многочисленные изменения, однако так и не трансформировалась в алфавитную систему записи. Помимо того, что иероглифический знак имеет непосредственную связь со смыслом, который он фиксирует, он также имеет тесную связь с реальной формой объекта. В контексте иероглифики можно говорить не просто об означаемом и означающем, а скорее об изображаемом и изображающем. Графическая форма в иероглифике играет ключевую роль, резко отличающую её от алфавитных систем записи. Графический компонент иероглифической системы отличается высокой степенью образительности, однако иероглиф нельзя называть изображением, поскольку это в первую очередь знак письменности, участвующий в передаче информации в ходе коммуникации.

Итак, ослабление в иероглифике является внешним и внутренним, точно так же, как и в грамматологических исследованиях, выделяют структурную эволюцию и графическую эволюцию [Готтлиб 2023: 105]. Внешнее ослабление представляет собой переход от древних почерков (*цзягувэнь*, *цзиньвэнь*) к первым унифицированным вариантам записи (*чжуаньшу*, *лишу*, *синшу*, *кайшу*) и к современному стандартному начертанию (*кайшу*). Рассмотрим особенности стилей на примере иероглифа 鳳 *фэн* «феникс» (рис. 8).

Древние стили письма, к которым относятся надписи на гадательных костях *цзягувэнь* и надписи на бронзовых изделиях *цзиньвэнь* отличаются способом их нанесения на материальный носитель. Так, знаки *цзягувэнь* в основном прорезались на костях, а надписи *цзиньвэнь* гравировались на металлической, чаще всего бронзовой, поверхности. Иероглифы указанных стилей характеризуются

геометрическим разнообразием и отсутствием однородности размеров, угловатостью форм и высоким уровнем изобразительности, сближающих их с орнаментами и художественными изображениями [Ван 2019: 15–22] (рис. 9).

Рис. 8. Графическая эволюция написания иероглифа 鳳, фэн «феникс» в древних стилях (*цзягувэнь*, *цзиньвэнь*). Приводится по: [象形字典. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=6272> (дата обращения: 20.07.2025)]

Стиль *чжуаньвэнь* традиционно считается следующей эволюционной ступенью в развитии китайских стилей письма и делится на две подгруппы: *дачжуань* и *сяочжуань*. Однако именно *сяочжуань* представляет собой одну из первых попыток унификации письменности, выполненной в III в. до н.э. С точки зрения графической формы знаки в данном написании стали пропорциональны по структуре, начали преобладать стандартные единообразные кривые и прямые черты. Важным фактором является то, что унификация формы написания знаков привела к потере их изобразительности, таким образом, «<...> их значение стало сложнее узнать по одной только форме» [Там же: 32–33]. Примечательно также то, что один из первых полноценных иероглифических словарей «Шовэнь цзецзы» анализирует иероглифы в данном

стиле написания, без привлечения записи на гадательных костях и бронзе [Готлиб 2020: 45].

Рис. 9. Графическая эволюция написания иероглифа 鳳, фэн «феникс» в современных стилях (*чжуаньвэнь*, *лишу*, *кайшу*). Приводится по: [象形字典. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=6272> (дата обращения: 20.07.2025)]

Последующие реформы письменности ознаменовались стилями *лишу* и *кайшу*. *Лишу* характеризуется сменой материальных носителей на дерево, шёлк и камень, формируются традиционные каллиграфические черты: откидные, точки, горизонтальные и вертикальные; черты начинают обретать характерное утолщения на конце, при этом с точки зрения общей структуры иероглифы вписываются в прямоугольник и квадрат [Софронов 2007: 516–519]. Стиль *кайшу* представляет собой итоговый иероглифический стандарт, форма знаков которого и сегодня является общепринятой. Знаки данного стиля характеризуются чёткостью общих пропорций и структуры – иероглиф вписывается в форму квадрата. Иероглифы в написании *кайшу* записываются стандартным набором черт с чётким выделением структурных составляющих. Знаки в данном написании максимально отдалены от своего изначального написания на гадательных костях и бронзовых сосудах.

Итак, графическую эволюцию можно рассмотреть сквозь призму семиотического ослабления С. Г. Проскурина и с применением семиотической модели Ю. С. Степнова (впоследствии данную модель мы будем называть «семиотическая модель ослабления Степанова – Проскурина») (табл. 7).

Таблица 7

Семиотическое (внешнее, графическое) ослабление китайской иероглифики с применением семиотической модели ослабления Степанова–Проскурина

Уровень знаковости	Тип знака		
	Тождество (сильная стадия)	Подобие (ослабленная стадия)	Условность (слабая условная стадия)
I. Полная релевантность	Древние почерки (<i>цзягувэнь, цзиньвэнь</i>)		
II. Частичная релевантность		Первые реформы по унификации письма (<i>чжунаньшу; дачжунань и сяочжунань</i>)	
III. Нерелевантность			Последующие унификации иероглифики (<i>лишу, кайшу</i>)

Итак, с точки зрения теории ослабления в эволюции графической формы знаков китайской иероглифической письменности выделим три этапа. Первый этап ослабления представлен такими стилями письма, как *цзягувэнь* и *цзиньвэнь* в силу того, что знаки в данных начертаниях характеризуются высокой степенью изобразительности, т. е. схожестью с изображаемыми явлениями и артефактами.

Вторым этапом ослабления являются первые попытки по унификации написания иероглифических знаков – стиль *сяочжжуань*. На данной стадии графическая форма иероглифа упрощается, однако в структурном плане знак усложняется. Другими словами, несмотря на то что иероглифические знаки освобождаются от связи с изображаемым объектом и схематизируются, в их структуре начинают проявляться отдельные компоненты (смысловые и фонетические). На третьей стадии ослабления иероглифические знаки полностью теряют связь с изображением, становясь условными символами.

Этимологию таких знаков больше невозможно установить непосредственно, необходимо проведение графемного структурного анализа с точки зрения эволюционных изменений и с привлечением данных этимологических словарей.

Второй аспект эволюции касается структурных особенностей того или иного иероглифического знака. По своей структуре иероглифы неоднородны, ввиду чего одной из центральных проблем исследований иероглифической письменности является классификация знаков.

Существует множество взглядов на иероглифические категории, так, например, традиционной классификацией считается деление иероглифических знаков на шесть типов: указательные, пиктографические, идеографические, фоноидеографические, видоизменные и заимствованные знаки. Проиллюстрируем сущность каждой категории на конкретных примерах.

1. Механизм действия указательной категории заключается в передаче отвлеченных понятий посредством изображения конкретных объектов и добавлением указательной части, из которой извлекается основной смысл. Классическими примерами иероглифов данной категории являются иероглифы 上 *шан* «верх» и 下 *ся* «низ», представляющие собой изображения горизонтальной черты, символизирующей некоторую поверхность, например землю, и указательной части соответственно над или под горизонтальной чертой, модифицирующей значение.

2. Иероглифы 日 жи «солнце» и 月 юэ «месяц» являются примерами пиктографической или изобразительной категории, форма которых изображает сущность реального объекта.

3. Идеограммы – это такой тип знаков, в которых каждый компонент структуры отдает часть своего смысла для передачи общего значения иероглифа. В качестве примера можно привести иероглиф 武 у «бесстрашие, мужество», состоящий из компонента 止 «останавливать, прекращать» и 戈 «оружие, насилие, война», комбинируясь вместе они передают идею «храбрости» и «отваги» как способности прекращения насилия.

4. Примером фоноидеографической категории считается знак 河 хэ «река», в структуре которого присутствует смысловой компонент с общим значением, например, в данном случае это семантик 氵 «вода», а также фонетический элемент, передающий примерно звучание иероглифа – фонетик 可 кэ/хэ.

5. Видоизменная категория представляет собой относительно небольшую группу знаков, сущность которых заключается в синонимичных отношениях. Видоизменные иероглифы всегда рассматриваются в паре, ввиду не только семантической близости, но и графической. Хрестоматийным примером стали иероглифы 老 лао и 考 као, передающие схожее значение *старый, пожилой*.

6. Заимствованные знаки также называют иероглифами, образованными по типу ложного заимствования, которые заимствовали форму уже существующих знаков на основе фонетического созвучия при отсутствии семантической близости между ними. Так, например иероглиф 隹 чжуй «короткохвостая птица» также используется в функции частицы, иероглиф 其 ци с этимологическим значением *сито* используется в местоименной функции, знак 卍 эр, представляющий изображение усов, используется в союзной функции с противительным значением и т. п.

Несмотря на то что шестикомпонентная классификация Сюй Шэня признается большинством исследователей и положена в основу составления многих словарей, в ней находят некоторые

неточности, связанные с отсутствием чёткого критерия для разграничения знаков. Взамен шести категорий было предложено деление на три обширные группы знаков. Однако и в данной области исследователи не приходят к общему знаменателю и их классификации часто различаются. Например, китайский исследователь Тан Лань выделял пиктограммы (象形) – носители формы; смысловые знаки (象意) – носители смысла; фоноидеогаммы (形声) – сочетания формы и звучания [唐兰. 中国文字学. 上海: 上海古籍出版社, 2005. 页. 61–63]. Похожая классификация представлена у Ван Ная, в которой представлены пиктографические (象形), идеографические (会意) и фоноидеографические знаки (形声) [Ван 2019: 117]. Иной диахронический подход представлен у Цю Сигуя, чья классификация представлена делением на смысловые (意符), фонетические (音符) и символные знаки (记号) [裘錫圭. 文字學概要. 臺北: 萬卷樓, 1994. 页. 14–15].

В отечественных востоковедческих трудах популярностью также пользуется трёхкомпонентный подход. Например, В. П. Васильев сводил шесть категорий к трём типам – изобразительные, идеографические и фонетические знаки [Васильев 1898: 133]. С. М. Георгиевский выделял иероглифы с позиции их визуальной выразительности; так, к первой категории он относил цельные знаки, значение которых выводится из формы, ко второй категории – структурно-сложные иероглифы, значение которых можно вывести из суммы составляющих, к третьей группе исследователь причислял комплексные знаки, значение которых невозможно определить без экстралингвистических сведений [Готлиб 2023: 48–49]. Сегодня популярностью пользуется иероглифическая концепция О. М. Готлиба, разработанная в русле семиотической теории Ч. С. Пирса (знаковое деление на иконы, индексы и символы) и основанная на взглядах китайского лингвиста Цю Сигуя. Ученый проводит соответствие между иконами и пиктограммами, индексами и идеограммами, при этом к категории символов исследователь относит не только фонетические иероглифы,

но также и пиктографические и идеографические знаки в современном написании [Готлиб 2020: 54].

Рассмотрев предложенные подходы, приходим к выводу, что трёхступенчатый подход является наиболее продуктивным и эффективным в анализе и систематизации иероглифических массивов, а проведение границы между разными типами иероглифических знаков возможно с применением семиотической модели Ю. С. Степанова. Отметим пиктографическую, идеографическую и фонетическую категории, которые соотносятся с тремя уровнями знаковости в концепции Ю. С. Степанова. Пиктограммы характеризуют первый уровень в силу того, что они представляют собой изобразительные цельные, простые знаки с однокомпонентной структурой, не связанные с фонетической стороной слова. Второй уровень знаковости представлен идеограммами, характеризующимися, подобно пиктограммам, относительной степенью изобразительности и отсутствием связи с произносительным аспектом.

В структуре идеограмм можно выделить отдельные части и понять, как элементы нацелены на передачу общего значения. Третий уровень занимают фонетические знаки. Это сложнокомпонентные иероглифы, которые связаны полностью или частично с фонетической стороной слова, а также характеризуются либо слабым уровнем изобразительных свойств, либо их полной утратой.

Второй параметр анализа «этап ослабления» или «тип знака» позволяет проанализировать связь между понятием и графической формой иероглифа. Так, Ю. С. Степанов выделяет знаки тождества, в которых форма совпадает со значением; знаки подобия, значение которых основывается на сходстве или ассоциации между двумя явлениям (метафорическая связь); знаки условности, представляющие собой конвенциональные символы, в которых связь между планом выражения и планом содержания немотивированна. Далее С. Г. Проскурин инкорпорирует в данную схему анализа три этапа ослабления: «<...> от высокоизобразительных сильных знаков к ослабленным знакам (субститутам) и к условным знакам (слабым)» [Проскурин, Лебедева 2025: 105].

Далее обратимся к реконструкции этапов внутреннего ослабления с применением указанных параметров анализа на примере иероглифа 風 *фэн* «ветер». Для начала рассмотрим один из самых древних вариантов записи данного знака на гадательных костях (рис. 10).

Рис. 10. Иероглиф 風 *фэн* «ветер» в записи на гадательных костях *цзягувэнь* [合 21019].

Приводится по: [新甲骨文編(增訂本)/刘钊主编.

福建: 福建人民出版社, 2014. 页. 249]

Согласно этимологическим данным, понятие *ветер* выражалось через графическую форму пиктографического иероглифа 鳳 *фэн* со значением «*феникс*». Данный знак в древнем изображении представлял собой изображение птицы, похожей на павлина, с хохолком и густым оперением [Чистякова 2007: 184].

Связь двух понятий также подтверждается многочисленными данными из мифов и легенд. Например, в легенде про Стрелка И есть упоминание о его встрече со свирепой птицей *Дафэн*, имя которой можно перевести как *большой павлин* и как *большой ветер*. По свидетельству Юань Кэ, эта птица внешне напоминала большого павлина, и по поверьям взмах ее крыльев приносил разрушающий ветер, ввиду чего в китайской мифологии феникс является «символом ветра» [Юань 1987: 145]. Взаимосвязь двух иероглифов объясняется в этимологическом словаре *vividict* – феникс мыслился как огромная птица, приносящая своим полётом сильные ветра [象形字典. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=4189> (дата обращения: 20.07.2025)]. Иными словами, совпадение фонетических оболочек двух слов *ветер* и *феникс* не случайно, оно вызвано мифологическим синкретизмом, которое выражалось в объяснении и именовании «ветра» через образ мифической птицы [马银琴. 风, 风声, 风刺以及

《风》名的出现 // 清华大学学报. 哲学社会科学版. 2017. № 4(32). 页. 126]. Поскольку форма иероглифа *феникс* заимствовалась для обозначения ветра, то можно предположить, что два явления объединяются друг с другом с помощью метафоры, благодаря которой значение *ветер* соединилось с графической формой пиктографического знака *феникс*. Отметим, что на начальной стадии данное понятие обозначается через пиктограмму *феникс* на основе не только созвучия двух слов, но также и на базе метафоры, характеризующей синкретизм мифологической формы сознания. С точки зрения семиотической схемы Степанова–Проскурина данный иероглифический знак занимал пиктографический уровень, а по знакотипу обладал свойствами сильного знака.

Второй этап ослабления структуры данного знака, заключающегося в категориальной смене, начался относительно рано. На гадательных костях зафиксированы примеры, когда изображение феникса стало дополняться элементом *дождь*, который подчеркивал связь знака с природным явлением [字源 / 李学勤主编. 天津: 天津古籍出版社; 沈阳: 辽宁人民出版社, 2012. 页. 325] (рис. 11).

Рис. 11. Иероглиф 風 *фэн* «ветер» в записи на гадательных костях *цзягувэнь* [合 13356].
Приводится по: [新甲骨文編(增訂本) / 刘钊主编. 福建: 福建人民出版社, 2014. 页. 249]

Данный иероглифический знак на краткий период меняет знаковый уровень с пиктографического на идеографический. Тем самым, идеографическая вариация иероглифа *ветер* является субститутом по отношению к его пиктографической версии, где он являлся сильным знаком. Итак, первая категориальная смена характеризует начало второго этапа ослабления.

Однако наиболее распространенным вариантом записи понятия *ветер* на гадательных костях стало дополнение изображения

феникса фонетическим компонентом 凡 *фань*. Более того, изображение хвоста феникса становится более детальным, добавляются элементы, похожие на узоры на кончике хвоста павлина. На бронзовых сосудах цельное изображения феникса разделяется, и узоры, дополняющие изображения хвоста, отделяются от корпуса птицы, смещаясь под фонетический элемент 凡 (рис. 12).

Рис. 12. Иероглиф 鳳 *фэн* «ветер, феникс» в записи на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* [中方 鼎西周早期集成 2752]. Приводится по: [漢典. URL: <https://www.zdic.net/zd/zx/jw/凤> (дата обращения: 20.07.2025)]

В почерке *чжуаньшу*, представленном в словаре «Шовэнь», изображение узоров на перьях феникса сильно упростилось и стало совпадать с древним вариантом записи иероглифа 虫 «червь/пресмыкающаяся», в связи с чем этот элемент стал постепенно заменять изначальное изображение типичных узоров на хвосте павлина. Такой вариант записи дошёл до составителя словаря «Шовэнь цзецзы» Сюй Шэня [字形演变. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/10601ln/> (дата обращения: 20.07.2025)] (рис. 13).

На рис. 13 представлены два варианта записи иероглифа *ветер* из словаря «Шовэнь цзецзы», слева изображён более древний вариант записи [說文古文], а справа представлен иероглиф в стиле принятой во времена составления словаря – *сяочжуань* (малая печать). С опорой на варианты написания Сюй Шэнь даёт следующую трактовку данному знаку: иероглиф 風 *фэн* – из сочетания *восемь направлений*. Восточной ветер называется *миншу фэн*, юго-восточный именуется *цинмин фэн*, южный носит имя *цзин фэн*, юго-западный – *лян фэн*, западный ветер зовётся *чанхэ фэн*, северо-западный –

чжоу фэн, северный ветер называется *гуаньмо фэн*, северо-восточный ветер именуется *жун фэн*. Потоки ветра рождают всё живое. Всё живое изменяется с течением восьми сезонов [中国古典名著百部. 语言文字类. 说文解字. 北京:九州出版社, 2001.页. 793].

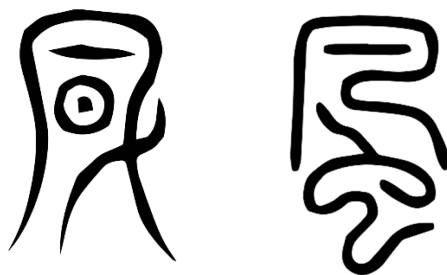

Рис. 13. Варианты записи иероглифа 風 *фэн* «ветер» в словаре «Шовэнь цзецзы». Приводится по: [漢典. URL: <https://www.zdic.net/search/?sclb=tm&q=风> (дата обращения: 20.07.2025)]

Сюй Шэнь анализирует две версии иероглифа, в наиболее ранней версии он выделяет знак 日 *солнце*, а в более позднем варианте элемент 虫, который помимо значения *червь, пресмыкающееся* имеет более широкое значение, а именно *всё сущее*. Таким образом, трактовка данного иероглифа в словаре Сюй Шэня отличается важными характеристиками. Во-первых, в толковании теряется связь с этимологической пиктограммой *феникс*; во-вторых, иероглиф в очередной раз меняет категорию, на этот раз с идеографической на фоноидеографическую. Следовательно, можно говорить о наступлении третьего этапа ослабления.

Толкование Сюй Шэнем данного иероглифа не раз ставилось под сомнение. Например, в словаре 文源 под редакцией Линь Игуана указывается, что выделение в иероглифе *ветер* смыслового компонента 虫 «*пресмыкающееся*» является результатом неверной интерпретации графической формы знака. Так, привлекая к анализу варианты записи иероглифа, исследователь заключает, что в написании

чжуанвэнь знак помимо фонетического элемента также включает два смысловых знака *пещера* и *облако*, таким образом, знаком изображается поток воздуха, выходящий из пещеры [林义光. 文源. 上海: 中西书局, 2012. 页. 109]. Возникающие споры об этимологии данного знака и о связи формы и объекта демонстрируют особенность второго этапа ослабления, когда происходят не только изменения формы, но и семантические сдвиги, что приводит к появлению новых, не всегда точных, этимологических интерпретаций.

Впоследствии в почерке *лишу* и далее в *кайшу* закрепились стандартная графическая форма написания иероглифа *ветер* со смысловым компонентом 虫 «*червь, пресмыкающееся*» и знаком 凡, играющем фонетическую роль. Итак, на третьем этапе ослабления знак *ветер* окончательно утверждается в категории фоноидеограмм, тем самым сменяя категорию во второй раз и трансформируясь из субтитута в условный знак. Ослабление этого иероглифа можно представить с применением семиотической модели Степанова–Проскурина в виде следующей таблицы (табл. 8).

Исходя из приведённых этапов структурного ослабления иероглифа 風 *фэн* «*ветер*», приходим к выводу, что внутреннее структурное ослабление иероглифической единицы может начаться раньше внешнего графического процесса ослабления. Проведённый графемный и этимологический анализ указанного иероглифа демонстрирует, что категориальная смена началась на одном из самых ранних этапов становления письменности. Другими словами, иероглиф стал ослабляться практически сразу после своего появления, поскольку все структурные изменения зафиксированы уже в древних стилях письма (*цзягувэнь* и *цзиньвэнь*).

Перейдём к итогам. В данной главе рассмотрен феномен семиотического ослабления на примере китайской иероглифической письменности. Важно отметить, что ослабление иероглифических знаков имеет некоторые отличия от эволюции индоевропейских концептов, несмотря на то что иероглифы проходят те же три этапа ослабления.

Таблица 8

**Семиотическое (внутреннее, структурное) ослабление иероглифа 風
фэн «ветер» с применением семиотической модели
Степанова–Проскурина**

	1. Сильная стадия	2. Ослабленная стадия	3. Условная стадия
I. Пиктограммы	 Стиль: <i>цзягувэнь</i>		
II. Идеограммы		 Стиль: <i>цзягувэнь</i>	
III. Фонограммы			 Стиль: <i>сяочжуань, лшу, кайшу</i>

Это вызвано тем фактом, что иероглифическая письменность имеет тесную связь с изображением и в первую очередь фиксирует смысловую составляющую информации, а не звуковую. Следовательно, визуальный компонент – это то, что отличает иероглифику от алфавитных систем, превалирующих в индоевропейском лингвокультурном анклав.

Анализ эволюционных свойств иероглифической единиц проведен на основе семиотической схемы Степанова – Проскурина, в которой знак рассматривается с позиции уровня знаковости и этапа ослабления. Так, трём знаковым уровням соответствуют три иероглифические категории: 1) пиктограммы занимают первый уровень знаковости, так как характеризуются наиболее полным сходством с обозначаемым объектом, при этом это простые знаки по структуре; 2) второй уровень занимает идеографическая категория, поскольку, оставаясь изобразительной, она структурно усложняется, тем самым обретая способность к передаче абстрактных понятий; 3) фонетические знаки, в структуре которых появляется компонент, передающий в той или иной степени звучание иероглифа, располагается на третьем уровне. Этап ослабления как второй параметр семиотического анализа фиксирует эволюционные стадии, описывающие переход знака от типа «тождества» к «подобию» и к «условности».

Однако, обращаясь к анализу этимологии наиболее древних иероглифов, фиксированных в одном из самых ранних источников письма (тексты гадательных надписей *цзягувэнь*), наблюдаем, что такие знаки изменялись не только внешне, но и структурно. При сравнении современного написания с его древним вариантом записи обнаруживается, что некоторым иероглифам свойствен категориальный сдвиг. Следовательно, ослабление иероглифики рассматриваем с позиции графической и структурной эволюции. Графическая эволюция предполагает трансформацию сильных знаков в ослабленные и, в конечном итоге, в условные при постепенной стандартизации написания знаков. С позиции структуры можно говорить о внутреннем ослаблении, т. е. сохранении или смене категории. При сопоставлении двух форм ослабления заметим, что не всегда можно установить зависимость смены графических стилей

от структурно-семантических сдвигов. На примере эволюции знака *ветер* было продемонстрировано, что внутреннее ослабление началось на одном из самых ранних этапов становления письменности, т. е. иероглиф стал ослабляться практически сразу после своего появления, поскольку все структурные изменения зафиксированы в древних стилях письма (*цзягувэнь* и *цзиньвэнь*).

ГЛАВА 7

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ В ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

Русский жестовый язык (РЖЯ) представляет собой полноценную лингвистическую систему, служащую основным средством коммуникации для глухих и слабослышащих России и значительной части постсоветского пространства. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность его носителей оценивалась приблизительно в 120 000 человек, однако, по экспертной оценке Всероссийского общества глухих, данная цифра может достигать 300 000, что связано с методиками подсчёта и включением слабослышащих людей. География распространения РЖЯ не ограничивается национальными границами: он активно используется в сообществах глухих Украины, Беларуси, Казахстана, а также среди русскоязычных эмигрантских диаспор в таких странах, как Германия, США и Израиль.

С точки зрения генезиса, русский жестовый язык традиционно относят к семье французского жестового языка (*langue des signes française, LSF*). Данная связь обусловлена историческими обстоятельствами: становление РЖЯ в XIX веке происходило при непосредственном влиянии французской сурдопедагогической традиции, а именно – метода мимики, который привнесли основатели первых школ для глухих. Однако ряд современных исследователей [Bickford, Lewis, Simons 2014: 1–15] подвергает это родство сомнению, указывая на отсутствие строгих фонетических соответствий между двумя языками, на более автономный путь развития РЖЯ.

Лингвистическая архитектура русского жестового языка отличается значительной сложностью и самобытностью. Его фонетика оперирует не звуками, а целым комплексом визуальных параметров, включающих конфигурацию пальцев и кисти (хирему), ориентацию ладони в пространстве, локализацию исполнения жеста относительно тела и характер движения. Морфология языка является преимущественно несегментной, где грамматические значения выражаются не через аффиксы, а посредством модификации самого жеста – изменения ритма, амплитуды, направления движения или его редупликации (повтора). Синтаксис РЖЯ демонстрирует гибкость в порядке слов, с доминированием моделей SVO (подлежащее-сказуемое-дополнение) и SOV (подлежащее-дополнение-сказуемое), что позволяет акцентировать тему или рему высказывания.

Лексический состав чрезвычайно богат и включает специализированные механизмы, такие как классификаторные конструкции, для описания объектов и их перемещения в пространстве, а также обширный пласт жестовой лексики, калькированной или заимствованной из русского устного и письменного языка [Kimmelman 2012: 1–56].

Систематическое научное изучение РЖЯ началось относительно недавно, с 2000-х годов [Давиденко, Комарова 2006: 146–161]. Несмотря на активное развитие этой области, многие аспекты – диалектология, прагматика, социолингвистические вариации и особенности усвоения языка – остаются *terra incognita* и требуют дальнейшего глубокого и всестороннего изучения [Введение в лингвистику жестовых языков ... 2019].

Природная пантомима

Основу лексики русского жестового языка, как и многих других жестовых языков, составляет природная пантомима – спонтанная жестовая импровизация, с помощью которой глухие люди передавали информацию об окружающем мире, действиях или эмоциях. Данный

феномен представляет собой не просто набор движений, а целостную систему визуально-кинетического выражения, рожденную из непосредственной потребности в коммуникации. Для пантомимы характерны выразительные, подчас масштабные движения, часто выходящие за пределы стандартного жестового пространства – условной зоны перед корпусом (ограниченной макушкой головы сверху, брюшной областью снизу и плечами по бокам), в которой обычно воспроизводятся более формализованные знаки. Движения пантомимы (также называемые визуальными жестами) не просто указывают на объект, а детально и образно имитируют его форму, свойства или связанные с ним действия [Введение в лингвистику жестовых языков ... 2019: 93–95].

В новаторской работе В. И. Флери [Флери 1835], первого исследователя, предпринявшего попытку систематизировать лексику РЖЯ, приведены наглядные примеры таких живых, «нестилизованных» жестов. Так, жест ХОДИТЬ описывается им как буквальное «совершение одного или двух шагов» пальцами по раскрытой ладони, что создает миниатюрную и понятную картину передвижения. Жест ЕСТЬ трансформируется в целый микросюжет: «удержание воображаемой пищи пальцами, поднесение её ко рту, имитация жевания и глотания». Даже обозначение такого конкретного понятия, как МЯСО, рождалось из тактильного и вкусового опыта – «щипок мясистой части большого пальца с последующим поднесением ко рту», как если бы человек пробовал и оценивал качество продукта. Благодаря этой естественной и интуитивно понятной пантомиме ученики Санкт-Петербургского училища глухонемых (первого в России учебного заведения для глухих детей), несмотря на возможные региональные различия, с лёгкостью понимали друг друга. Свобода импровизации позволяла гибко подбирать наиболее точные и выразительные жесты, а их высокая степень иконичности, т. е. сходства с обозначаемыми объектами и действиями, обеспечивала практически безошибочную передачу смысла без необходимости предварительной договоренности. Важно отметить, что пантомима использовалась не только для описания внешнего мира, но и для передачи

внутренних, эмоциональных состояний – отчаяния, радости, удивления, что делало общение глубоким и многогранным.

Однако было бы фундаментальной ошибкой считать, что глухие общались исключительно с помощью сиюминутной пантомимы. Как и любой полноценный язык, жестовый представляет собой не хаотичный набор импровизаций, а устойчивую, исторически сложившуюся систему условных знаков, обладающую своей грамматикой и внутренней логикой. Со временем из множества вариантов жестов, обозначающих один и тот же предмет, происходил естественный отбор, в результате которого сообщество выбирало наиболее удачный, ёмкий и удобный в воспроизведении вариант, который затем закреплялся в повседневном общении. Таким образом, происходил ключевой процесс конвенционализации – превращения иконического жеста в условный символ. Наглядной иллюстрацией этого процесса служит пример с жестом ВОДА в стенах вышеупомянутого училища. Изначально он мог изображаться по-разному: одни могли показывать падающие капли дождя, другие – движение руки при умывании, третьи – акт питья из ладони. Каждый вариант был понятен, но не универсален. Позже, в результате коллективной практики, закрепился один обобщённый и универсальный вариант – движение пальцами, изображающее воду, падающую возле щеки (рис. 14). Данный жест, потеряв часть своей первоначальной «пантомимичности», приобрел статус стандартизированного слова в лексиконе РЖЯ, демонстрируя тем самым динамику развития жестового языка от конкретной имитации к абстрактному, но конвенциональному, общепринятому знаку.

Конвенционализация в жестовых языках может происходить чрезвычайно быстро, что ярко демонстрируется на примере спонтанного возникновения жестовых имён. Как отмечают исследователи русского жестового языка, процесс закрепления знака может быть практически мгновенным. Яркой иллюстрацией служит описанный В. М. Бехтеревым случай, когда дети за несколько секунд придумали для него жест, изображающий бороду, и немедленно начали использовать его для обозначения его личности в разговоре [Введение

в лингвистику жестовых языков ... 2019: 94]. Данный пример показывает, что первичное рождение жеста часто связано с непосредственной визуальной или функциональной характеристикой объекта или личности, и его принятие языковым сообществом может не требовать длительного времени.

Рис. 14. Жест ВОДА

Упрощение жеста

После первоначального закрепления в языке жесты часто подвергаются процессу фонетического и структурного упрощения в соответствии с универсальным лингвистическим принципом экономии. Согласно этому принципу, носители любого языка, включая жестовый, неосознанно стремятся сократить физические и когнитивные усилия, затрачиваемые на коммуникацию, без ущерба для ее эффективности. Как подчеркивает А. Мартине, эволюция языка представляет собой постоянный компромисс между двумя противоположными силами: потребностью в ясной и точной передаче информации и естественным стремлением человека к минимизации усилий

[Пруцких 2024: 553–558]. Данный диалектизм наглядно проявляется в жестовых языках: например, исторически жест ДОМ в РЖЯ был более сложным и включал движение, имитирующее процесс строительства стен и крыши. Однако со временем он редуцировался до более простого и экономного жеста КРЫША, который и закрепился в языке как основной (рис. 15). Это упрощение является прямым следствием действия принципа экономии.

Рис. 15. Жест ДОМ

В результате такой эволюции многие знаки постепенно утрачивают первоначальную иконичность, хотя глубинная связь с обозначаемым объектом зачастую не исчезает полностью. Даже упрощенный жест ДОМ продолжает ассоциироваться с концептом жилища именно благодаря тому, что его форма воспроизводит один из самых узнаваемых архитектурных элементов. Таким образом, в жестовом языке наблюдается яркое проявление феномена семиотического ослабления. Жест, возникший как непосредственное изображение или пантомимическое воспроизведение элемента окружающего мира, со временем теряет степень своей иконичности, подвергаясь

конвенционализации и превращаясь в более условный символ. При этом он сохраняет остаточную связь с исходным образом, что обеспечивает его мотивированность для носителей языка. Данный процесс является универсальным и характерен не только для РЖЯ, но и для жестовых языков по всему миру. Например, в американском жестовом языке (ASL, амслен) жест ТЕЛЕФОН изначально изображал использование стационарного аппарата с трубкой: одну руку подносили ко рту, а другую – к уху. С течением времени он трансформировался в единое, более абстрактное и быстрое движение одной рукой в области уха, что отразило технологическую эволюцию самого объекта – переход от стационарных к мобильным устройствам (рис. 16). Данная трансформация также демонстрирует, как языковая система адаптируется к изменениям в культуре и обществе, продолжая следовать фундаментальным лингвистическим принципам.

Рис. 16. Жест ТЕЛЕФОН

Важно не путать данное ослабление с упрощением знака, поскольку эти процессы, хотя и связаны, имеют различную природу. Язык как конвенциональная совокупность знаков естественно стремится к упрощению в связи с вышеупомянутым принципом экономии, однако семиотическое ослабление в случае жестовых языков является именно ослаблением, так как в самом жизненном цикле жеста наблюдается высокая степень иконичности, которая почти не встречается в начале жизни нового слова языков звуковой модальности, за исключением ограниченных случаев ономотопеи. Данная первоначальная иконическая связь жеста с референтом служит точкой отсчёта для последующего эволюционного пути.

Жестовый язык представляет собой уникальную динамическую систему, которая сочетает в себе как устойчивые, полностью конвенционализированные элементы, так и гибкие, способные к мгновенной адаптации в зависимости от стремительных изменений в обществе, культуре и технологиях. Его развитие является непрерывным и перманентным процессом: постоянно появляются новые жесты для обозначения современных реалий, такие как ИНТЕРНЕТ (рис. 17), в то время как старые, устоявшиеся знаки могут подвергаться значительным трансформациям своей формы или семантического значения, что отражает живую природу языка.

Обратимся к конкретным и наглядным примерам семиотического ослабления, которые демонстрируют данный процесс в диахронии. Жест РОССИЯ ранее исполнялся обеими руками над верхней губой, иконически и непосредственно изображая усы Петра I, что создавало прямую визуальную ассоциацию с историческим символом. Современный жест претерпел существенную редукцию, став одноручным, и его исполнение сместилось в область подбородка, что свидетельствует о постепенной утрате прямой изобразительной связи [Введение в лингвистику жестовых языков ... 2019: 99] (рис. 18).

Другой показательный пример – эволюция жеста СТАРЫЙ. Изначально его исполнение заключалось в том, что пальцы активно захватывали кожу щеки, чтобы буквально «обозначить морщины лица» [Флери 1835: 205], т. е. миметически воспроизвести признак старости.

Рис. 17. Жест ИНТЕРНЕТ

Рис. 18. Жест РОССИЯ

В современном варианте данный изобразительный компонент практически утрачен: по щеке вниз движется уже не кисть с щипковым движением, а сомкнутый кулак, что означает переход от иконического изображения к более условному и абстрактному обозначению (рис. 19).

Рис. 19. Жест СТАРЫЙ

Как точно отмечает Д. А. Заварицкий [Введение в лингвистику жестовых языков ... 2019: 107], одним из главных двигателей диахронического изменения лексики русского жестового языка является глубинное стремление жеста к экономии усилий, что системно обуславливает модификацию всех его параметров: формы, траектории движения, локализации в пространстве и ориентации ладони. В результате этого комплексного процесса формальная сторона жеста закономерно смещается от первоначальной иконичности к большей условности и символичности, постепенно, но необратимо утрачивая свою изобразительную мотивированность и становясь всё более концептуальным знаком.

Таким образом, семиотическое ослабление в русском жестовом языке предстает не как случайное отклонение, а как закономерный

и глубинный процесс, в ходе которого жесты постепенно утрачивают свою первоначальную, зачастую очевидную иконичность, сохраняя при этом остаточную, опосредованную связь с обозначаемым объектом или действием. Данный процесс обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов. Важнейшим из них является конвенционализация, представляющая собой социальное закрепление одного варианта жеста из множества потенциально возможных, что неминуемо ведёт к стандартизации и упрощению его пластической формы. Данный процесс тесно переплетается с универсальным принципом экономии, который, вслед за А. Мартине, можно понимать как имманентное стремление носителей языка к минимизации физических и когнитивных усилий при воспроизведении знаков, что на практике выражается в сокращении амплитуды, редукции сложных траекторий движений и их общем упрощении. Параллельно действует фактор адаптации к социокультурным изменениям: жесты трансформируются, реагируя на появление новых технологий и социальных реалий, что зачастую ускоряет их отрыв от изначального визуального прототипа.

Однако было бы ошибкой рассматривать семиотическое ослабление сугубо как лингвистический феномен, ограниченный сферой жестовых или даже вербальных языков. Это универсальный механизм, присущий самой природе знака, а следовательно, фундаментальный для всей человеческой культуры и мышления. В рамках постмодернистской и постструктуралистской парадигмы считается, что язык утрачивает пассивную роль зеркала, отражающего реальность, и приобретает активную, конституирующую силу, формируя саму возможность восприятия и осмысления мира. Если сознание человека действительно представляет собой сложную совокупность текстов и знаковых систем, что отстаивал, например, Ж. Деррида, утверждая, что «нет ничего вне текста», то процесс семиотического ослабления неизбежно пронизывает любую форму человеческой деятельности от искусства до социальных ритуалов.

Ф. де Соссюр демонстрирует, что языковой знак в своей основе произволен: связь между означающим и означаемым условна и держится

исключительно на коллективной договоренности. Однако жестовые языки, особенно на ранних этапах своего формирования, составляют любопытное исключение, демонстрируя относительную мотивированность знака – жесты высоко иконичны, т. е. сохраняют явное визуальное сходство с обозначаемым объектом или действием. Но с течением времени и данная связь размывается, жест эволюционирует, становясь все более условным и абстрактным. Данный процесс можно рассматривать как частный случай общего закона семиозиса – неуклонного движения от конкретного к абстрактному, от миметического подражания к чистой символизации. В этом свете семиотическое ослабление – это не окончательная утрата связи с референтом, а качественная трансформация: жест не разрывает связь с реальностью полностью, но переходит в иную семиотическую модальность, где его значение определяется уже не внешним сходством, а его местом в дифференциальной системе языка, его отношениями с другими знаками.

Данная логика находит подтверждение и в сфере психоанализа. Ж. Лакан утверждает, что бессознательное структурировано как язык, а значит, любые психические процессы подчиняются его фундаментальным законам. Если принять эту точку зрения, то семиотическое ослабление можно обнаружить и в работе бессознательного – прежде всего в механизме работы сновидений, где визуальные образы – знаки подвергаются процессам сгущения и смещения, утрачивая свою первоначальную, потенциально читаемую «иконичность» и превращаясь в сложные, сугубо индивидуальные и условные символы, требующие декодирования. Следовательно, от конкретной жестикуляции до абстрактных глубин психики прослеживается единая тенденция знака к стиранию мотивированности и движению в сторону чистой условности, что лишь подчеркивает его фундаментальную роль в структурировании человеческого опыта.

Р. Барт в своих работах [2004] демонстрирует, как культурные коды, изначально обладавшие конкретным значением, со временем утрачивают прямую связь со своими референтами, инкорпорируясь в сложные идеологические системы. Ярким примером

служит трансформация образа «французского вина»: из простого обозначения алкогольного напитка оно эволюционирует в мощный национальный символ, насыщенный коннотациями здоровья, силы, патриотизма и коллективной принадлежности. Данный процесс является формой семиотического ослабления, в ходе которой исходный знак как бы опустошается от своего первоначального, часто утилитарного содержания, чтобы быть наполненным новыми, социально сконструированными и зачастую произвольными смыслами.

Перейдём к итогам. Семиотическое ослабление представляет собой не деградацию или упадок языка, но, напротив, является имманентным, необходимым условием его адаптации к непрерывно меняющемуся миру. Если бы жесты, слова или визуальные символы навсегда сохраняли жёстко закреплённую первоначальную форму и значение, язык утратил бы свою фундаментальную гибкость, динамичность и способность к развитию, превратившись в статичный и нежизнеспособный код. В постструктуралистской перспективе, следуя идеям Ж. Деррида, данный процесс можно рассматривать как бесконечную игру означающих, где ни один знак не обладает окончательной стабильностью, а его значение постоянно откладывается и переопределяется в рамках бесчисленных контекстов. Следовательно, семиотическое ослабление предстает не просто лингвистическим механизмом, но фундаментальным принципом человеческого мышления и культуры в целом, пронизывающим все её уровни – от повседневного общения до сложных философских систем. Именно данная подвижность позволяет знакам оставаться живыми, актуальными, постоянно переосмысляться и включаться в новые смысловые контексты, обеспечивая тем самым непрерывность культурной коммуникации и возможность творческого порождения новых значений.

При этом семиотическое ослабление не подразумевает полного разрыва и абсолютной утраты связи жеста или символа с его исходным образом. Многие знаки, особенно в жестовых языках, сохраняют так называемую остаточную иконичность, т. е. видимую, хотя

и опосредованную, связь с обозначаемым объектом или действием. Однако по мере развития и институционализации языка жесты закономерно становятся более условными, стилизованными и экономичными, что объективно сближает их с лексикой звуковых языков, где связь между фонетической или графической формой слова и его значением в подавляющем большинстве случаев является произвольной и мотивированной исключительно социальной договоренностью.

Данный процесс наглядно демонстрирует, что русский жестовый язык, как и любой другой живой лингвистический организм, пребывает в состоянии постоянного и динамичного развития. Он осуществляет сложное балансирование между двумя полюсами: с одной стороны, необходимостью сохранять традиционные, устоявшиеся формы, обеспечивающие преемственность и идентичность языкового сообщества, а с другой – потребностью в постоянной адаптации, вбирающей в себя новые реалии и отвечающей на вызовы меняющихся коммуникативных практик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая монография по семиотическому ослаблению освещает чрезвычайно важный круг вопросов, связанный с эволюционными линиями развития целой серии культурных явлений. Проведенное исследование свидетельствует о пошаговой функции «выветривания» знака. Знак от сильного мотивированного явления переходит к субституту, а затем к условному обозначению, демонстрирующему высокую степень десемантизации. В чём причина этого явления? Вероятно, в самой эволюционной программе заложен алгоритм поиска немотивированных субстанций. В нашей работе мы постарались приоткрыть завесу таинства в вопросе десемантизации. Потеря иконичности, а также этап условности говорят об эволюционной предрасположенности к пошаговому процессу развития институтов.

В качестве участников этого исследования выступают представители Московско-Новосибирского семиотического содружества, которые рассмотрели процесс ослабления на самом широком спектре явлений языка, культуры, права. Это – школа и это – традиция, которую заложил наш учитель, академик Юрий Сергеевич Степанов. Закон ослабления пунктирно прорисован в его работе «Семиотика». М., 1970. В настоящей монографии мы постарались обобщить намеченные линии и представить законченную картину эволюционной константы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 416 с.
2. Аллен Г. Эволюция идеи божества: исследование о происхождении религий; пер. с нем. / под ред. и с предисл. В. В. Битнера. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 192 с.
3. Алигьери Данте. Божественная комедия / перевод с итальянского Д. Мина. – М.: Эксмо, 2021. – 464 с.
4. Апекова Ж.Ш. Лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремиологических картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 23 с.
5. Аристотель. Политика / Аристотель; пер. с древнегреч. А. С. Жебелева. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 288 с.
6. Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 2004. – 234 с.
7. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 452 с.
8. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999. – 432 с.
9. Библия / Рос. библейское о-во, 2008. – 1296, XXXII с.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. – М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
11. Большой китайско-русский словарь: [сайт]. URL: <https://bkrs.info/>
12. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 666 с.

13. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 44–88.

14. *Вайс Д.* Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред. О. Буренина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 259–272.

15. *Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.

16. *Ван Н.* История китайских иероглифов / пер. с кит. А. А. Южаниновой. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 191 с.

17. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник / коллектив авторов; ред. С. И. Буркова и В. И. Киммельман. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 356 с.

18. *Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.* Теория языка и лингвокультурология: *opera selecta*: монография. – Краснодар: Изд.-во Куб. гос. тех. ун-та, 2025. – 374 с.

19. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с

20. *Вульф К.* Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. 13. – №. 3. – С. 23–50.

21. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. – М.: Издательство «Юрайт», 2023. – 336 с.

22. *Гай.* Институты / пер. с латинского Ф. Дыдынского / под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.: Юристь, 1997. – 368 с.

23. *Гамалей Н.С.* Психолингвистическое исследование категории «осмысленное – бессмысленное» как константы концептуальной системы индивида: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 17 с.

24. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – 990 с.

25. *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.

26. *Готлиб О.М.* Основы грамматики китайской письменности. – М.: Издательский дом ВКН, 2020. – 314 с.

27. Готлиб О.М., Кремнёв Е.В., Шишмарёва Т.Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX века. В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин. – М.: Издательский дом ВКН, 2023. – 288 с.

28. Гримм Я. Германская мифология. Боги древних германцев / пер. с нем. Д. С. Колчигина. – М.: Язуа-пресс, 2024. – 864 с.

29. Гудалов Н.Н., Тулунов Д.С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // Полития. – 2018. – № 1 (88). – С. 135–147. – DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-135-147.

30. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. – М.: Наука, 1974. – 266 с.

31. Давиденко Т.П., Комарова А.А. Краткий очерк по лингвистике русского жестового языка // Комарова А.А. (сост.) Современные аспекты жестового языка. – М., 2006. – С. 146–161.

32. Дементьев В.В. Истерика как оценочная характеристика в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). – С. 60–72.

33. Дэвис Д. Смерть, ритуал и вера: риторика погребальных обрядов / пер. с англ. К. Колкуновой. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 480 с.: ил. (Серия “*Studia religiosa*”).

34. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Элементарные формы, 2018. – 808 с.

35. Евсевий Памфил. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования // Жизнь блаженного василевса Константина. – М., 1998. – 352 с.

36. Елсакова А.Л. Семиотический закон ослабления признака (из истории денег) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – Т. 8, вып. 1. – С. 68–74

37. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния / пер. с фр. (Серия «Философия и богословие»). – 3-е изд. – М.: Издательство ББИ, 2020. – xviii + 202 с.

38. Зарубежная литература средних веков. Нем., исп., итал., англ., чеш., польск., серб., болг. Литературы: учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Составитель Б. И. Пуришев. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – С. 9–10.

39. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Семиотика американо-российских отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – № 1. – С. 3–17. – DOI: 10.20542/0131-2227-2007-1-3-17.
40. Земскова Н.А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.
41. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2011. – 537 с.
42. Золян С.Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения // *Вопросы языкознания*. – 2023. – № 1. – С. 151–168.
43. Ивик О. Кровь и символы. История человеческих жертвоприношений. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 340 с.
44. Ивлева С.В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 24 с.
45. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 19 с.
46. Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте: монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 513 с.
47. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // *Политическая лингвистика*. – 2012. – № 1(39). – С. 43–50.
48. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / науч.-исслед. лаб. «Аксиол. лингвистика». – М.: Гнозис, 2013. – 319 с.
49. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
50. Карасик В.И. Символизация крови в языковом сознании // *Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации* (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля). Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2023. – С. 193–201.
51. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звезгинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
52. Клюканов И.Э. Природа коммуникации // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, 2015. – № 1 (14). – С. 6–13.

53. *Комкова А.С.* Семиотическое ослабление древнеанглийской правовой лексики (на материале текстов памятников VII–XI вв.): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2016. – 25 с.
54. *Комкова А.С.* Феномен семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультуре VII–XI вв. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 170 с.
55. Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2021. – 576 с.
56. *Кравченко О.В.* Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2008. № 1(7). – С. 58–63.
57. Кровь в верованиях и суевериях человечества. Сборник. Соствл., примеч. В.Ф. Бойков. – СПб.: София, 1995. – 480 с.
58. *Кручинин В.А.* Психология развития и возрастная психология: учебное пособие для вузов. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. – 219 с.
59. *Крушевский Н.* Очерки науки о языке. – Казань: Унив. тип., 1883. – 151 с.
60. *Кубинова Й.* Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 23 с.
61. *Кузнецова И. А.* Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 19 с.
62. *Куликовская Е.Н.* Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов// Мир русского слова. – 2019. – № 2. – С. 12–18.
63. Культурные трансферы: проблемы кодов: коллект. монография / под ред. С. Г. Проскурина. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 224 с.
64. *Кучко В. С.* Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 26 с.
65. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М.: Издательство ЛКИ, 2023. – 256 с.
66. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000. – 328 с.

67. *Ледовских А.Ю.* Предметная семантика устных изречений в религиозных гимнах Ригведы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 1157-1165.

68. *Леонтович О.А.* Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.

69. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М. Искусство, 1995. – 320 с.

70. *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // Предварительные публикации. – Вып. 60. – М.: Ин-т русского языка, 1974. – 23 с.

71. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.

72. *Мамохина У.А.* Особенности речи при расстройствах аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития, 2017. – Т. 15. № 3. – С. 24 – 33.

73. *Мечковская Н.Б.* Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учебное пособие. – 2-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 432 с.

74. *Морэ А.* Египетские мистерии / пер. с фр. С. В. Архиповой. – М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2009. – 192 с.

75. *Морозова Е.И.* Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: монография. Харьков: Экограф, 2005. –300 с.

76. *Морэ А.* Египетские мистерии / пер. с фр. С. В. Архиповой. – М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2009. – 192 с.

77. *Новикова В.Ю.* Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 17 с.

78. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

79. *Панченко Н.Н.* Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 23 с.

80. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь Юй». Исслед., пер. с кит. коммент. Факсимильный текст Лунь Юя с коммент. Чжу Си. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1998. – 588 с.

81. *Петров А.А.* Ван Би (226–249). Из истории китайской философии. – М.; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1936. – 190 с.

82. *Пи Цзянькунь*. Оппозиция правда – ложь в паремиологическом пространстве русского языка: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 23 с.
83. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения / пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
84. *Постовалова В.И.* Язык как духовная реальность. Учение об имени и молитве и православной традиции (истоки, направления, концептуальное развитие). – М.: Культурная революция, 2019. – 532 с.
85. *Почепцов Г.Г.* Семиотика. – М.: Рефл-бук, 2002. – 432 с.
86. *Проскурин С.Г.* Эволюция права в семиотическом аспекте // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Право*, 2008. – Т. 4. Вып. 2. – С. 11–18.
87. *Проскурин С.Г.* Курс семиотики. Язык, культура, право: учебное пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. – 226 с.
88. *Проскурин С.Г.* Ранняя перформативность // *Критика и семиотика*. – 2016. – № 2. – С. 121–133.
89. *Проскурин С.Г., Комкова А.С.* Концептуализированные словесно-предметные области как отражение семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультурной традиции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 11(77): в 3 ч. Ч. 2. – С. 144–147.
90. *Проскурин С.Г., Проскурина А.В.* О формах манифестации магической функции языка // *Слово.ру: балтийский акцент*. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 68–82.
91. *Проскурин С.Г.* Семиотика. Язык, культура, право: учебное пособие для вузов. – СПб.: Лань, 2023. – 252 с.
92. *Проскурин С.Г., Лебедева Д.С.* Механизмы семиотического ослабления и иероглифических знаков китайской письменности / *Слово.ру: балтийский акцент*. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 103–124.
93. *Проскурина А.В.* Тематическая сеть языка и культуры (на материале текстов древнеанглийской религиозной традиции VII–XI вв. и текстов Библии). Дисс.... докт. филол. наук. – Новосибирск: НГТУ, 2024. – 38 с.
94. *Проскурина А.В.* Тематическая сеть языка и культуры: на материале текстов древнеанглийской религиозной традиции VII–XI вв. и текстов Библии: монография. Новосибир. гос. техн. ун-т. – Новосибирск: НГТУ, 2025. – 346 с. – 30 экз. – ISBN 978-5-7782-5483-1.
95. *Пруцких А.А.* Принцип экономии языковых усилий и его влияние на языковое развитие // *Известия БГУ*. – 2024. – № 3. – С. 553–558.

96. *Пушкарев Е.А.* Попытка реконструкции генезиса метонимии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. – Т. 12, вып. 2. – С. 5–12.
97. *Радищева В.О.* Концепт «LÜGE» («ЛОЖЬ») в немецкой лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2017. – 23 с.
98. *Рунова Н.В.* Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
99. *Сагалаев Л.М.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 209 с.
100. *Санников С.В.* Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены // Schole, Схолэ. – 2014. – Т. 8, № 2. – С. 378 – 398.
101. *Санников С.В.* Эволюция политического дискурса как реализация принципа семиотического ослабления признака // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2016. – № 26. – С. 8–12.
102. Семиотика: [сборник статей, переводы] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – 635 с.
103. *Син Яньци.* Фразеологическое обозначение правды, истины, обмана и лжи в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2021. – 19 с.
104. *Склизкова Е.В.* Происхождение терминов для белого цвета в индоевропейских языках // Вестник славянских культур. – 2018. – № 1. – С. 129–134.
105. *Смирнов Д.Г.* Семиотика международных отношений: гендерное измерение (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 4 (89). – С. 60–70. – DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.6.
106. *Соломоник А.Б.* Очерк общей семиотики. – Минск: МЕТ, 2009. – 191 с.
107. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31 – 285.
108. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
109. *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. – М., 2004. – 497 с.
110. *Степанов Ю.С.* Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 167 с.

111. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
112. *Степанов Ю.С.* Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5–42.
113. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
114. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
115. *Софронов М.В.* Китайский язык и китайская письменность. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 640 с.
116. *Суродина Н.Р.* Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 19 с.
117. *Сырочкин В.В.* Этимологические заметки / В.В. Сырочкин // Этимология, 1991–1993. – М.: Наука, 1994. – С. 45–52.
118. *Тамерьян Т.Ю., Шаипова А.М.* Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 166–177.
119. *Тацит К.* Соч.: в 2 т. – СПб., 1999. Т. 1. 2. – 736 с.
120. *Тисленкова И.А.* Феномен коммуникативной демонстративности в современном дискурсе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – Т. 2. – № 2. – С. 14–21.
121. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику / В.Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Академия наук СССР; составитель Л. Ш. Рожанский; ответственный редактор Е.С. Новик. – М.: Наука, 1988. – С. 7–60.
122. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–4–2. – М.: Прогресс, 1986–1987.
123. *Филон Библиский.* Финикийская история / пер. Б. А. Тураева // Финикийская мифология. – СПб., 1999. – 331 с.
124. *Фишман Р.* «Атомные церкви» и котики: как защитить людей будущего [Электронный ресурс] // TechInsider. – 8 октября 2019 г. – Режим доступа: <https://www.techinsider.ru/science/511582-atomnye-cerkvi-i-kotiki-kak-zashchitit-lyudey-budushchego/> (дата обращения: 15.10.2025).

125. *Флери В.И.* Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе. – Санкт-Петербург: тип. А. Плюшара, 1835. – 306 с.
126. *Фрэзер Дж.Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. – М., 1989. – 544 с.
127. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии: в 2 т. / пер. с англ. М. Рыклина. – М.: Терра – Кн. клуб, 2001. – 528 с.
128. *Фромм Э.* Душа человека / пер. с нем. В. Закса. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 224 с.
129. Фундаментальные ценности языка и культуры: к 60-летию доктора филологических наук, профессора Сергея Геннадьевича Проскурина: сборник статей / коллектив авторов; отв. ред. А. В. Проскурина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2023. – 334 с.
130. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
131. *Хейстад У.М.* История души от Античности до современности / пер. с норв. С. Карпушиной. – М., 2018. – 477 [3] с.
132. *Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. – М., 1986 с. – 287с.
133. *Чистякова А.Н.* «Феникс» в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2007. – № 3. – С. 179–188.
134. *Шатин Ю.В.* Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. – 2015. № 2. – С. 10–17.
135. *Шуб М.Л., Загуляева З.А.* Семиотическая среда закрытого атомного города как маркер локальной идентичности // Вестник ЧГАКИ. – 2022. – № 1 (69). – С. 48–53.
136. *Эверетт Д.* Как начинался язык: история величайшего изобретения / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с.
137. *Эко У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
138. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2021а. – 254 с.
139. *Элиаде М.* Трактат по истории религии / пер. с фр. – М.: Академический проект, 2021б. – 394 с.

140. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1983. – Вып. 10. – 198 с.
141. *Энтитейн М.Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
142. *Юань К.* Мифы древнего Китая / Пер. с кит., послесловие Б.Л. Рифтина. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.
143. *Юнг К.Г.* Психология западной религии / пер. с нем. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 352 с.
144. Юридическая энциклопедия / М.Ю. Тихомиров, Л.В. Тихомирова; под ред.: М.Ю. Тихомирова – М.: Юринформцентр, 1997. – 525 с.
145. Языки как образ мира / сост. К. Королева. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 563, [8] с.: ил. – (Philosophy).
146. *Baudrillard J.* Simulacres et Simulation / J. Baudrillard. – Paris: Éditions Galilée, 1981. – 233 p. – P. 89–91.
147. *Bowker J.* The Meanings of Death. Cambridge, UK: Cambridge UP, 1991. – 243 p.
148. *Bible Hub.* Online Bible Studi suite. – Режим доступа: <http://biblehub.com>
149. *Bickford J.A., Lewis M.P., Simons G.F.* Rating the vitality of sign languages // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2014. 36(5). P. 1–15
150. *Doomsday Clock* [Электронный ресурс] // Bulletin of the Atomic Scientists. – Режим доступа: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/> (дата обращения: 15.10.2025).
151. *Dunnill J.* Sacrifice and the Body, Biblical Anthropology and Christian Self-Understanding. Farnham: Ashgate, 2013. – 256 p.
152. *Favareau D.* Joining Sign Science and Life Science: Introduction to the Special Issues on Biosemiotics // American Journal of Semiotics. 2008. – Vol. 24/1–3. – P. iii–xv.
153. *Feng L.* Research on the formation of Chinese characters / L. Feng // Journal of Neuro and Spine. – 2023. –Vol. 1. – No. 1. – P. 1–15.
154. *Fisher R.M.C.* The Anglo-Saxon Charms: Texts in Context //Approaching Methodology. – 2012. – P. 108–126.

155. *Gamson W.A., Modigliani A.* Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach / W. A. Gamson, A. Modigliani // *American Journal of Sociology.* – 1989. – Vol. 95. – No. 1. – P. 1–37.
156. *Gyi M.* Semantics of Nuclear Politics / M. Gyi // *ETC: A Review of General Semantics.* – 1984. – Vol. 41. – No. 2. – P. 135–147.
157. *Jackendoff R.* Language in the ecology of the mind // *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics.* – Ed. by P. London, New York: Routledge, 2001. – Copley. – P. 52–65.
158. *Jónsson F.* De gamle Eddadigte. Copenhagen. G.E.C. Gads Forlag, 1932. – 386 p.
159. *Jin X.* New interpretation of Western semiotics from the perspective of symbolic concepts in Zhouyi / X. Jin // *Language and Semiotic Studies.* – 2021. – Vol. 7, No. 1. – P. 57–78.
160. *Kimmelman V.* Word order in Russian Sign Language: an extended report // *Linguistics in Amsterdam.* – 2012. 5(1). P. 1–56.
161. *Lamarque P.V.* Names and descriptions // *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language.* Ed. by P.V. Lamarque. – Oxford: Pergamon, 1997. – P. 226–232.
162. *Macchi L.* Number of Nuclear Warheads Worldwide from 1945 to 2025 [Электронный ресурс] // *Statista.* – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/752508/number-of-nuclear-warheads-worldwide-overtime/> (дата обращения: 15.10.2025).
163. Merriam-Webster = Одноязычный толковый словарь английского языка Мерриам-Вебстера: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
164. *Martin B., Ringham F.* Dictionary of Semiotics. – London, New York: Cassell, 2000. – 177 p.
165. *Messmer M.W.* ‘Thinking It through Completely’: The Interpretation of Nuclear Culture / M.W. Messmer // *The Centennial Review.* – 1988. – Vol. 32. – No. 4. – P. 397–413.
166. *Morris Ch.* Signs, language and behavior. – New York: PRENTICE-HALL, Inc., 1946. – 365 p.
167. *Noda O.* A wolf in sheep’s clothing? The NPT and symbolic proliferation / O. Noda // *Contemporary Security Policy.* – 2021. – Vol. 43. – No. 1. – P. 134–160. – DOI: 10.1080/13523260.2021.1983699.
168. *Rosenthal P.* The Nuclear Mushroom Cloud as Cultural Image // *American Literary History.* – 1991. – Vol. 3. – No. 1. – P. 63–92.

169. *Roya G.* Examining the Discourse on Nuclear Weapons // Disarmament Forum. – 2000. – No. 2. – P. 77–87.

170. *Salvatore S., Palmieri A., Cordella B., Iuso S.* The decay of signs' semiotic value: A cultural psychology interpretation of the contemporary social scenario // Culture & Psychology. – 2021. – Vol. 27. – No. 4. – P. 539–561. – DOI: 10.1177/1354067X211027276.

171. *Stegemann W.* Zur Metaphorik des Opfers // Opfer. Theologische und kulturelle Kontexte, hg. v. Bernd Janowski und Michael Welker. Frankfurt / M., 2000. – S. 191–216.

172. *Teraoka T.* A Court as the Process of Signification: Legal Semiotics of the International Court of Justice Advisory Opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons // International Journal for the Semiotics of Law. – 2016. – Vol. 30. – No. 1. – С. 115–127. – DOI: 10.1007/s11196-016-9484-7.

173. *Trautsch C.* Atomsemiotik – semiotische Probleme von Atommüll und Zeichen als Warnungen an die ferne Zukunft [Электронный ресурс] // INIS-IAEA – International Atomic Energy Agency. – Vienna Nuclear Symposium. – Vienna, 2011. – Режим доступа: [https://inis.iaea.org/ records/7eanj-rrnf50](https://inis.iaea.org/records/7eanj-rrnf50) (дата обращения: 15.10.2025).

174. *Tunander O.* The Logic of Deterrence // Journal of Peace Research. – 1989. – Vol. 26. – No. 4. – P. 353–365.

175. *Wang M., Y. Cai, L. Gao, R. Feng, Q. Jiao, X. Ma et al.* Study on the evolution of Chinese characters based on few-shot learning: From oracle bone inscriptions to regular script // PLOS One. – 2022. – Vol. 17. – No. 8. – P. 1–17.

176. *Weekley E.* An Etymological Dictionary of Modern English. London: John Murray. – 1921. – 1659 p.

177. *Wu Q.* The structure of ritual and the epistemological approach to ritual study // The Journal of Chinese Sociology. – 2018. – V. 5. – No. 1. – 19 p.

178. *Zhang L.* On the Chinese resistance to lexical borrowing: a writing-driven self-purification system // Humanities and Social Sciences Communications. – 024. – Vol. 11(33). – P. 1–9.

179. *フュージョンエネルギー・イノベーション戦略* [Фю:дзэн энэруги инобэ:сён сэньяку = Инновационная стратегия в области энергии термоядерного синтеза] // *内閣府ホームページ* [Найкакуфу хо:мупэ:дзи = Официальный сайт Кабинета министров]. – 14 апреля 2023 г. (с изменениями от 4 июня 2025 г.) – Режим доступа: https://www8.cao.go.jp/cstp/fusion/fusion_senryaku2506.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

180. 漢典 = Иероглифический словарь Ханьдянь: [сайт]. – URL: <https://www.zdic.net/>
181. 象形字典 = Иероглифический словарь: [сайт]. – URL: <https://www.vividict.com>
182. 字形演变 = Эволюция формы написания иероглифов: [сайт]. – URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/>
183. 中国古典名著百部. 语言文字类. 说文解字/ 柴剑虹、李肇翔主编. – 北京: 九州出版社, 2001. – 900 页. [Сотни классических китайских шедевров. Категория языка и текста. Словарь «Шовэнь цзецзы» / ред. Чай Цзяньхун, Ли Чжаосян. – Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2001. – 900 с.]
184. 漢典 = Иероглифический словарь Ханьдянь: [сайт]. – URL: <https://www.zdic.net/>
185. 林义光. 文源 / 义光林. – 上海: 中西书局, 2012. – 452 页. [Линь Игуан. Истоки письменности / Игуан Линь. – Шанхай: Чжунси шуцзюй, 2012. – 452 с.]
186. 马银琴. 风, 风声, 风刺以及《风》名的出现 / 银琴马 // 清华大学学报. 哲学社会科学版. – 2017. – № 4(32). 页. 124–194. [Ма Иньцин. Фэн, фэншэн, фэнцы, а также этимология иероглифа «ветер» / Иньцин Ма // Цинхуа дасюэ сюэбао, Издание по философии и социальным наукам. – 2017. – № 4(32). – С. 124–194.]
187. 裘錫圭. 文字學概要 / 錫圭裘. – 臺北: 萬卷樓, 1994. – 318 页. [Цю Сигуй. Основные положения китайской грамматики / Сигуй Цю. – Тайбэй: Ваньцзюаньлоу, 1994. – 318 с.]
188. 唐兰. 中国文字学 / 兰唐. – 上海: 上海古籍出版社, 2005. – 155 页. [Тан Лань. Китайская грамматики / Лань Тан. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2015. – 155 с.]
189. 象形字典 = Иероглифический словарь: [сайт]. – URL: <https://www.vividict.com>
190. 新甲骨文编 (增订本) = Новое собрание иероглифов на гадательных надписях цзягувэнь / 刘钊主编. – 福建: 福建人民出版社, 2014. – 1104 页. [Новое собрание иероглифов на гадательных надписях цзягувэнь / ред. Лю Чжао. – Фуцзянь: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 2014. – 1104 с.]
191. 字形演变 = Эволюция формы написания иероглифов: [сайт]. – URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/>

192. 字源 / 李学勤主编. -天津: 天津古籍出版社; 沈阳: 辽宁人民出版社, 2012. -1420 页. [Этимология иероглифов / ред. Ли Сюэцинь. – Тяньцзинь: тяньцинь гуцзи чубаньшэ; Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2012. – 1420 с.]

193. 中国古典名著百部. 语言文字类. 说文解字/ 柴剑虹、李肇翔主编. –北京: 九州出版社, 2001. – 900 页. [Сотни классических китайских шедевров. Категория языка и текста. Словарь «Шовэнь цзецзы» / ред. Чай Цзяньхун, Ли Чжаоян. – Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2001. – 900 с.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», декан филологического факультета.

Лебедева Дарья Сергеевна – аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»; Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, преподаватель.

Ледовских Антонина Юрьевна – кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», преподаватель.

Проскурин Сергей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», профессор.

Проскурина Анна Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», доцент.

Торопчин Глеб Вячеславович – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», заместитель декана ФГО по научной работе.

Щеголев Максим Андреевич – аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», старший специалист центра международного образования, преподаватель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Семиотическое ослабление в мировой культуре.....	7
Глава 2. Десемантизация языковых знаков как коммуникативный феномен	27
Глава 3. От ритуала к слову: перформатив как результат семиотического ослабления ритуальных практик в индоевропейской культуре	41
Центральное положение ритуала в культуре (семиотический сильный признак)	43
Ритуальное действие и речевая формула (ослабленный семиотический признак)	47
Речевая формула и концептуализация голоса (слабый семиотический признак)	53
Глава 4. От «разрешителя миров» к мему массовой культуры: семиозис концепта «ядерное оружие».....	62
Потенциал семиотики в исследованиях ядерного фактора: краткий обзор литературы	62
ЯО как коммуникативный и культурный феномен	68
Закон семиотического ослабления на примере ЯО	71
Глава 5. Механизмы семиотического ослабления иероглифических знаков китайской письменности	75
Понятие семиотического ослабления	76
Понятие иероглифического знака	77
Классификации иероглифических знаков	80
Обсуждение и результаты исследования	85

Глава 6. Семиотическое ослабление как эволюционная закономерность развития семиотических систем: на примере эволюции китайской иероглифики	98
Интерииоризация как основа эволюционного закона ослабления.....	100
История исследования закона семиотического ослабления	106
Эволюция иероглифики сквозь призму ослабления	111
Глава 7. Семиотическое ослабление в жестовых языках	127
Природная пантомима.....	128
Упрощение жеста	131
Заклучение.....	141
Библиографический список.....	142
Информация об авторах.....	157

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Проскурин Сергей Геннадьевич
Проскурина Анна Вячеславовна
Карасик Владимир Ильич
Ледовских Антонина Юрьевна
Торопчин Глеб Вячеславович
Лебедева Дарья Сергеевна
Щеголев Максим Андреевич**

**МАНИФЕСТАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО
ОСЛАБЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ, КУЛЬТУРЕ, ОБЩЕСТВЕ**

Монография

*Под научной редакцией доктора филологических наук,
доцента А.В. Проскуриной*

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Художественный редактор *А.В. Ладыжская*
Корректор *И.Е. Семенова*
Компьютерная верстка *Л.А. Веселовская*

Подписано в печать 23.01.2026.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 10,0. Печ. л. 10,0. Тираж 50 экз.
Изд. № 178/25. Заказ № 37.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru
Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20